

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт

8
1969

Р. МАНЯФОВ. КРАСНОЯРСКОЕ МОРЕ.

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества

Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания двенадцатый

8

1969

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ

НЕ ВЕРЬ ТИШИНЕ

В. ТУРУНТАЕВ

Рисунки Н. Мооса

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Родилась я в селе Мансурово. Это недалеко от Москвы, в Истринском районе. В 1938 году закончила семилетку. Тем же летом скоропостижно умер от солнечного удара отец. На семейном совете было решено: ехать мне в Москву, устраиваться на работу. Поехала, месяц торговала в овощном ларьке и подала — тайком от родных — заявление в художественное училище.

Экзамены выдержала успешно, но в списках принятых своей фамилии не обнаружила — нужна была еще московская прописка.

По совету умных людей тут же подала новое заявление — в механико-элеваторный техникум. Очень уж хотелось учиться. На этот раз все обошлось.

21 июня 1941 года в техникуме закончилась очередная экзаменационная пора. Я перешла на последний, четвертый курс...»

Голубой станционный павильон, в Покровско-Стрешневе строили, должно быть, очень веселые люди. Крышу пустили волнами, а окнам придали сходство с молоденькими шампильонами: на коротком толстом пеньке — круглая шляпка с загнутыми внутрь краями.

Марина прошла к платформе, надеясь добраться до Истры с каким-нибудь воинским эшелонном. Но поезда проходили мимо, не останавливаясь. В дверях теплушек толпились красноармейцы. Они что-то кричали Марине, но в грохоте колес нельзя было разобрать ни слова.

Рядом было Волоколамское шоссе. Через мост, перекинутый над железнодорожным полотном, пронеслись грузовики, автобусы и санитарные машины.

Марина пошла туда, на шоссе. Остановилась на обочине, вскинула руку. Машины двигались сплошным потоком, разбрызгивая колесами мокрый, выпавший ночью снег. Лица водителей за ветровыми стеклами казались бесстрастными, как маски. Один грузовичок все же отвернул в сторону, остановился. Марина припустила к нему:

— Подвезите!

Из кабины выглянул военный в полушубке.

— Тебе куда, черноглазая?

— В Истру!

— Ку-уда-а?.. — растерялся тот. — Там же фронт, девочка!

Был ноябрь сорок первого года, и немцы рвались к Москве.

— У меня направление в часть, — сказала Марина, протягивая документы.

Военный взял их, стал просматривать.

— Ну-ну, черноглазая... Тум-ту-рум... ту-ту-тум... Тум-тум... ту-ру-рум... «Марина Васильевна Парфенова направляется санитарным инструктором в Семьдесят восьмую стрелковую дивизию». — Он еще раз оглядел Марину с ног до головы, что-то про себя прикидывая. — Ну-ну... А ведь и я из Семьдесят восьмой! Будем знакомы: комиссар отдельного саперного батальона Кириченко. Давай сюда котомку, садись, — поедем в Гучково...

— А... разве не в Истру?

— Ты садись, садись! Тебе дивизия нужна или Истра? — и шоферу: — Давай, Каля, жми!

Марина озябла в своем демисезонном пальтишке, и теперь, в теплой кабине, ее пробирала дрожь. Комиссар Кириченко снял с себя полушубок и укутал ее:

— Может, уснешь?

Марина не ответила — она уже спала.

В Гучково приехали в сумерках. Комиссар привел Марину в дом, где разместилась санчасть саперного батальона, и представил полной женщине средних лет, в гимнастерке с командирскими петлицами:

— Ну, Ликерия Петровна, принимайте пополнение! Это Марина.

Ликерия Петровна обрадовалась:

— Вот как хорошо-то! У меня уже есть одна помощница, Ксения Вивтоненко, теперь и Марина будет. Что тут творилось, товарищ комиссар, в ваше отсутствие, вы и представить не можете: бои, раненых везут, а я одна, сама и врач, и сестра, и санинструктор — весь мой персонал вышел из строя, — и кивнув на Марину, поинтересовалась: — Где ж это вы ее?..

Комиссар хитровато усмехнулся:

— Да вот еду по дороге, смотрю... — и что-то зашептал на ухо Ликерии Петровне.

Та слушала, слушала и вдруг отстранилась:

— Бог с вами, а если ее там хватятся?

— Ничего, ничего, — успокоил ее комиссар. — Я все улажу, дивизия-то одна. Мариночка, располагайся! — и ушел, забрав документы.

— Как же тебя на фронт взяли, такую молоденькую? Поди и паспорта еще нет?

Смуглое улыбочное лицо девушки заливаётся румянцем, хмурится. Верхняя губа с маленькой черной родинкой обиженно вздрагивает.

— Мне девятнадцать, Ликерия Петровна!... — в черных блестящих глазах ожидание: поверят или нет?

Ликерия Петровна чуть заметно покачивает головой:

— Уж ладно, не буду выпытывать. Сколько ни есть — все твои, годы-то. Отец, мать живы?

— Нет...

Мать погибла совсем недавно, двух месяцев не прошло. Попала под бомбежку.

— А ты, значит, на фронт решила?

Марина кивнула.

— Мы всей группой, еще в тот день, как войну объявили, пошли в военкомат. Ну, правда, некоторых мальчишек взяли, а девчонок даже до комиссии не допустили. Потом, в августе, опять ходила, уже одна. Пообещали: пришлем повестку. Я и котомку сшила, положила в нее все, что необходимо...

— Ну, и прислали повестку-то?

— Где там! Как мама погибла, пошла я к ним в третий раз. Опять тот же разговор: ждите, когда надо будет — вызовем. Ну, сколько можно ждать, Ликерия Петровна? Взяла я вещички и двинулась пешочком в свое родное Мансурово. Там у меня тетка. А возле Мансурово — уже бои...

— Что ж ты, так прямо и воевать решила? — всплеснула руками Ликерия Петровна.

— Не знаю, — улыбнулась Марина. — Пошла и пошла. Думала: повидаюсь с теткой Авдотьей, а уж там — как будет.

У нее и правда не было тогда определенной цели. Было лишь ощущение большой беды и навязчивая мысль: надо идти непременно навстречу беде.

Незадолго перед тем ей случилось побывать на Можайском шоссе. Оно было сплошь забито беженцами. Люди бежали оттуда, где бои. А по сторонам шоссе строились оборонительные укрепления. Женщины, девушки и мальчишки рыли траншеи. Они кричали вдогонку беженцам: «Да куда ж вы? Москва-то вон она — некуда дальше-то уходить!»

Марина тоже не понимала: зачем и куда бегут люди? Чем забивать дороги своими пожитками, взяли бы лучше винтовки и сражались вместе с красноармейцами.

— Каждый убил бы по одному немцу — поди, давно бы войне конец пришел, ведь столько народищу перло тогда к Москве! Правда же, Ликерия Петровна?

— Эх, милая моя, кабы все так просто, — не согласилась та. — Ну а дальше-то? Как ты сюда-то попала?

— А командир части, которая Мансурово обороняла, характеристику мне написал, что я раненых во время бомбежки перевязывала и еще в Сорокино, — там же, недалеко, — в разведку ходила. Я с этой характеристикой опять в военкомат!

На крыльце затопали, видимо, стряхивая снег с сапог.

— А вот и Ксения, — сказала Ликерия Петровна.

Дверь распахнулась, и в комнату влетела девушка в ушанке, с тяжелой, туго набитой санитарной сумкой на плече.

— Ликерия Петровна, вы знаете, я целую гору всего достала! — и Ксения принялась выкладывать из сумки бинты, вату, флаконы с йодом, баночки с мазями. Сама беленькая, чуть курносая, по лицу разбегаются рыжеватые веснушки.

— Ну, Ксения, ты молодец! — порадовалась и Ликерия Петровна.

Утром явился старшина:

— Где тут пополнение? Идем обмундировываться!

Подбирал, подбирал он Марине форму, ничего подходящего не нашел, все было велико.

— Не беда, — сказала Ксения. — Что-нибудь придумаем.

Распорол гимнастерку, укоротили полы, ушили в боках, подняли рукава, приметали белый подворотничок. В самую пору пришлась гимнастерка! Ремень дважды вокруг талии обвился — пришлось и его укоротить.

На фронте было затишье и раненых в санчасть поступало немного.

Однажды к девушкам заглянул интендант Гущин:

— Которая тут в техникуме училась?

— Я, — с готовностью отозвалась Марина. — Три курса кончила.

— Подходяще! Идем-ка со мной! — и привел ее к писарю Фомину, низенькому круглолицему старшему сержанту: — Вот тебе грамотный кадр!

— Не хочу я писарем! — запротестовала Марина.

Ей объяснили, что в армии нет такого слова «не хочу».

— Ты не жалеешь, что ко мне попала, — успокоил ее Фомин. — Привыкнешь — понравится. А что? И эта работа важна.

Стал он вводить ее в курс дела:

— Вот в эту книгу вписывай дебет — все, что поступает. А сюда — кредит... Сколько портянок получили, сколько выдали...

— Как же, буду я портянки считать!

— Не только портянки, и шинели тоже, — писарь улыбнулся, и на румяных его щеках заиграли ямочки.

Саперный батальон перебазировался в Павшино, почти к самой Москве. Настроение было подавленное. И вдруг в канцелярию вбегает Ксения Вивтоненко и кричит:

— Немцев погнали, Маринка! Бежим скорее собирать барахло!

Марина закрыла канцелярию на замок и побжала с Ксенией в санчасть. Уложили все имущество в ящики, приготовились к отъезду. Марина вышла на крыльцо — ждали грузовика — и тут на нее налетел запыхавшийся Фомин:

— А ну, пошли укладывать бумаги!

Когда батальонная канцелярия прибыла в Гучково, бои шли уже на подступах к Истре. Саперы наводили переправу через реку, работая по пояс в ледяной воде, под шквальным огнем. И там, вместе с саперами, была Аня Фокина, санинструктор второй роты. Об этой бесстрашной девушке Марина слышала от бойцов, прибывавших в санчасть с передовой:

— Ну и боевая! Ни черта, ни дьявола не боится — вытаскивает раненых прямо из реки!

В то время награды скупой давали, а Аню Фокину представили сразу к ордену. О ней писали во фронтовой газете. Марине она казалась человеком особенным, не таким, как все остальные. И Марина очень удивилась, когда Ксения Вивтоненко завела однажды такой разговор:

— Маринка, давай в роту проситься! Что мы тут — все принимаем да отправляем раненых, ты портянки свои считаешь. Фокина на передовой, ей легче быть храброй! Ну, сама посуди: вот, допустим, завтра кончится война, а ты и немца-то живого не видела. Вояка!

— Как это не видела?

— Да где же?

— В Сорокино, когда в разведку ходила.

— Ты в разведку ходила?

— Сперва я просто так пошла, бабушку по-

видать, она в Сорокино живет. Только захожу в деревню, слышу — моторы гудят, собаки лают, а на улице пусто, будто все люди вымерли. А они в погребах сидели. И бабушка моя тоже. Поплелись мы с ней, а как стала я вверх вылезать — тут и увидела немцев. Машины их посреди улицы стояли, а к машинам пушки были подцеплены. Солдаты возле пушек бегали, чего-то кричали по-своему. Ой, как я испугалась! Бегом из деревни оврагом и у лесной опушки встретилась с нашими разведчиками. Спрашивают: «Здесьняя?» Я говорю: «Конечно!» И попросили они меня опять сходить в Сорокино, поглядеть, в какую сторону немецкие колонны двигаются. Самим-то разведчикам в маскировочных халатах к деревне близко не подойти — немцы их сразу заметят.

— И ты пошла?

— Ну да. На улице опять пусто. Те машины с пушками, которые я в первый раз видела, уже проехали. А в стороне Львово гудят моторы. Все громче, громче. Прижалась я к палисадничку, жду. Вот уж слышу — пошли машины на подъем к деревне. Вдруг как засвистит в воздухе! Бах! Прямо там, в овраге, где машины немецкие ехали, снаряд разорвался! Потом еще один. Думаю: сейчас фрицы разбегутся, как тараканы! Закричали они там на разные голоса...

— Ты видела, как они разбежались? — спросила Ксения.

— Ничего не разбежались. Покричали и поехали дальше. Ой, Ксения, я как увидела их... Ну вот совсем, кажется, рядом вползла в деревню одна машина, за ней другая, третья... Двенадцать всего я насчитала. И поперли по улице. Моторы режут — аж земля трясется. А солдаты сидят в кузовах на скамеечках, мундирчики у них чистенькие, каски блестят, автоматы в руках. Лица у всех дерзкие такие, нахальные — что, мол, нам ваши снаряды!

— Теперь-то они драпают! — сказала Ксения.

— Теперь драпают, — согласилась Марина. — А тогда у меня мысль в голове была: что, если все они такие вот, свеженькие, досюда дошли... Такое меня зло взяло...

— Ну, а куда ж они ехали?

— На Звенигород. Когда я сказала об этом командиру наших разведчиков, он, поверишь, даже присвистнул: думали, что немцы повернут на Истру, там был наш укрепленный район, а они пошли в обход...

— Счастливая ты, Маринка, — вздохнула Ксения. — Уже и в разведку сходить успела, и раненых под бомбежкой перевязывала...

Вот уж скоро и Можайск. Машины без конца буксуют на заснеженных дорогах. Ну и зима выдалась, никогда еще в этих местах не бывало столько снега! Впереди колонны автомашин ползет трактор — вытаскивает грузовики. Холодно сидеть в кузове. Мороз пробирается под ватник. Стынут, деревенеют ноги.

Несколько дней назад ушла из санчасти Ксения Вивтоненко: в первой роте погиб санинструктор, и ее взяли на освободившееся место. Марине обидно: вместе подавали рапорты, а она все еще ходит в писарях. «Чем же я хуже?»

Марина пошла к комбату, подала новый рапорт. Комбат долго смотрел на нее грустными глазами. Вздохнув, сказал:

— Подожди немного, дочка, у меня сейчас все роты укомплектованы.

— Другие все воюют, а я все в писарях,— пожаловалась Марина.

— Засиделась? — усмехнулся комбат. — Ну, ничего: там места освобождаются быстро.

Все-таки она добилась: ее перевели обратно в санчасть, к Ликерии Петровне. Теперь тут работы было много — раненые поступали с передовой непрерывно. Спать приходилось иной раз только в машине, во время переездов.

Однажды остановились на ночлег в какой-то деревушке. В немногих уцелевших домишках уже разместились саперы одной из рот — разминировали участки перед деревней и приотстали от других.

В избе, куда вошли Марина с Ликерией Петровной, было жарко, и совсем по-домашнему трещали в печи дрова. Отсветы пламени плясали на полу и на лицах сидевших на корточках бойцов. Марина тоже под села к печке, вытянула к огню озябшие руки, и тут в избу вошла еще одна девушка — невысокая ростом, в ушанке набекрень, в перетянутой солдатским ремнем телогрейке и с кобурой на боку. Брови и волосы на лбу — белые от инея.

— Ну как, Аня, раненых много? — спросила у нее Ликерия Петровна.

— Хватает. Сегодня, правда, полегче.

— Ноги не застыли?

— Нет, в валенках хорошо.

Разговаривая, Аня сняла шапку, телогрейку и оказалась очень тоненькой, черненькой, постриженной под мальчика девушкой.

— Кто это? — потихоньку спросила Марина у Ликерии Петровны.

— Да Аня же Фокина! Аня, познакомьтесь: это моя помощница, Марина. Тоже бедовая — все просится туда, к вам. Не сидится ей со мной...

— Ну и правильно, — сказала Аня. — У вас тут скучища.

— Вот и Ксения ушла, — продолжала жало-

ваться Ликерия Петровна. — Ты ее не встречала — как она там?

— Ничего, хорошо. Они вперед ушли, — Аня махнула рукой в неопределенном направлении и, в свою очередь, принялась жаловаться Ликерии Петровне на то, как трудно следить за санитарным состоянием бойцов, когда все время в наступлении. И еще о чем-то таком же будничном говорила.

Оказывается, и Аня Фокина тоже не только подвиги совершает, но и работает, как все другие. Как Марина, как Ликерия Петровна, как Ксения. Делает перевязки, ведет отчетность и проверяет санитарное состояние бойцов. Только все это она делает там, на передовой. В этом вся и разница. И Марина подумала — теперь она это твердо знала, — что и она смогла бы работать где угодно. И там, на передовой, тоже.

Засыпая, загадала: если утром Аня Фокина, уходя, наденет рукавицы в избе, то ее, Марину, очень скоро переведут в роту санинструктором. А если наденет их в сенях или на улице, то придется подождать.

Но когда Марина — ей показалось, что она и не спала вовсе — открыла утром глаза, ни саперов, ни Ани Фокиной уже не было в избе.

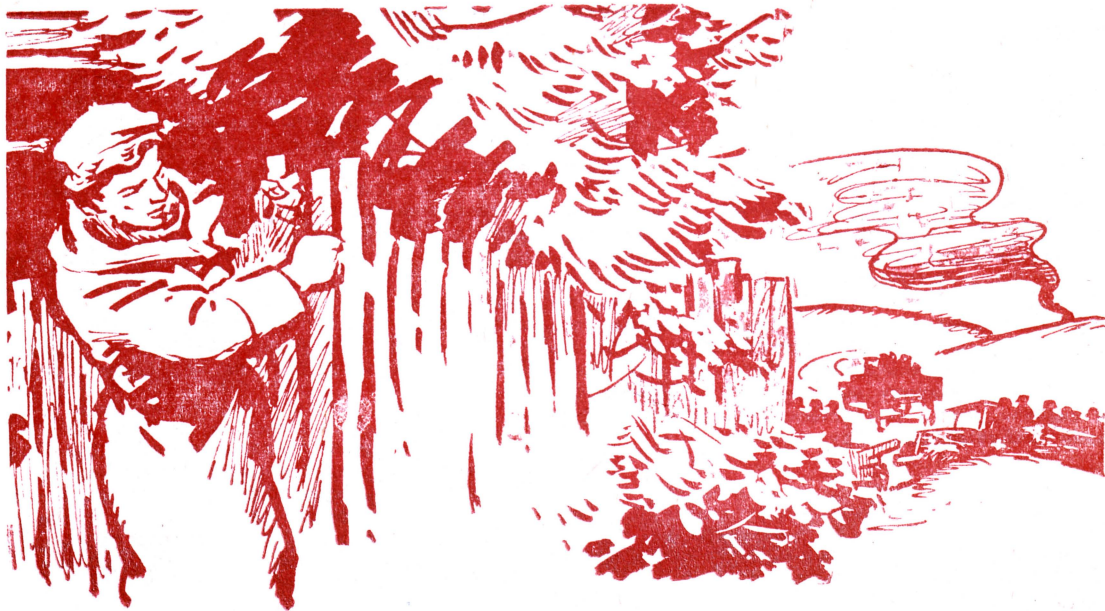
Две саперные роты во главе с командиром батальона ушли вперед, и в какой-то момент связь между ними и штабом прервалась. Это случилось на Вяземском направлении.

В санчасть прибывали теперь не столько раненые, сколько обмороженные. Они и рассказывали, что происходит на переднем крае:

— Снегу по пояс, а немец-то налегке, все побросал, — попробуй тут догони его!

Но доходили и такие слухи, будто справа и слева нет наших войск и что там, в лесах, — немцы.

Про ушедшие вперед саперные роты никто

ничего определенного сказать не мог. И на сердце у Марины становилось все тревожней: ведь там, с этими двумя ротами, — Ксения Вивтоненко и Аня Фокина. И когда комиссар батальона, который оставался теперь за командира, решил отправить вперед несколько групп для связи с ротами, Марина попросила послать и ее тоже.

Вышли на рассвете. Шли весь день, и всю ночь, и весь следующий день, и еще ночь, обгоняя двигавшиеся на запад войска. Чтобы сократить дорогу, часто сворачивали на снежную целину и брели по ней, выбиваясь из сил.

На вторую ночь Марина задремала прямо на ходу, и ей приснилось, будто она встретила Ксению Вивтоненко. Та стала звать ее в свою роту: «Ой, Маринка, как тут здорово! Воюем по-настоящему. А в санчасти у вас, поди, скучища! Иди к нам!» — «Я пошла бы, — ответила ей Марина, — да в одну роту не положено двух санинструкторов!» — «А меня скоро убьют», — ответила Ксения.

Марина в страхе открыла глаза. По-прежнему была ночь. Под ногами скрипел снег, а над головой ярко сияли звезды.

В деревнях, куда заходили связные, войск уже не было, и на вопрос: давно ли прошли наши? — жители отвечали: «Да вот только что!»

Наступило третье утро. Вот еще одна деревня. Постучались в крайнюю избу:

— Мамаша, проходили войска?

Ответ на этот раз прозвучал неожиданно и непонятно:

— Сейчас только немцы ушли!

— А наши?.. — почти закричала Марина. — Где наши?

— Проходили и наши — часа два тому, — старушка показала рукой на запад: — и наши туда ушли, и немцы.

В той стороне, километрах в полутора от деревни, начинался лес.

— Ты что-то путаешь, мамаша! — сказал сержант Мордовин, старший группы. — Наверное, немцы вперед ушли?

Старушка обиделась:

— Нешто я своих от немчуры не могу отличить?

Поразмыслив, сержант Мордовин повел группу дальше, к лесу:

— Что-то тут неладно.

Но едва группа приблизилась к опушке, как оттуда по ним открыли огонь из автоматов.

Бойцы бросились в снег и, разгребая его руками, поползли обратно к деревне...

В этот день немцы перерезали большак, по которому двигалась дивизия. И там, под Вязьмой, остались в окружении две роты третьего отдельного саперного батальона, а с ними — Ксения Вивтоненко и Аня Фокина. Через несколько дней оттуда, из окружения, вышли восемнадцать саперов. Только восемнадцати удалось пробиться сквозь немецкий заслон. Остальные погибли.

И тогда Марину вызвали в штаб батальона и сказали, что в роту старшего лейтенанта Лосева требуется санинструктор.

II

6 — **В**сем хватило игрушек? — спросил Лосев, придирчиво оглядывая одетых в белые маскхалаты саперов. — Может, кому мало?

Бойцы заулыбались. Их застывшие в напряженном ожидании лица, как это всегда бывает перед выходом на опасное дело, словно бы оттаяли.

У каждого в руке — мешок, до отказа набитый противотанковыми минами, на груди — автомат. Марине дали нести мешочек с взрывателями, он висел у нее на поясе, а сзади топорщилась санитарная сумка.

Ветер переметал через бруствер снежную пыль. Над головами с воем пролетали мины и хлопали где-то позади. Порой ночное небо высвечивалось серебристым призрачным сиянием.

Лосев теперь неотрывно смотрел на часы. До выхода оставались считанные минуты. Марина так же неотрывно следила за выражением лица командира, готовая в любой момент последовать за ним в слепую непроглядную мглу. И все же она не смогла удержаться от улыбки, когда большой, широкоплечий, закутанный в белый халат Лосев вдруг показался ей похожим на новогоднего Деда Мороза. Только что не было у него бороды и усов.

— Пошли! — Лосев перемахнул через бруствер. Кто-то из бойцов подхватил Марину под мышки, помогая ей выскочить из траншеи, чересчур глубокой для ее роста.

Лосев, пригибаясь, пробежал несколько шагов и залег, поджидая остальных. Марина старалась повторять все движения командира. Она была второй в цепочке, и все распоряжения, которые отдавал Лосев саперам, шли через нее. Поэтому Марина не спускала глаз с его рук. Вот он обернулся и легким взмахом руки показал: пошли! Махнула рукой и Марина. Немного пробежав, снова все залегли.

Дальше продвигались ползком, забирая влево, через ложбину. Путь, по которому Лосев вел бойцов, был тщательно выверен. Прежде чем отправиться на задание, саперы несколько дней вели наблюдение, выползая с биноклями на пригорок и просматривая дорогу между двумя деревеньками — Валухово и Березки, в которых стояли немецкие боевые охранения. Днем по этой дороге курсировали немецкие танки, обстреливали наши позиции, мешая дальнейшему наступлению. Группа Лосева и должна была заминировать дорогу.

В тусклом свете ракет сквозь мутную снежную кутерьму угадывались темные пятна воронка. Мины продолжали рваться то тут, то там. Они летели и с нашей, и с немецкой стороны, и когда слышался их нарастающий, леденящий душу вой, саперы, как по команде, зарывались в снег, ненадолго замирали, а затем ползли дальше. Мягкий сухой снег глубоко оседал под локтями. Саперы ползли почти бесшумно. Лишь изредка кто-нибудь неосторожно стукнет автоматом о мешок с минами, и тогда Марина слышала сердитый шепот командира: «Тише вы, черти!..» — «Тише!..» — так же шепотом, сердито, бросала она ползущему за ней следом саперу.

Лосев поднял голову, прислушался. Подозвал к себе двоих саперов, что-то приказал им. Те поползли к смутно белевшему впереди снежному валу, образовавшемуся при расчистке дороги, и тотчас их маскхалаты словно растаяли во тьме. Марина скорее угадала, чем увидела, как над самым гребнем вала что-то мелькнуло — раз, другой... Все было спокойно. Немного

выждав, Лосев дал знак остальным выползть на дорогу.

Один за другим саперы переваливались через гребень и скатывались на твердую, утрамбованную гусеницами дорогу. Сняв рукавицы и сунув их за пазуху, каждый взял у Марины, сколько ему надо было, запалов и молча принался за дело.

Лосев работал наравне со всеми: маленькой лопаткой выкапывал в плотном заледенелом насте лунки.

— Дай-ка мину!

Марина подала один из трех продолговатых ящиков, положенных саперами у ног Лосева.

— Так... Взрыватель!

Марина достала из мешочка взрыватель. Второй, третий. Как хирургическая сестра во время операции, она делала то, что было нужно.

Оглянувшись, она увидела на дороге несколько неподвижных белых кочек. Можно было подумать, что они так и торчали здесь все время, эти кочки. Ветер надувал на них с насыпи снежную пыль... Если хорошенько прислушаться, то в промежутках между разрывами мин, сквозь унылое завывание ветра можно было поймать ухом легкий хруп, — это саперы ковыряли лопатками мерзлый грунт.

Белые кочки на дороге время от времени приходили в движение: то одна неслышно стронется с места и поплывет дальше по дороге, то другая...

— Ну, вот и все! — сказал Лосев, уложив последнюю мину. — Теперь осталось только смотреть удочки.

Марина облегченно вздохнула, и на какой-то миг ей показалось, будто она уже вернулась в свою землянку.

Но вот где-то совсем близко прострочила воздух автоматная очередь. Видимо, на опушку леса, на той стороне дороги, вышел патруль, и, как обычно, один из немцев пальнул для остротки в сторону дороги. И сейчас же в небо взвились ракеты. Когда они погасли и все вокруг погрузилось во мрак, Лосев приказал саперам отходить. Те, кто уже кончил минировать, перебрались через вал. Когда Лосев подсаживал Марину, на дороге оставалось всего трое бойцов.

Она скувырнулась в снег по другую сторону вала. Поднявшись на ноги, еще успела поймать взглядом взбиравшегося на гребень командира роты. И в этот момент перед глазами взметнулось огромное пламя, ее оглушило и отшвырнуло в сторону...

Марина открыла глаза, осмотрелась. Снег вокруг нее был весь черный. Сильно пахло гарью. Рядом били из автоматов короткими очередями. Чуть дальше, приглушенной, рвали воздух длинные очереди. Там, за дорогой, почти непрестанно вспыхивали маленькие трепетные огоньки. Слышался близкий посвист пуль. Шел настоящий бой.

Вдруг кто-то крикнул:

— Старший лейтенант ранен!

Марина поползла на голос и почти тотчас же увидела Лосева и еще одного сапера возле него. Лосев пытался приподняться на руках и снова со стоном падал в снег.

— Ребята... пускай отходят!..

Увидев Марину, сапер, находившийся при командире, спросил:

— Управишься с ним одна?

— Ладно, — сказала Марина.

— Мы прикроем, — и сапер исчез.

Лосев опять приподнялся на руках:

— Где ребята?.. Пускай... отходят...

На бедре у него расплылось по маскхалату большое темное пятно. Марина только успела достать из сумки бинты, как немцы запустили целую серию ракет. Огонь еще больше усилился. Слово при свете дня Марина увидела дорогу: большое черное пятно и уходящие от него вправо и влево снежные валы. Увидела лежащие в снегу белые фигурки саперов — метрах в ста левее себя. Увидела немцев — там, впереди, за черным пятном воронки, тоже в какой-нибудь сотне метров...

Когда ракеты погасли, она перебинтовала Лосеву рану.

— Товарищ старший лейтенант, обхватите меня за шею! Крепче!

Если бы можно было приподнять голову! Но пули вжимают в снег. Автоматные очереди сливаются в сплошную трескотню, и теперь трудно разобрат, где наши, а где немцы.

— Товарищ старший лейтенант!..

Лосев притянул Марину к себе, зашептал:

— Уходи... Уходи, Маринка, я сам как-нибудь... А то нас обоих...

Он совсем не может двигаться! Что делать? Немцы, наверное, уже перешли дорогу... Позвать кого-нибудь из саперов? Не услышат, далеко... Она находилась сейчас в том состоянии слепого иступления и отчаяния, когда все становится безразличным, даже свистящие над головой пули. Все, кроме одного-единственного дела, на котором сконцентрировались вся ее воля, нервы, сила. Ухватив Лосева обеими руками за поясной ремень, она попыталась оттащить его подальше от дороги. Лосев слабо помогал ей руками и здоровой ногой. При каждом усилии лицо его кривилось от боли.

— Маринка... Прошу, уходи... — хрипел он. — Я сам выберусь...

Она вспомнила день, когда получила назначение в роту. Лосев сам пришел за нею в санчасть, чтобы проводить в расположение роты. Немцы вели методичный минометный обстрел наших позиций. При каждом, даже отдаленном разрыве Марина ложилась в снег, а Лосев с добродушным видом приговаривал: «Ничего, Мариночка, привыкнешь. Смотри: я уже не падаю!» В конце концов, он взял ее за руку, как маленькую девочку, и так, за руку, привел в роту...

— Да не брошу я вас тут, хоть умрете! — закричала она. Слезы навернулись у нее на глаза, мешая смотреть. — Не уйду, слышите! Милый, хороший мой, ну еще немножечко!..

Лосев несколько мгновений смотрел на девушку, словно сясь что-то понять, а затем вдруг обхватил ее за шею. Марина почувствовала, как его щетина впилась ей в щеку.

— Вылезем!.. — прохрипел Лосев. — Не дамися немцам!

И они поползли.

Лосев тяжело дышал. Лицо его вспотело.

— Отдохнем?..

Усталости Марина почти не чувствовала, но было очень жарко. Выбившиеся из-под шапки волосы обледенели. Белой рукавичкой от маскхалата она смахнула пот со своего лица, затем отерла Лосеву взмокший лоб, глаза. Лосев благодарно улыбнулся.

Перестрелка не утихала. С немецкой стороны бил пулемет.

— Товарищ старший лейтенант, пора! — Марина приподнялась, подставляя Лосеву плечо.

— Эх, не догадываются, видно, на этот раз немцы лошадей подать! — сказал Лосев. — А неплохо бы, правда?

Марина улыбнулась:

— Теперь уж мы и сами доберемся.

— Тогда побежали, а? Ведь три ноги на двоих...

Да, повезло ей на днях с этими лошадьми. Уже смеркалось, когда она вышла с группой на задание. Навстречу санитары несли раненых. Вскоре стали попадаться убитые, и чем дальше, тем больше. Саперы шли молча, стараясь не смотреть под ноги. Марина даже обрадовалась, когда услышала стон. «Я сейчас, ребята!» — крикнула она саперам, быстро перевязала раненого, и тут опять: «Сестричка, помоги!» Она и этому помогла, и еще одному. Только вдруг спохватилась: где же ее группа? Ушли саперы. Вокруг свистели пули. Немцы били из автоматов со стороны опушки. Марина обхватила одного бойца поперек туловища и оттащила в придорожный кювет. Вернулась за другим. Немцы заметили ее и повели прицельный огонь. Но Марина уже оттащила в кювет второго бойца. Теперь как-то надо было выбираться к своим. И вдруг из лесу, со стороны немцев, вынеслась упряжка с санями. Вот она уже рядом, на дороге. Марина вскинулась навстречу: «Тпру-ру!» Упряжка остановилась.

Взмывленные кони били копытами мерзлый снег. Немцы, прекратив стрельбу, выжидали. Все это продолжалось считанные мгновения. Вот ра-

ненные уже в санях. Едва Марина сама ухватилась за связи, как кони рванули и понесли. Немцы вдогонку открыли бешеную стрельбу, но было уже поздно.

Сдав раненых в санчасть, Марина пошла в свою роту. Путь ее лежал через поле недавнего боя, и опять она перевязывала раненых и помогала санитарам оттаскивать их в овражек.

Тем временем старший группы саперов доложил командиру роты об исчезновении санинструктора. Досталось же Марине от Лосева, когда она, наконец, вернулась к себе в роту!

А сейчас он лежит на боку совершенно беспомощный. Уже перевалили через пригорок.

— Милый, хороший, еще чуточку!

Лосев не отвечает. Глаза его закрыты, он кажется неживым.

— Товарищ старший лейтенант!.. — Марина испуганно подалась к Лосеву, всмотрелась внимательней в его черное, неузнаваемо изменившееся лицо. Из приоткрытого рта вырывалось тяжелое горячее дыхание. Неужели шок?

Но вот Лосев открыл глаза.

— Двигаем дальше?

— Двигаем, товарищ старший лейтенант!..

Проползли метра два, и снова передышка. Совсем ослабел старший лейтенант. Ну, ничего! Еще немного. Еще... Как хочется спать! Хоть секундочку бы вздремнуть — сколько сил бы прибавилось...

Но они уже вышли из-под обстрела. Немецкие автоматчики, видно, так и не решились перейти дорогу, все еще держатся на той стороне. Из наших траншей строчат пулеметы.

— Не повезло мне, — прошептал Лосев. — Хотел подольше повоевать. Ребята в роте подобрались славные... как родные они мне...

— Вы еще вернетесь, — сказала Марина. — Мы вас будем ждать.

— Я скоро... поправлюсь...

Кто-то ползет сюда. Это саперы. Те, что отстреливались. Теперь и они отошли. Но почему их так мало, где остальные?

«Ребята!» — хочет крикнуть им Марина, но голос куда-то пропал, одно сипенье вырывается из сведенного рта.

— Жив старший лейтенант?

Лосев приподнялся:

— Убитые есть?

— Двое ранены, — ответили ему и — после некоторого молчания: — Трое... убитых.

— Кто?

Ему назвали фамилии. Лосев застонал. Саперы подхватили его под мышки, собираясь тащить, но он высвободил руки.

— Вынесли их? — его трясло, как в лихорадке, и он с трудом выговаривал слова. — А?..

— Нельзя было, товарищ старший лейтенант... Ничего от ребят не осталось.

Лосев уронил голову на руки и затих.

«Ничего от ребят не осталось... Ничего от ребят не осталось...» — звенело в ушах у Марины. Как это — ничего не осталось? Смысл этих слов до ее сознания не доходил. Как — ничего не осталось?

И когда саперы, подхватив безжизненное тело командира, потащили его к траншее, Марина еще некоторое время лежала в снегу, пытаясь понять: как это — ничего от ребят не осталось?

Из траншеи Лосева на носилках доставили в медсанбат, а там сразу погрузили в сани и отправили в госпиталь. Он просил не отправлять его из дивизии, но ранение у него оказалось очень тяжелым — была раздроблена берцовая кость, — и медсанбатовские врачи не решились оперировать сами.

В последний момент Лосев попросил позвать комиссара Кириченко и сказал ему:

— Грешно вам будет, товарищ капитан, если вы эту девочку не представите к награде.

На другой день группа саперов получила задание разминировать один из участков нашей обороны — предстояла атака. Пока готовилось снаряжение, в блиндаж заглянул артиллерийский лейтенант и стал рассказывать, как его ребята подбили на дороге немецкий танк.

— Товарищ лейтенант, — обратилась к нему Марина. — Как же это ваши артиллеристы — со стороны противника, что ли, стреляли? Или, может, сам танк наехал гусеницей на ваш снаряд?

— А что такое?

— Да поглядите, в какую сторону накренился танк!

Это не было для нее вопросом самолюбия. Какое же тут самолюбие, если ты сделал тяжелую работу, а кто-то другой приписывает ее себе! Элементарное чувство справедливости.

— А ну, поглядим! — сказал лейтенант и полез через бруствер. Вот у него — это точно, самолюбие взыграло. Но человек он был, видимо, честный. Вернувшись, пожал саперам руки:

— Ничего не скажешь, ваша работа. Поздравляю!

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Вскоре я и сама попала в госпиталь: осколком мины была ранена в грудь. Через месяц вернулась в свою часть. Нашу Девятую гвардейскую дивизию (так теперь именовалась Семьдесят восьмая стрелковая) перебросили на Харьковское направление. При переправе через Северный Донец я вторично была тяжело ранена — разрывной пулей в плечо. На этот раз пробыла в госпитале пять месяцев, а после выписки получила направление в 184-ю стрелковую дивизию, которая только что прибыла из-под Сталинграда и находилась на отдыхе и формировании.

Работала хирургической сестрой в медико-санитарном батальоне. Когда вновь начались бои — наступали под Харьковом, — была включена в состав эвакуовзвода, вывозила раненых с передовой в тыл. По дороге нашу колонну автомашин крепко бомбили. После одной из бомбежек моим родным даже была послана похоронная.

Потом некоторое время я опять работала в перевязочной хирургического отделения.

Всегда собранная и спокойная, военврач Ольга Герман на этот раз заметно нервничала и дольше обычного готовилась к операции. Марина натягивала ей на руку резиновую перчатку, когда Ольга вдруг опустилась на табурет, и, прикрыв глаза, тяжело и часто задышала. Марина припала губами к ее щеке:

— Оленька, у тебя жар!

Вечером у постели Герман собрались все врачи медико-санитарного батальона. Ольга металась в бреду.

— Тиф! — произнесла, как приговор, терапевт Ивлиева.

«Оленька, Оленька, как же так?» — беззвучно прошептала Марина и, чтобы не видеть, как с красивой Олиной головы снимают машинкой волосы, выбежала из палаты.

С грохотом подкатила к крыльцу повозка. С нее соскочил небольшого роста, плотный и плечистый старший лейтенант в выгоревшей добела гимнастерке. Привязав лошадь к столбику, вразвалочку поднялся на крыльцо. Добродушно подмигнул стоявшей в дверях Марине и прошел в штаб. Наметанным глазом Марина признала в нем закоренелого тыловика, из тех, кто хоть и носит на боку пистолет, но уже давно разучился стрелять боевыми патронами.

Вскоре он вышел из штаба и, благодушно

насытившаяся, спустился с крыльца. Однако, уезжать он не собирался — привалился к повозке и, щурясь на солнце, принялся жевать соломинку.

В это время Марину позвали к комбату.

Майор Шкредов долго, казалось, не мог вспомнить, зачем вызвал ее.

— Ты у меня давно просишься на передовую. Что ж, удовлетворяю столь страстное желание, — с усмешкой комбат кивнул в сторону окна. — Там где-то тебя дожидается командир отдельной разведроты Мурчик. Будешь у него санитарным инструктором. Ступай, оформляйся. «Фамилия-то какая — Мурчик!»

Когда она вышла на крыльцо с наполненной медикаментами сумкой и своим вещевым мешком, старший лейтенант все так же, со скучающим видом жевал соломинку.

— Вы не видели, тут где-то должен быть командир разведроты? — обратилась к нему Марина, оглядываясь по сторонам. — Мурчик...

Старший лейтенант выпрямился, выплюнул соломинку и с любопытством оглядел Марину с ног до головы.

— Я Мурчик. А что тебе до меня?

Не таким Марина представляла себе командира разведчиков. Ей сразу расхотелось уходить из медсанбата. Но теперь уж ничего не поделаешь.

— Направлена к вам санитарным инструктором... — еле слышно произнесла она.

Мурчик упер руки в бока.

— Ко мне в роту? Да мне хлопец нужен! Ну, что ты знаешь про разведку?

— Слыхала немного.

— Хм... — Мурчик еще раз оглядел ее, словно прицениваясь, и стал отвязывать поводья. — Сидай в повозку!

Сам уселся впереди, по-турецки подобрав под себя ноги, и натянул вожжи. Лошадь с места припустила рысцой по пыльной дороге. Повозка затряслась на рытвинах, а старший лейтенант, журуясь от удовольствия, затянул протяжную украинскую песню.

Марине стало до того тоскливо, что захотелось реветь в голос.

Но вот приехали в роту. На лесной поляне разбиты палатки, дымит походная кухня, возле нее толкуются бойцы. Некоторые уже склонились над котелками. В стороне пасутся выпряженные лошади.

Мурчик еще с повозки крикнул:

— Старшина, принимай! Доктора привез.

Бойцы поотрывались от еды и принялись разглядывать «доктора».

— Я же сестра, — сказала Марина, смутившись.

Мурчик соскочил с повозки, сердито подбегая:

— Это вы в госпитале сестра, а у нас вы — доктор! Вы мне смотрите, чтоб ни одного больного разведчика не было! Вот тут будет ваша больница, — он кивнул на двоих солдат, соорудивших нечто вроде шалаша из веток. — Старшина, выдай доктору личное оружие!

Солдаты затащили верх шалаша плащ-палаткой и, отправляясь с котелками за своей порцией каши, предложили Марине осмотреть жилище. «А ничего, уютно», — подумала она. Топчанчик вполуповину шалаша, у изголовья — земляной столик. Марина разложила на столике медикаменты, повесила на сучок санитарную сумку и отправилась к старшине за оружием.

Утром встала еще до побудки. Сходила к ручью, умылась, постирала. Когда вернулась в расположение роты, разведчики строились на поверку. Все — чисто выбритые, в белых подворотничках. Вместе со старшиной она обошла строй, заставила каждого расстегнуть воротник, снять сапоги.

Старшина был доволен:

— Что значит женщина появилась — блестит рота!

— Лечить сегодня будете? — спросил низенький круглолицый разведчик, и по шеренге пробежал смехок.

— Разговорчики! — цыкнул старшина.

Но после завтрака, когда Марина подошла к своему шалашу, там ее уже поджидало несколько разведчиков и среди них — тот низенький, круглолицый.

— Это все — больные? — удивилась Марина.

— Да вот, товарищ старшина медицинской службы, накопились, — ответил за всех круглолицый. — Давно ведь у нас нет доктора, с-под самого Сталинграда. Да и тот был парень.

— Ну, заходите по одному.

Первым вошел круглолицый.

— Фамилия?

— Монахов.

— На что жалуетесь?

— Простыл, товарищ старшина медицинской службы.

Марина усадила его на топчан и дала термометр.

— Следующий!.. Фамилия?.. Что болит?..

Разведчик протянул порезанный палец. Марина взяла со столика пузырек с йодом...

— Ой, не надо! — весь так и перекорчился разведчик. — Перевяжите только, а йодом не надо!

Марине стало весело.

Очередь у шалаша все росла. Между тем была дана команда строиться на тактические занятия. Из своей палатки вразвалочку вышел Мурчик. Оглядел выстроившихся разведчиков, развел руками:

— Да где ж моя рота? — бросил взгляд в сторону «больницы», вокруг которой в самых вольных позах сидели и стояли разведчики, подбоченился: — Оце так! Не было доктора — не было больных. Прибыл доктор, и больные появились. Вот тебе и войю!

— Да что вы, товарищ старший лейтенант, удивляетесь! — выглянула из шалаша Марина. — Ведь накопились...

— Я спрашиваю: как это понимать? Накопились! Хай их меньше едят, и животы болеть не будут. Вот погодите, скоро опять на передовую — враз все заживет. Ну вот что, доктор: гоните их всех оттуда! Не знаю: кто кому больше нужен: вы им или они — вам...

Мурчик кричит, выходит из себя, а глаза смеются, они у него добрые.

— Приходите после тактических занятий, — сказала Марина своим «большим». Те заулыбались, отошли довольные. Марина схватила санитарную сумку и тоже побежала в строй.

Рота тронулась с места. Мурчик, заложив руки за спину, вразвалочку пошел сбоку. Он шел и приглядывался к своим хлопцам. Марина семеняла рядом с командиром.

— Що так тихо идете? — вдруг вскинул Мурчик голову. — А ну, запевай! Да так, щоб лес гудел!

Абрамов и еще несколько бойцов начали потихоньку:

Гей, по дорожке, гей, по дорожке
Войско красное идет...

Шаг стал тверже, взмах рук шире, разведчики вскинули головы, расправили плечи, и, когда вся рота подхватила песню, Марине и вправду показалось, что лес загудел.

Впереди, меж деревьев, показались палатки.

— Рота связи, — с довольным видом пояснил Мурчик.

Девушки-связистки выскочили на обочину дороги и проводили разведчиков красноречивыми взглядами, а разведчики, вроде бы и не обращая никакого внимания на девушек, вскинули еще выше головы да так и пошли чеканить шаг.

— От що розвидчику трэба! — обернулся Мурчик к Марине. — Щоб усю дорогу дивчата стоялы и дывылысь на них.

Придя на место, разведчики разбиваются на группы. Одна группа уходит в лес. Это — «противник». Другая пока остается на месте. Мурчик усаживается на траву, подвернув под себя ноги, разворачивает на коленях карту и дает задание старшему:

— Ось в этом районе неясен передний край противника. Командование дивизии требует от нас «языка». Нужен офицер, в крайнем случае — унтер...

Марина ползет вместе с разведчиками за «языком». Но вскоре к ней подбегает связной Мурчика:

— Товарищ старшина, к ротному!

Она вскакивает и, прижимая рукой сумку, бежит назад.

— Товарищ старший лейтенант...

— Що-о?

— ...по вашему приказанию...

— Що ты мне тут балакаешь? Да кто же так является к командиру? Кру-гом!

Марина отбегает и снова возвращается. На этот раз она вовремя переходит с бега на строевой шаг и докладывает по всей форме. Мурчик стоя, с серьезным видом выслушивает до конца.

— Теперь хорошо! — и, выдержав паузу, снова принимается отчитывать: — Ну, кто так ползет за «языком»? Я за триста метров вижу тебя в траве!

— Сумка мешает, товарищ старший лейтенант!

— Та на кой ляд тебе эта сумка? Из пакетов по немцам, что ли, стрелять будешь? Лучше побольше гранат возьми, а пакеты раздай хлопцам.

Снова сидит, смотрит. Руки назад, во рту травинка.

Наконец, разведчики возвращаются, рассаживаются вокруг командира роты. Солнце слепит глаза. Трава зеленая-зеленая. Мурчик внимательно всматривается в лица разведчиков.

— «Противнику» — благодарность! Хорошо скрывались, молодцы! Старшина, оформи трем им хлопцам увольнение. А вас, — повернулся он к тем, кто ходил за «языком», — разогнать всех надо! Если вы у меня будете так ползать на передовой — перестреляют вас немцы всех по одному, как куропадок! Вас обнаружили! Пять «о»! Мне эти ваши пять «о» не нужны! Мне «язык» нужен.

Марина сидит, недоумевает: что это за пять «о»? Спросила у соседа. Тот, смеясь, начал загибать пальцы:

— О-бнаружили, о-светили, о-бстреляли, о-тошли, о-тдыхаем... Еще узнаешь, дай только выйдем на настоящее задание.

В конце разбора Мурчик подвел итог:

— Ясно, как надо брать «языка»?

— Ясно! — рявкнули хором разведчики.

— Есть хотите?

— Хотим, товарищ старший лейтенант!

— Старшина, построй роту!

Построились, зашагали. Подхватили песню. Мурчик, поглядывая сбоку на поющих разведчиков, всю дорогу любитесь ими.

Марина получила из дивизии приказ: сделать всем разведчикам прививки от тифа. Прививки так прививки. Повела она роту в Студенок, где находился медсанбат.

Медсанбатовские девочки повыскакивали из палаток:

— Маринка разведчиков привела! Какие они у тебя, Маринка, орлы! А ну-ка, ребята, заходите вот сюда по одному!

Леня Власов, поглядев исподлобья на медсестер, первым снял гимнастерку.

Высокий, широкоплечий, немного сутулый, он выделялся среди разведчиков своей мужицкой основательностью и серьезным, пожалуй, даже чересчур серьезным отношением ко всякому делу. Он с самого начала открыто взял на себя роль покровителя Марины, освободив ее от множества мелких забот: раздобывал паклю для чистки оружия, получал «на двоих» питание на кухню. Причем, все делал без лишнего слов. Поставит перед Мариной котелок: «Давай, трескай!» — вот и весь разговор.

Разведчики уважали Власова, и Марина чув-

ствовала себя рядом с ним спокойно и уверенно. Она представляла его во время выполнения опасного задания таким же серьезным, рассудительным и бесстрашным. И ей хотелось и там, в деле, быть рядом с ним.

— Ну-ну, раздевайтесь! Что вам тут, театр? — прикрикнул он на сбившихся в кучу разведчиков и подставил спину под шприц. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Монахов, давай!

Монахов подошел с улыбающимся лицом. Но когда сестра оттянула на его спине кожу и поднесла иглу, он весь съежился.

Этот Монахов был ходячей мишенью для насмешек. Если за обедом кому-либо не хватало добавки, разведчики кивали на Монахова: кто же еще мог слопать всю добавку? Если командир роты во время тактических занятий выражал недовольство группой захвата, опять все поглядывали на Монахова: «Товарищ старший лейтенант, он ведь как заберется со своим животом в кусты — за километр сучья трещат!»

Монахов никогда не обижался на шутку: стоит, глазами помаргивает, и его по-детски пухлые губы расплываются в простодушной улыбке.

— Ты, герой! Разведчик! — рассердилась на него медсестра.

— Да мне что — колите! — и Монахов еще сильнее выгнул спину.

Вошел Григорьев. Гимнастерка уже расстегнута.

— А что будут делать? — спросил он, пугливо озираясь.

— Да просто посмотрят, — сказала Марина. Но Григорьев уже увидел в руках у сестры шприц.

— Э-э!.. Хотите, чтоб моя жизнь дала трещину? — и выскочил вон.

Власов, Абрамов и Монахов бросились вдогонку. Григорьев сбежал в овраг. Там его и настигли разведчики. Он отбивался:

— Лучше под пули, чем укол!..

Так и не дал сделать прививку. Обратно, в расположение, шел, понуро свесив голову. Он был со странностями, этот Григорьев. То вдруг развеселится, начнет сыпать прибаутками и анекдотами, то ходит злой, ни на кого не смотрит, и на каждое слово огрызается.

Этой ночью роту подняли по тревоге. Марина спала крепко и не слышала команду на построение. Леня Власов крикнул ей в самое ухо.

— А ну, кончай дрыхать!

Она вскочила, как ошалелая. Разведчики уже сбегаются на плац, на ходу подгоняя снаряжение. На дороге стояли грузовики с притушенными фарами и заведенными моторами.

Ехали всю ночь. Под утро выгрузились в лесу и стали располагаться. Выстроились в ряд палатки. Задыхающая походная кухня. Старшина роты извиняющимся тоном сказал Марине:

— Мы уж тебе отдельное жилье строить не будем — может, завтра опять снимемся. Ты уж как-нибудь...

И Марина отнесла свои вещи в палатку второго взвода. Власов молча сдвинул вещмешки, высвобождая место. Монахов заулыбался во весь рот:

— Теперь, значит, и в больницу ходить не надо: прямо тебе на дому скорая помощь!

Мурчик подозвал к себе командира первого взвода старшину Половинкина и велел ему подобрать группу в разведку.

— Ось тут треба уточнить передний край, — показал он на карте.

Те, кого старшина выкликнул, довольные побежали готовиться к выходу на задание.

Не услышав своей фамилии, Марина обратилась за разъяснениями к самому Мурчику:

— Товарищ старший лейтенант, а мне разве не идти с группой?

— Тебе? А что ты будешь там делать? Немцев пугать?

Разведчики, стоявшие поблизости, рассмеялись. Марина покраснела до кончиков ушей.

— Да как же?.. А если кого-нибудь ранит — кто же помощь окажет?

Мурчик подумал.

— Хм... Забавно!

— В саперном батальоне меня всегда брали на задания...

— Так иди ж! — и Мурчик отдал старшине Половинкину распоряжение — взять с собой санструктора.

Немного погодя к Половинкину подошел сумрачный Григорьев. После вчерашней сцены в медсанбате он все еще был не в себе.

— Разрешите пойти, товарищ старшина!

— Лучше останься, — сказал тот. — Сдается мне, что ты немного того, нездоров.

— Здоров я! — мотнул Григорьев квадратной своей головой. — Разрешите пойти!

Половинкин колебался.

— Отдохнул бы сегодня, а? Не в последний же раз идем. Завтра будет новое задание.

— Наотдыхался, хватит! Два месяца на формировке были — надоело. Думаете, укола испугался, так уж и не разведчик? — Григорьев бросил на Марину злобный взгляд.

— Ладно, собирайся, — замыл Половинкин неприятный разговор.

Вечером Мурчик проводил группу к переднему краю. Там, в полуразрушенном блиндаже, еще раз показал по карте, как надо двигаться и где могут быть минные поля.

— На самое дно лощины не спускайтесь, держитесь повыше, — повторил он несколько раз.

Было уже совсем темно, когда вышли к подножью высокого и крутого откоса. По его гребню, слева от разведчиков, тянулась линия немецких траншей. Справа было минное поле.

Густая, мокрая после дождя трава мягко, почти бесшумно обтекала сапоги. Идти по ней было легко. Марина замыкала цепочку. Впереди нее, шагах в двух, маячил силуэт Монахова. Монахов, тот самый Монахов, над которым без конца подтрунивали разведчики, казавшийся таким неуклюжим и неповоротливым, сейчас не шел, а скользил, совершенно бесшумно, как тень. Порою Марине казалось, что она заблудилась в ночи и идет одна, не зная куда и зачем. Ей становилось жутко.

Слева щелкнуло, зашипело, и воздух прочертила тонкая изогнутая зеленоватая линия. Марина упала в мокрую траву, замерла. Еще секунда, и в глаза ударил ослепительно яркий свет. Совсем рядом простучал пулемет. Другой откликнулся, словно эхо, издалека. Короткими очередями

застрекотали там и сям автоматы. Затем все опять смолкло.

Марина приподняла голову, прислушалась. Ни шороха поблизости. Ни одна травинка не шелочнется. Разведчики словно сгнули.

Но вот она почувствовала легкое прикосновение к своему плечу. Это Монахов дал ей знать, что пора ползти дальше.

Потом еще вспыхивали ракеты, вспарывали тишину пулеметные очереди, разведчики ложились в траву, замирали, снова поднимались и ползли, ползли...

Наконец, добрались до каких-то кустиков, здесь собрались в кружок. Половинкин, сидя на корточках, набросил на себя сверху плащ-палатку. Направив на планшет луч фонарика, что-то отметил карандашом на карте и обратил взгляд на сгрудившихся вокруг него разведчиков.

— Товарищ старшина, что-то не совсем того... — тыкая пальцем в карту, зашептал Монахов. — Вот тут — помните? — был куст. Ну, а я с левой стороны выглядывал и вон там видел вспышечки. Он у них вот где стоит, пулемет...

— Где — вот? — сердится Половинкин. — Ты мне всю карту лапой закрыл.

Монахов берет у него карандаш и тычет острием в карту:

— Да вот же, вот тут!..

— Ага! Ну, тогда, значит, я другой пулемет видел, — кивает Половинкин.

— Верно, там у них другой пулемет, — подтверждает Абрамов. — Я тоже видел.

Старшина гасит фонарик.

— Слушайте, ребята, давайте еще раз поглядим — два пулемета или один. Надо шум устроить. Монахов, Абрамов... ну, и ты, Григорьев, выползайте вон туда, киньте им, гадам, по паре гранат!

Трое разведчиков отделились от группы и поползли вверх по откосу, к немецкой траншее.

Становилось зябко. На востоке уже высветился край неба. Июньской ночи как не бывало.

Неожиданно предутреннюю тишину разорвали гулкие хлопки гранат, затрещали автоматные очереди, взлетели ракеты. Марина увидела сбегавшие по откосу три фигуры в масках. Вот они залегли и стали отстреливаться. Другие разведчики тоже открыли огонь по немецкой траншее. Заработал пулемет в глубине обороны противника. С воем прилетела и разорвалась невдалеке мина. Другая, третья...

И вдруг совсем близко запульсировали огненные струйки. Застучал пулемет из траншеи. За ним — еще один. Не тот ли, о котором говорил Монахов?

Разведчики стали отходить. Марина палила из своего автомата, не целясь, наугад поворачивая ствол в сторону вражеской траншеи. Автомат был тяжел для нее, он вырывался из рук, как живой.

Половинкин спросил:

— Все тут?

В это время на гребне откоса показались немцы. Они бежали пригнувшись, наперерез разведчикам. Их темные фигуры хорошо были видны на фоне светящегося неба.

Марина старалась не отставать от бежавшего впереди нее Абрамова. А немцы уже спускались по откосу. Они теснили разведчиков на самом дне лощины...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

АДРЕС: Фонтанка, 62

ПО ЗАДАНИЮ МУЗЕЯ

В ленинградскую школу № 206 из Центрального музея В. И. Ленина пришло письмо с фотокопией записки Владимира Ильича А. В. Луначарскому: «Под Питером взяты ряд монастырей для помещения дефективных и беспризорных детей и подростков».

На обороте снимка ребята прочитали:

«Дорогие следопыты! Попробуйте выяснить, как было выполнено это распоряжение В. И. Ленина». Одновременно сотрудники музея предлагали школьникам заняться историей первых детских коммун под Ленинградом.

Задача оказалась нелегкой. Работа в Музее истории Ленинграда, в архиве города почти не дала результатов. Ребятам только показали фотографию колонии «Красные зори» в Пушкино. Отправились туда. Но в городе никаких документов не оказалось: все погибло во время Великой Отечественной войны.

Тогда сотрудники Центрального музея В. И. Ленина посоветовали прочитать в десятом номере журнала «Советская женщина» за 1967 год заметку «Дворцы — детям». Автор ее — ветеран революции Людмила Ивановна Исупова. Через адресный стол разыскали Людмилу Ивановну и пригласили в школу. Она рассказала следопытам историю создания детской коммуны на станции Всевожский под Петроградом.

...Это было в 1918 году. По заданию партии Л. И. Исупова занялась организацией детской колонии. Прежде всего надо было найти подходящее помещение. Во Всевожском как-то она обратила внимание на старый особняк с заколоченными окнами, из которого слышалась музыка. Когда Людмила Ивановна с товарищами вошла в дом, то увидела маленького оборванного мальчугана, что-то выстукивающего на рояле. Этот мальчуган, Женя Семенов, и стал первым членом коммуны. Как оказалось, он давно жил в особняке и питался запасами хозяйского варенья. Впоследствии, благодаря заботе Ф. Э. Дзержинского, Женя Семенов получил музыкальное образование.

Через несколько дней в коммуне появилось еще два члена — братья Кошкины. Их нашли в лесу под Всевожском...

По воспоминаниям очевидцев, историческим документам, справочникам следопыты собирали материалы о первых годах Советской власти. Они узнали о том, как внимательно и заботливо относилось правительство к обездоленным подросткам, оставшимся в годы гражданской войны без родителей.

«Только через петроградскую комиссию по делам несовершеннолетних за 1918—1921 гг. прошло более 31 тысячи детей», — записали в свои блокноты следопыты. А в отчете Народного Комиссариата по просвещению за 1917—1920 годы они прочитали: «Советская власть не могла допустить, чтобы дети ее защитников и героев голодали и просили милостыню».

Вот выписка из «Очерков истории Ленинграда»: «Летом 1918 года удалось открыть первые летние колонии для детей беднейших граждан — в имении Медное Шлиссельбургского уезда и в Новом Петергофе. В дальнейшем число их быстро росло. Особенно славилась колония в Детском Селе».

Все эти сведения поставили перед следопытами новые вопросы. Что это за первые летние колонии? (А где ребята находились зимой?) Чем славилась колония в Детском Селе? Как сложилась дальнейшая судьба воспитанников? А главное — как было выполнено распоряжение В. И. Ленина: где находились монастыри, о которых он говорит в записке, кто организовал в них колонии?

Следопыты школы № 206 писали в ленинградские газеты, выступали по телевидению. Пока откликов мало. Может быть, помогут читатели «Уральского следопыта»? Адрес: Ленинград, Фонтанка, 62, музей В. И. Ленина.

2000 ЭКСКУРСАНТОВ

Э тот адрес известен не только в Ленинграде. Знают его в Бурятии и Прибалтике, Северной Осетии и на Дальнем Востоке, в Молдавии и на Украине, в Болгарии и Германской Демократической Республике. Здесь бывают учащиеся и пионервожатые из других городов, зарубежные гости. В школьном музее В. И. Ленина за время его существования побывало 20 тысяч экскурсантов. А открылся он к 90-летию со дня рождения великого вождя.

Чем примечателен этот музей? Прежде всего тем, что все здесь добыто и сделано самими ребятами. Вот первый номер ленинской «Искры», документы революционной поры, деревянная полочка с двойной стенкой, где рабочие прятали подпольную литературу. Рисунки, скульптурные изображения, сочинения и стихи ребят о Ленине. Макет детской комнаты в доме Ульяновых и точная копия броневика (в три раза уменьшенная), с которого в 1917 году у Финляндского вокзала Владимир Ильич произнес свою историческую речь.

Каждый год следопыты обновляют экспозицию музея.

В одной из витрин можно прочитать такое письмо из Москвы.

«Дорогие юные следопыты! Вы разыскали и передали в Центральный музей В. И. Ленина ценные документы:

1. Инструкцию начальникам отрядов в районе Смольного (подлинник).
2. Удостоверение на имя Буренина Н. Е., подписанное Ф. Э. Дзержинским (подлинник).
3. Письма Е. Д. Стасовой, адресованные Н. С. Альф (41 письмо, подлинники).

Нашему народу дорого все, что связано с историей Коммунистической партии и Советского государства. Центральный музей В. И. Ленина выражает благодарность за найденные документы».

Ленинградские следопыты шлют посылки и бандероли с материалами о В. И. Ленине в разные уголки Советского Союза и за рубеж. В специальной книге — сотни отзывов о работе музея.

Вот как выразили свое впечатление тринадцать мальчишек с далекого Кипра: «Когда мы приедем домой, постараемся лучше изучать дело Ленина». Эта весточка от болгарских ребят, из города Хаскова.

«Здравствуйте, братушки! Изучаем жизнь В. И. Ленина. Коллективно читаем книгу «Семья Ульяновых». Читаем много других книг.

Мы, пионеры VI «А» класса из отряда Митки Палаузова, и вся наша страна от всего сердца и души любим советских пионеров, всех советских людей и желаем, чтобы дружба наша и в будущем крепла и росла».

...«Железная гвардия коммунистов» — так назван один из разделов музея. Из этой гвардии была и Надежда Серафимовна Альф, член Коммунистической партии с 1920 года. Это ей адресованы письма Елены Дмитриевны Стасовой, которые следопыты передали в Центральный музей В. И. Ленина.

Надежда Серафимовна приходила к ребятам в школу. Они хранят ее воспоминания о встрече с Ильичем.

«Я дважды слышала Владимира Ильича, и оба раза 19 июля 1920 года. Тогда, после героической обороны Петрограда от объединенных сил Антанты, стремившихся задуть революцию в ее колыбели, наш город был первым городом-героем на советской земле. Постановлением VII Всероссийского съезда Советов 5 декабря 1919 года он был награжден орденом Красного Знамени и Красным знаменем.

В нашем городе в Таврическом дворце проходило заседание II Всемирного конгресса Коминтерна.

Мне было тогда восемнадцать лет. Я окончила отделение советской милиции рабоче-крестьянского университета. Как милиционера со знанием иностранного языка и члена женской секции Смольнинского райкома партии, меня включили в комендатуру конгресса, и я слушала исторический доклад Ленина о международном положении и задачах Коммунистического Интернационала.

В этот же день Владимир Ильич выступил на Дворцовой площади с дощатой трибуны около Зимнего дворца на общегородском митинге. Он призвал пролетариат Петрограда помочь изгнать остатки иностранных интервентов из России.

Через несколько дней по призыву В. И. Ленина в составе 55-й стрелковой дивизии я уехала защищать Советскую власть».

ЗАЩИТНИК НЕВСКОЙ ДУБРОВКИ

На традиционном школьном вечере ребята познакомились с Николаем Макаровичем Слезиним, окончившим их школу в 1918 году. Бывший инженер Балтийского завода, участник Великой Отечественной войны, ныне пенсионер, — ему есть чем поделиться со следопытами.

На встрече следопыты узнали, что Николай Макарович был защитником Невской Дубровки, или «Невского пятачка» — плацдарма на левом берегу реки. На протяжении долгих месяцев каждый час на этот пятачок обрушивалось тысячи снарядов, бомб и мин. Но насмерть стояли у стен Ленинграда советские воины.

В музее Невской Дубровки хранится квадратный метр земли, в котором 98 килограммов металла.

Николай Макарович Слезин показал ребятам письма, которые писал родным в ноябре 1941 года.

История их удивительна и трагична. В перерыве между боями солдаты торопились поздравить своих близких с 24-й годовщиной Октября. Появился фронтальный почтальон, собрал треугольники и конверты, но унести их не успел. Разорвался снаряд...

Двадцать три года спустя люди нашли полуистлевшую сумку почтальона,

В ней, кроме писем, был именной список личного состава четвертой роты второго отдельного стрелкового батальона и адреса родственников.

Сумка попала в редакцию журнала «Нева». А потом письма ушли к адресатам. Так Николай Макарович в 1965 году прочитал те строчки, которые он написал родным в тяжелое военное время, почти четверть века назад.

«Привет, милая Катюшенька! Открытку твою получил, а обещанного письма все нет. Живем мы по-старому. Товарищи по землянке хорошие. Немец нас бомбит, но мы ему отвечаем еще крепче...

Поздравляю с наступающим праздником 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции! Поздравь от меня всех знакомых.

Только что пришел почтальон, принес от тебя письмо. Теперь я буду воевать со спокойной душой. Опоздал поздравить дочку Светочку с днем рождения. Ваш папа».

Николай Макарович стал частым гостем ребят. А через некоторое время они отправили в Ленинградский горвоенкомат такое письмо:

«Мы, красные следопыты школы № 206 города Ленинграда, разыскиваем героев боев на «Невском пятачке» — Невской Дубровке. Мы познакомились с участником этих боев, коммунистом, бойцом 2-го отдельного стрелкового батальона 4-й роты Николаем Макаровичем Слезинным, выпускником нашей школы.

Николай Макарович по призыву горкома ВКП(б) в августе 1941 года ушел добровольцем на фронт. Во время наступления на «пятачке» 7 ноября 1941 года Слезин вытащил из воронки тяжелораненого помкомвзвода старшину Голубева, перенес его на себе до Невы, а потом на шлюпке перевез в район седьмой переправы под сильным вражеским пулеметным и минометным огнем. Командир был спасен, его отправили в полевой госпиталь, а Слезин снова вернулся в строй. В этот день враг был отброшен, но и от 4-й роты осталось пять человек.

Мы преклоняемся перед мужеством Николая Макаровича и считаем, что его героический поступок должен быть отмечен».

Очень скоро следопыты получили ответ.

«Дорогие ребята! Выражаем вам большую благодарность за то, что вы ищите активных участников Великой Отечественной войны. Через вас мы узнали Н. М. Слезина. Это прекрасный и очень скромный человек. Быть похожим на него должен каждый из вас. И мы не сомневаемся, что в трудное время вы будете такими же стойкими и мужественными людьми, как Николай Макарович Слезин.

Желаем вам, ребята, новых успехов в вашей следопытской работе.

Начальник политотдела Ленгорвоенкомата».

Не было у Николая Макаровича наградного значка «Ветеран Невской Дубровки». Следопыты получили его в музей и на торжественной линейке, посвященной юбилею Советской Армии, вручили ее Н. М. Слезину. Ему была выдана и медаль «За победу над Германией».

* * *

Дом № 62 по Набережной реки Фонтанки не числится в туристских справочниках и путеводителях по городу. Но этот адрес знаком сотням ребят у нас, в Советском Союзе, и за рубежом.

Е. КОСТИНА

ПРИРОДА И ФАНТАЗИЯ

Это уже не первая подобная выставка на Урале. Как и театр, она в самом прямом смысле начинается „с вешалки“. На столике возле кассы вас встречает забавная рожица деревянного человечка Обещалкина. Широким напылом нос, самозабвенно закаченные глаза, огромный рот, полный льстивых посулов и клятв...

Не верьте никаким его обещаниям, кроме одного, что вы не потеряете времени даром, побывав на выставке. Ведь и сам Обещалкин увиден приметливым глазом художника в обыкновенном березовом наросте.

Источенный муравьями старый пенёк... Продольный срез открывает удивительно тонкое кружево башен, бойниц, ни дать ни взять — древний замок. Свердловчанка С. И. Лукина, воздав должное лесным зодчим, так и назвала свою находку — „Муравьиный замок“.

Изящны, ювелирны миниатюры из ольховых шишек, пушистой вербы, мха, листьев — М. Б. Батуевой.

В неказистом почерневшем от дождей и прели сучке И. М. Пешкова разглядела задиристую козу Машку — любимицу больших и маленьких посетителей выставки.

Смотришь на эти причудливые фигурки и начинаешь верить, что и в самом деле где-то в лесной чаще прячется леший, и дед-лесовик оплел своей густой бородой ствол березы, а к узловатому корню лиственницы припал ухом добрый гном...

В. Румынин

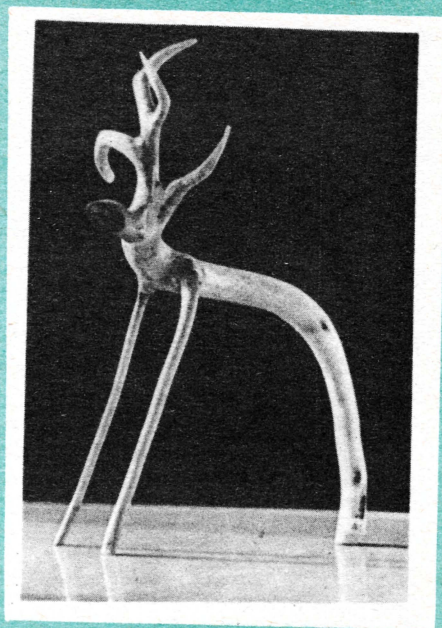
Мыслитель

„Обидно, что столько раз проходила мимо „леших“ и „муравьиных замков“, не заметив их красоты“.

Это из книги отзывов.

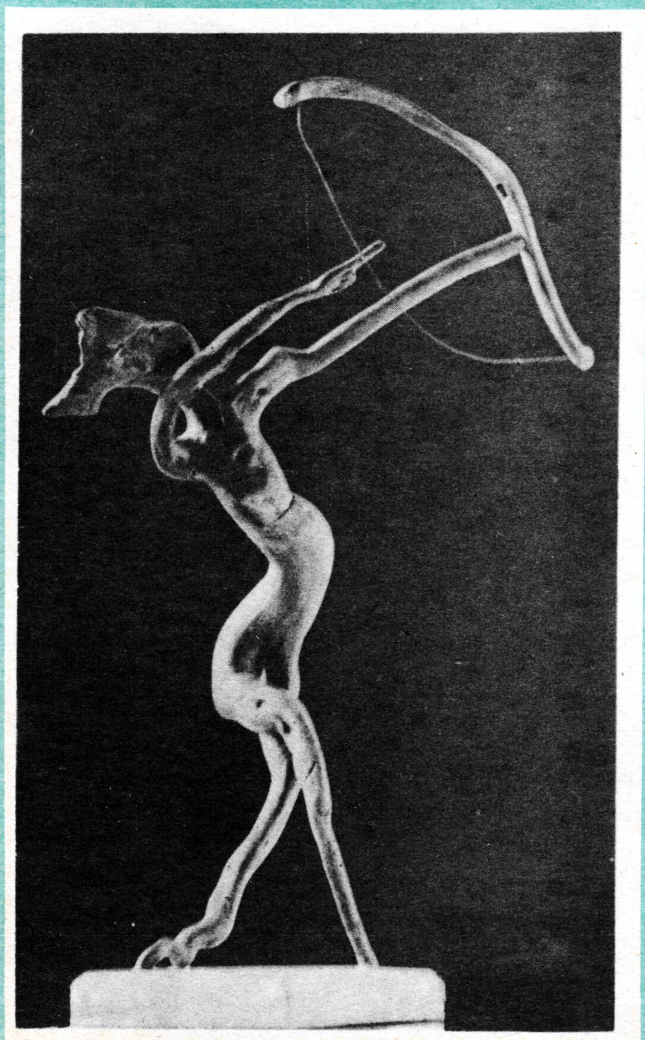
А вот еще одна запись: „Огромное спасибо участникам выставки за их способность видеть необычное в обычном, видеть самим и открывать мир фантазии, сказки, поэзии людям городов, все дальше уходящим от природы. Спасибо за свидание с лесом!“

Н. ЕРОФЕЕВА

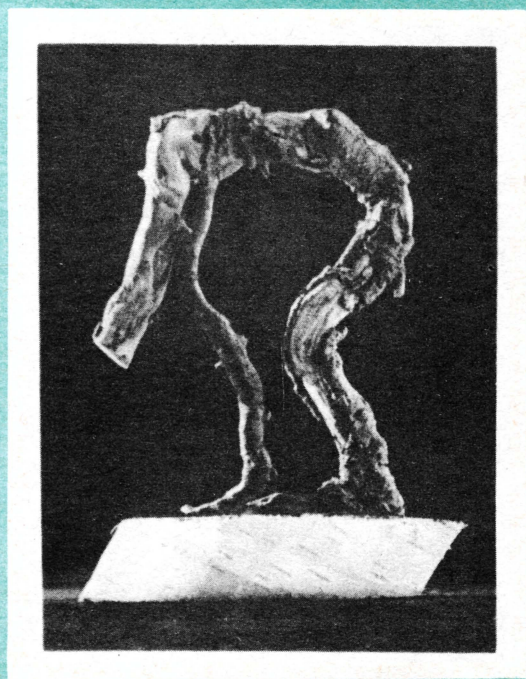
И. Крутяков

Горный козел

П. Репина

Стрелок из лука

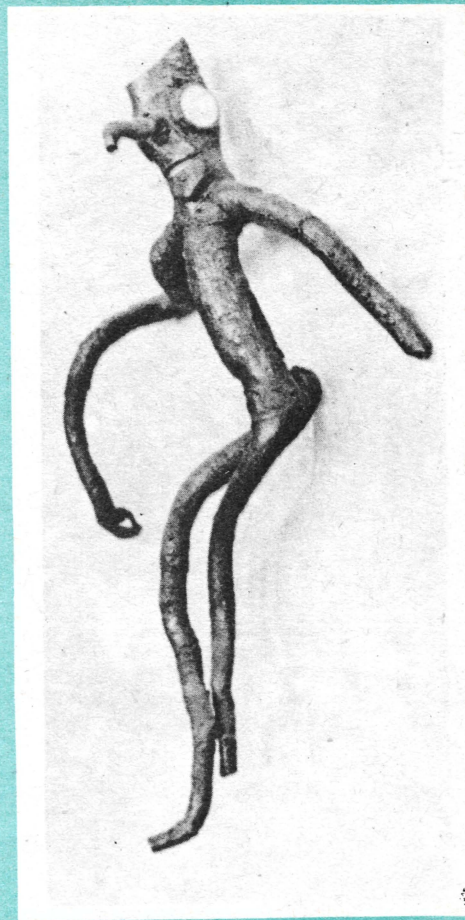
В. Шевелев

Старость

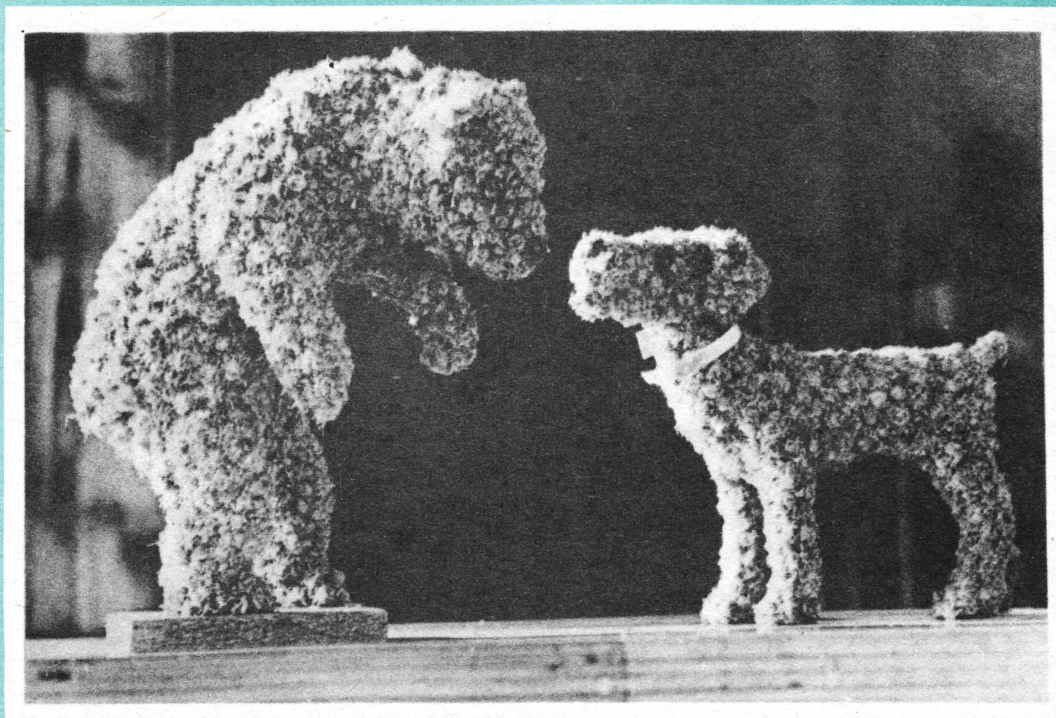
Софья Кирр

Дед-лесовик

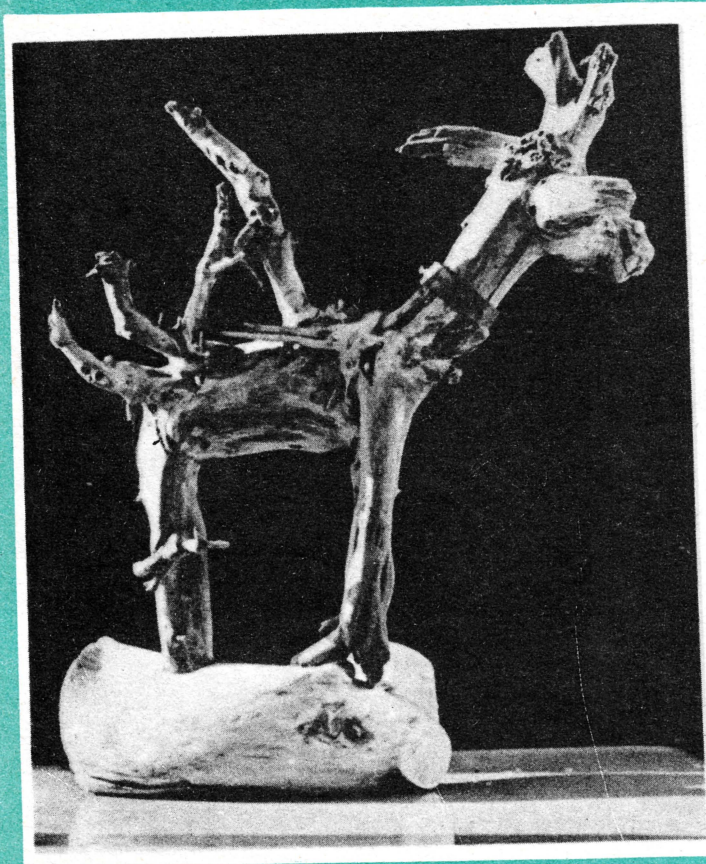
В. Шевелев

Домовой

М. Батуева

Медведь и собака

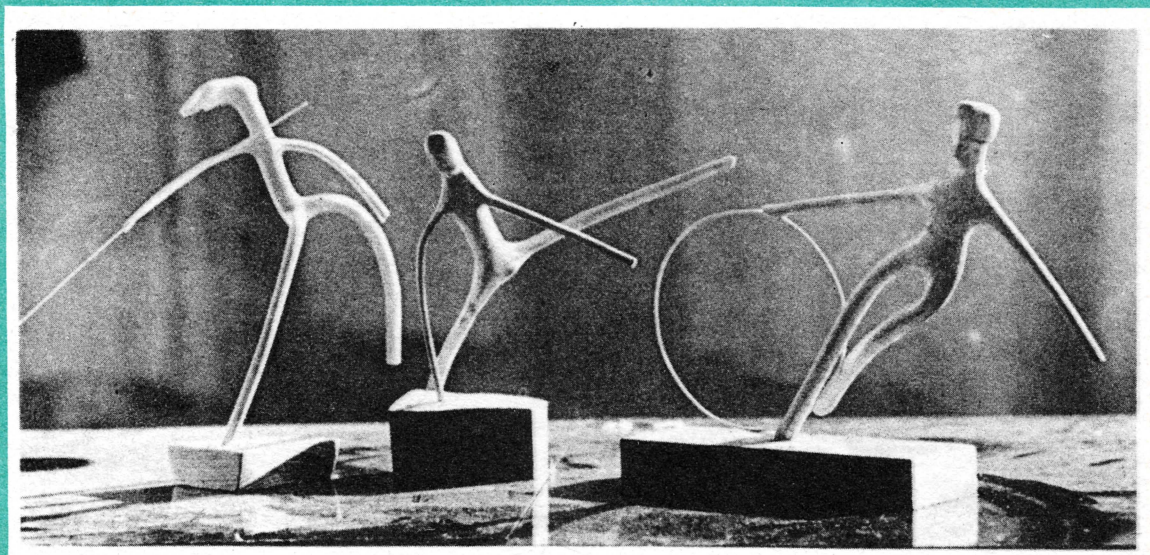
И. Пешкова

Машка

Е. Евдокимова

Чудище

М. Петров

Спортивные этюды

Борис КАУРОВ

* * *

Все обновляется в природе.
И каждый цвет ее хорош.
Трава завяла в огороде,
Зерном лежит в амбарах рожь.
Река, стихая и мелея,
Блестит и видится до дна.
И стала реже и светлее
Березовая белизна.
Как хорошо в такую пору
Походкой легкою шагать.
Леса, поля и косогоры,
Как книгу добрую, читать;
От изумления застынув,
Встречать ячменную зарю,
Сквозь ослепление паутинок
Лететь навстречу сентябрю.

Первопуток

Лыжный след за оградой —
Словно строчки письма.
Над Невой и над Ладогой
Сыплет снегом зима.
Ты летишь первопутком,
Пробивая лыжню.
Задержись на минутку —
Все равно догоню!

Объясниться нам надо бы —
В первый раз и навек.
Над Невой и над Ладогой
Сыплет радостный снег,
Оглянись на минуту,
Дай мне руку свою.
В это зимнее утро
Я всем сердцем пою!
Что скажу, чем обрадую —
Догадайся сама.
Над Невой и над Ладогой
Эх, какая зима!
Ничего мне не надо,
Лишь бы путь был широк,
Лишь была бы ты рядом
На просторах дорог!

Тишина

Ветры падают наземь устало.
И натянутая, как струна,
Затаилась за перевалом
Наша северная тишина.
Так озвучен в ней шепот и шорох,
Так певуча она и гулка,
Что услышишь,
Как плещут в озерах
Опрокинутые облака.

Владимир СИБИРЕВ

Перед навигацией

Еще у льда
Хребет не перебит,
Но торжеству безмолвия над Обью
Пришел конец.
И вертолет, как кит,

Капель с винта разбрасывает дробью.
Под солнцем катера расчехлены,
Уже успели отдохнуть от стужи.
Как им не достает сейчас волны,
И как задорно пляшет зайчик в луже!
Что за буйки на пристань привезли —
Их поплавки невыразимо яркие!
И вздрагивают чуткие рули,
И воздух сдобрен запахом солярки.

УРАЛЕЦ-

БИОГРАФ ЛЕНИНА

В нашей стране первые биографические очерки о Владимире Ильиче Ленине были написаны и опубликованы в печати еще в 1918 году. Имя одного из авторов, профессионального революционера, публициста, — Алексей Христофорович Митрофанов.

«Вождь деревенской бедноты — В. И. Ульянов-Ленин (Биографический очерк)» — так называлась брошюра, выпущенная издательством Крестьянского отдела Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов в Москве в 1918 году. Тираж ее по тому времени был огромен — 100 тысяч экземпляров.

«...История последних десятилетий выдвинула нового героя, имя которого в настоящее время не сходит с уст всего крестьянства. Этот герой — Владимир Ильич Ульянов-Ленин...» — писал А. Х. Митрофанов.

Отмечая, что Ленин был творцом аграрной программы РСДРП, автор подчеркивал, что в массе крестьянской бедноты Ильич «...в отличие от некоторых недальновидных марксистов, ставших впоследствии меньшевиками, видел не одну только «мелкобуржуазную стихию», но и громадную революционную силу в ходе русской революции».

Свой рассказ о жизни и революционной деятельности В. И. Ленина А. Х. Митрофанов заканчивал словами: «Таков наш славный вождь, наш дорогой Владимир Ильич, как, точно сговорившись между собой, стали называть его все рабочие и крестьянская беднота».

Брошюра за короткое время была раскуплена и в том же году снова переиздана. А вскоре ее перевели на украинский, чувашский, сербский языки.

Кто же он, один из первых биографов В. И. Ленина?

Судьба забросила на Урал Алексея Митрофанова в 1901

году. Он работал столяром на Мотовилихинском оружейном заводе. В 1903 году вступил в Пермскую организацию РСДРП. С тех пор двадцатичетырехлетний рабочий навсегда связал свою судьбу с партией большевиков. Пермская полиция трижды арестовывала Алексея Митрофанова за подпольную революционную деятельность.

Член Пермского, а потом Уральского областного комитета РСДРП, Алексей Христофорович был организатором нелегальной типографии, участвовал в вооруженном выступлении мотовилихинских рабочих против царизма в декабре 1905 года.

Позднее, уже в годы Советской власти, Митрофанов, обращаясь к мотовилихинцам, писал: «Первая репетиция гражданской войны в Мотовилихе, несмотря на поражение рабочей дружины, не только не вызвала немедленного упадка революционного настроения мотовилихинских рабочих, а, наоборот, послужила отправной точкой для широкой организационной работы, проделанной в Мотовилихе в начале 1906 года Я. М. Свердловым... И вряд ли кто поверит тенденциозной меньшевистской оценке «Пермского декабря 1905 года», как «юношеской горячности» и «бесплодной жертвы».

С 1907 года по решению Пермского комитета Митрофанов ведет подпольную деятельность в Екатеринбурге, Тюмени, Кыштыме. Его талант революционера с особой силой проявился в Уфе. Здесь Алексей Христофорович создал подпольную большевистскую типографию и стал одним из редакторов нелегальной газеты «Уфимский рабочий». В марте 1907 года Уральский обком направил Митрофанова под кличкой «Романыч» для агитационной работы в массах в Уфалейско-Кыштымскую окружную партийную организацию. В этом же году Алексей Христофоро-

вич был делегатом V (Лондонского) съезда РСДРП, где впервые встретился с Владимиром Ильичем Лениным. В Кыштымском заводе «Романыч» пропагандировал решения съезда и был арестован на подпольном собрании.

Более двух лет просидел А. Х. Митрофанов в Екатеринбургской тюрьме, где находился в это время и Я. М. Свердлов. Впоследствии «Романыч» вспоминал: «Учился в тюремном университете у Свердлова».

После тюрьмы Алексей Христофорович продолжал подпольную революционную деятельность в различных городах России. Но царская охранка зорко следила за ним и в 1916 году выслала его в Самару под надзор полиции.

В Самаре Митрофанов вместе с другими большевиками начал издавать газету, первый номер которой под названием «Приволжская правда» вышел 17 марта 1917 года. В этом же месяце его избрали членом Самарского городского, а затем председателем губернского комитета РСДРП(б). Перед тем, как в Самару вошли восставшие белочехи, Алексей Христофорович с группой красногвардейцев эвакуировал золотой запас республики в Казань.

Во время левозсеровского мятежа в Москве «Романыч» командовал отрядом, который отразил попытку контрреволюционных сил захватить радиостанцию на Ходынке.

А. Х. Митрофанов был членом комиссии по редактированию первой Конституции РСФСР, принятой на Пятом Всероссийском съезде Советов, где его избрали во ВЦИК. Позднее Алексей Христофорович возглавлял ревком в Ростове-на-Дону, редактировал газету «Советский Дон». Его статьи часто появлялись на страницах «Правды», «Известий», «Бедноты», «Голоса трудового крестьянства». Перу Митрофанова

принадлежат более пятидесяти книг и брошюр по вопросам общественно-политической работы и по сельскому хозяйству.

С 1921 года Алексей Христофорович снова на Урале. Он член Совета Первой трудовой армии и уполномоченный Наркомата земледелия.

«Настоящее удостоверение выдано Алексею Христофоровичу Митрофанову в том, что он действительно является членом Совета Первой трудовой армии и особоуполномоченным Народного Комиссариата Земледелия на Урале,— говорилось в мандате, подписанном 19 марта 1921 года лично В. И. Лениным. — Всем советским организациям, учреждениям и отдельным лицам предлагается оказывать т. Митрофанову всяческое содействие в исполнении возложенных на него обязанностей».

А. Х. Митрофанов многое сделал для восстановления хо-

зяйства уральских губерний. Сохранились интересные документы тех лет. Так, в одном из приказов Совета Первой трудовой армии за 1921 год, подписанным Митрофановым, говорилось, что в связи с суровыми климатическими условиями «...в Екатеринбургской, Челябинской, Пермской, Уфимской и Тюменской губерниях рабочее время при работах на открытом воздухе сократить в феврале до 7 часов, а в марте установить 8-часовой рабочий день...» А в апреле этого же года по инициативе Алексея Христофоровича появился еще один приказ, разрешающий отпуска рабочим уральских заводов, имеющим посевную площадь, на полевые работы.

Учитывая заслуги А. Х. Митрофанова, президиум Челябинского губисполкома 24 апреля 1923 года постановил: «...Михайловскому хутору и винокуренному заводу бр. Покровских присвоить наименование «Мит-

рофановский совхоз», посвященное имени старого нелегально работавшего на Урале среди крестьян, а во время революции над практической разработкой аграрного вопроса товарища, ныне члена Коллегии Наркомзема... — Алексея Христофоровича Митрофанова («Романыча»)».

В последние годы Алексей Христофорович вел преподавательскую и научно-исследовательскую работу.

В июле 1941 года Митрофанов тяжело заболел и был эвакуирован в дом отдыха «Тургояк» Миасского района, Челябинской области. Здесь 2 сентября 1941 года он умер.

Похоронен А. Х. Митрофанов возле села Тургояк. На могилу его люди и теперь приносят цветы в знак памяти о большевике, активном строителе социализма, одном из первых биографов бессмертного Ленина.

Б. МЕЩЕРЯКОВ

ПОЧТАЛЬОНЫ «ИСКРЫ»

В 1968 году две улицы Советска сменили свои названия. По предложению следопытов школы № 11 они стали называться: улица газеты «Искра» и улица О. А. Пятницкого.

Этот город (бывший Тильзит) расположен на левом берегу реки Неман. В прошлом он входил в состав Германии и был пограничным с царской Россией. Отсюда, из Тильзита, переправлялась в Россию в начале двадцатого века ленинская «Искра».

Следопыты заинтересовались тем, как газета попадала в город, а потом за рубеж. Начался поиск.

В «Истории Коммунистической партии Советского Союза» среди агентов «Искры» упоминается О. А. Пятницкий. Оказалось, именно ему поручалась транспортировка революционной литературы через Тильзит. Пятницкий жил в Вильнюсе, работал в портновской мастерской. Ну, а кто был «почтальоном»?

Следопыты познакомились с воспоминаниями О. А. Пятницкого, где он писал о своем помощнике — немецком социал-демократе Фердинанде Мертинсе. Это ему шли из Берлина многочисленные посылки с «кожевенным товаром». Ребята связались с Берлинским музеем истории. Оттуда сообщили, что Ф. Мертинс жил в Тильзите на улице Гартенштрассе в доме № 10. Разыскали школьники несколько старых городских планов, и на одном из них удалось определить улицу, носившую когда-то название Гартенштрассе, и место, где стоял дом Ф. Мертинса.

Следопыты съездили в Клайпеду, в краеведческий музей, познакомились с экспозицией, рассказывающей, как местные революционеры помогали русским братьям. Посылки Ф. Мертинса с «обувью» и «кожей» попадали к его соратнику по партии Фридриху Клейну, жившему в Клайпедо. А Клейн вместе с латышским социал-демократом Эрнестом Ролау перебрался в Клайпеду, в городок Ниммерзат, расположенный уже по ту сторону русской границы.

Путь ленинской «Искры» через Клайпеду не был единственным на северном маршруте. Ребята проследили и другие каналы проникновения газеты через жандармские кордоны. Литература из Тильзита от Ф. Мертинса экспедировалась на пароходах и на лодках по реке Неман, на подводах по проселочным дорогам. Литовские селения Юрбаркас, Смалнинкай и другие, расположенные на русской территории, были своего рода перевалочными пунктами. Вся почта попадала в Вильнюс к О. А. Пятницкому.

Большой отваги были все эти люди. Следопыты познакомились в архивах с донесениями царских жандармов об арестах литовских крестьян, перевозивших и хранивших «Искру». Фердинанд Мертинс арестовали в 1904 году и судили вместе с группой других немецких социал-демократов. Защищать революционеров на суде приезжал молодой берлинский адвокат Карл Либкнехт.

Следопыты продолжают поиск.

Б. ЯРОГОВ

19

К ЛЮДЯМ

НАШИ

ДОРОГИ

Л. РУМЯНЦЕВ,
наш специальный
корреспондент

«Позиция судов»

Вчера вечером мне казалось, что «Тоболлес» загружен до предела: набиты глубокие трюмы, на крышах трюмов встали гусеничные тракторы, водолазный катер, нос и корма которого «не вписывались» — выступили за борта судна, зеленые гулкие цистерны загромодили все проходы. А только что плавучий кран подбросил нам еще ни много ни мало — два дома на полозьях, видимо, для полярных геологов. Вроде бы собрался человек навестить родственников, живущих далеко и давно у них не был — чемоданы, рюкзак набил гостинцами; авоськи — пузырями, приторочены к ручкам чемоданов, а тут приходит бабушка и просит передать «своему младшенькому» всего ничего — велосипед с моторчиком.

Что ж, так, наверное, и надо. Полярная навигация коротка, а север велик, и нет числа пунктам, где люди ждут наши грузы.

Ловлю на циферблат ручных часов тусклый свет портового фонаря. Скоро — три. Скоро густая мгла поблекнет, за сопками зарозовеет. А пока с полутемного мостика в полукруге окон — и город и бухта передо мной, как на широком экране.

Многоточия огоньков группируются в невидимом контуре какого-то бодрствующего здания. Но больше всего огней-одиночек, причудливо разбросанных по сопкам.

Можно, наверное, построить совершенно симметричный город. Он будет глядеться днем законченным монументальным ансамблем. Но

ночью симметрия рухнет. Ее разрушат огни. Кто-то выключит свет и спокойно уснет, а чьи-то окна будут тревожно желтеть всю ночь.

Мне помнится первый день приезда во Владивосток. Я пришел в Управление Дальневосточного пароходства и ждал, когда меня определят в гостиницу. Вышел покурить на улицу и невольно обратил внимание, что к одному из окон пароходства все время подходят женщины. Молодые, хорошо одетые. И — молчаливые. У этого окна они становились вроде бы похожими одна на другую своей строгой сосредоточенностью, отрешенностью от шумящей улицы.

Я тоже подошел к окну. Изнутри на стекло были наклеены три машинописных листка: «Позиция судов». Два столбика текста. Слева — название судна, справа — в каком порту оно стоит или где пролегает его путь: в Японском ли море, в Тихом ли океане, в Атлантике или Индийском. Весь мир с его морскими дорогами умещался на трех машинописных страницах.

Женщины искали «свою» строчку и отходили от окна, все еще не слыша улицы.

Во Владивостоке нет, пожалуй, семьи, так или иначе не связанной с морем.

Электромеханик «Тоболлеса» Эдвард Николаевич Давыденко сказал мне как-то, что дочке его скоро уже семь лет, а он ни разу «не угадал» на день ее рождения. «Шлю поздравительные телеграммы, а самому пока не довелось в этот день быть дома».

По шесть-восемь месяцев, иногда по году не заходят моряки в родной порт. Возят наши грузы, а подвернется выгодный фрахт — берут чужие.

«Тоболлес» — судно международного класса. Построили его в Польше на гданьских верфях в 1964 году. За четыре года оно прошло более ста пятидесяти тысяч миль, иными словами — семь раз обогнуло всю землю по экватору. Побывало в Англии, Италии, Ливане, Объединенной Арабской Республике, Японии, Франции, Марокко, Сингапуре, Канаде, Финляндии, Норвегии.

Сегодня «Тоболлес» пойдет на Чукотку, в «полярку», как называют моряки такие рейсы.

Вчера до позднего вечера на судне было много женщин и ребят: жены и дети моряков «Тоболлеса». На крыше второго трюма плотники и матросы крепили «негабаритный» катер, и старший помощник капитана Сергей Яковлевич Шутьгин руководил этой работой. А его жена и сын, ожидая, когда он освободится, поднялись на мостик.

Женщина волновалась, ходила от двери к двери, ей нужно было с кем-то поговорить. Узнала, что я пойду с теплоходом лишь до Анадыря. Посетовала, что ветер крепчает и даже в бухте разгулялись волны.

— Я море очень люблю, — сказала она, — но с берега и на картинке... Прошу своего старпома: дай телеграмму — благополучно ли дойдете до Чукотки с этими тракторами, с этим катером... Ну, посмотрите, — он же никак не вмещается! А если шторм? Вот будет потеха!..

Серьезные слова у нее перемежались с несерьезными. То погрустнеет, то улыбнется. Долгая разлука и трудный рейс — все ожидалось. Но остались считанные часы, и волнение сгустилось.

Сынишка старпома стоял молча, наблюдал сверху, как отец помогает крепить злополучный катер. Она же все время ходила по мостику, не зная, куда себя деть. Потом подошла к сыну, притиснула его к себе, сказала:

— Мы будем с тобой завтра утром крепко спать, когда папа отчалит!..

Рассуждая о трудностях морской службы, о штормах и льдах, о том, что даже сейчас, в век сплошной радиофикации, международная контора Ллойда ежегодно регистрирует несколько крупных судов, пропавших бесследно, мы нередко забываем о семье моряка.

Капитан «Тоболлеса» Виктор Петрович Самович уходит в рейс, а на берегу остается больной ребенок. Заболевание не очень серьезное, мальчишка непременно поправится. Однако, был бы Виктор Петрович на берегу, дома, он чувствовал бы себя уверенней. А теплоход отойдет, начнет разматывать мили за кормой, и чем дальше, тем острее будет чувство беспомощности. И в силах помочь, и — не в силах.

У расстояния слепая власть над нами. Оно способно заронить в сердце и смуту, и тревогу. Радио? Да, это великое благо, могучий соперник расстояния. Даже два-три телеграфных слова могут преобразить человека. Но есть житейские мелочи и тонкости взаимоотношений, которые непередаваемы на строгий язык радиотелеграфа. Мало ли о чем думает моряк в дальнем рейсе, вспоминая о доме. А жены и дети — их думы о муже и отце, ушедшем в долгое плавание...

...Пробуждается город, пробуждается порт. Вздохнул и ожил наш «Тоболлес». На мостике — капитан и вахтенный штурман. Репродукторы разносят по судну приказ старпома:

— Палубной команде по местам стоять!..

На своем катере подкатил лоцман, быстро

поднялся по трапу на ботдек — верхнюю палубу, — свистком и жестами указал портовому буксиру: «Идите к корме!»

Вот и отплываем. Все просто, буднично. Буксир «Марекан», напрягаясь, хрипя, оттаскивает корму нашего судна от причала. Еще одна команда — и на носу провисает, падает в воду последний канат, связывавший судно и землю. Матросы выбирают канат на палубу, складывают кольцами.

Ширится, светлеет полоса воды между нами и причалом. Там, кроме безмолвных по-утреннему пагузов, кранов и рыбаков, — никого.

«Мы будем с тобой завтра утром крепко спать, когда папа отчалит»...

И вдруг я замечаю возле массивных опорных лап портового крана женскую фигурку и рядом с ней светловолосого мальчугана в синем джемпере. Женщина стоит неподвижно, а мальчуган все машет и машет ручонкой. Ищу глазами — кому он машет. Вижу, как замполит Виктор Александрович Кислухин поднял руку, показал ею.

Прощай Золотой Рог — обетованная бухта!

Буксир глухо рывкнул и, освободившись от нас, побежал к берегу. А «Тоболлес» уже своим «самым малым» направляется к Босфору Восточному — воротам в океан.

Еще немного — и скроется за мысом причал, где мы стояли. Мальчишка все машет и машет рукой, и Виктор Александрович не отрывает от него глаз.

Сегодня в «Позиции судов» машинистка Управления парохозяйства внесет строку: «Тоболлес» снялся из Владивостока на Анадырь».

Время от времени будет упоминаться наше судно в машинописных листках и кто-то будет искать именно эту строчку.

Камень опасности

Посередине пролива Лаперуза, соединяющего Японское море с Охотским, возвышается скала, которая на штурманских картах не более точки и названа Камнем опасности. В самое мореходное время, в летние месяцы, пролив Лаперуза часто забит непроглядным туманом, и вероятность губительной встречи с Камнем, с его подводными отрогами, неизмеримо возрастает.

Капитан рассказывал случай, когда в один день тут затонули три судна. Напоролся на камни американский транспорт и дал сигнал бедствия. На выручку поспешило грузовое судно, но тоже распорол днище. Третий корабль, пришедший на помощь, был осторожен, однако, сгустившийся туман помешал и ему. Словом, погиб и третий...

Мы шли к проливу Лаперуза, и я, насылавшись разных историй, не мог, естественно, не думать об этом печально знаменитом Камне. Я знал, что кораблекрушения, о которых мне рассказывали, были давным-давно; что с тех пор, как на капитанских мостиках встали скромно, в сторонке, бессменные вахтенные — локаторы, аварии у Камня — исключительная редкость.

Справа зубчатой полосой уже виднелись берега японского острова Хоккайдо...

Когда-то мне на глаза попала заметка, в которой говорилось об айнах, небольшой народ-

ности, живущей на Хоккайдо. Айны, якобы, утверждают, что их далекие предки сошли на эту грешную землю с неба. В долине реки Сару даже воздвигнут памятник «на том самом месте», где первый айн... приземлился на острове.

Красивая легенда. Эпиграф к сочинению фантаста.

Я сидел у себя в каюте, любовался через открытое окно чистым небом, солнечным, вскипающим барашками, морем, дышал первозданным воздухом. Ветер шевелил отдернутую занавеску, приглушенно гремел главный двигатель, раскручивая на просторе все свои тысячи сил, и в такт его мечущимся поршням, мелко вибрировал сизый дымок сигареты.

В дверь каюты постучали. Посыльный с порога крикнул, чтобы я побыстрее шел на мостик и прихватил фотоаппарат.

Я побежал за матросом.

На ботдеке стояли капитан, замполит, начальник радиции. Они смотрели в сторону кормы, туда, где по морю широкой, вспененной на «обочинах» полосой, уходил к горизонту след от судна. И я увидел, что там, вдаль, пересекая наш след, разворачивается большой самолет. Он выпрямился и пошел за нами, догоняя с каждой секундой.

— Сфотографируйте его, — сказал капитан. — Прихватите в кадр лебедку или шлюпку. Для документальности...

— Это — американец, — пояснил замполит. — Идет на второй круг.

Четырехмоторный бомбардировщик стремительно приближался. Он летел немного левее судна и очень низко. Еще немного — и промчится мимо. На фюзеляже четкие опознавательные знаки американских военно-воздушных сил.

За стеклом фонаря я ясно разглядел летчика в шлемофоне. О чем он думал сейчас? О своем превосходстве над нами? Скорость, пушки, бомбы, а внизу — беззащитный грузовой. Можно и покуражиться — не так ли? Есть международные правила, категорически запрещающие такие облеты. Но что ему правила!

Бомбардировщик скользнул тенью по палубе «Тоболлеса», по нашим лицам, и, заложив вираж, пошел к Хоккайдо.

Об этих «пришельцах с неба» никто не сложит легенд.

Два года назад, 15 июня, такие же вот молодчики обстреляли теплоход «Туркестан», ранили несколько человек, убили электромеханика Николая Никитича Рыбачука, отца троих детей. Так просто — напали, ранили, убили. И улетели восвояси. И не исключено, что за наградой.

Военных преступников воспитывают до войны.

Камень опасности остается позади. Судно входит в густой туман, но на экране локатора Камень вспыхивает тревожной искрой, когда его касается луч, все время обегаящий круг.

Крутые волны

«Кто в море не бывал, тот и горя не видел» — поговорка старая, но, пожалуй, не совсем устаревшая.

Когда-то Михаил Васильевич Ломоносов писал: «Как полезно и необходимо предвидеть изменения атмосферы, хорошо знает земледе-

лец... и не менее того знает это моряк, который сколь был бы счастлив, если бы мог пальцем указать ту область, откуда можно ждать постоянных ветров и откуда грянет внезапная буря».

Начальник радиции Владимир Иванович Савченко протягивает мне только что принятую по телетайпу карту погоды и показывает направление шторма. Конечно, служба погоды далеко еще небезупречна и не всегда предскажет «откуда грянет внезапная буря», но год от года прогнозы становятся точнее. На принятой карте отмечены области низкого и высокого давления, короткие стрелки указывают, куда движется ураган. Он далеко от нас, в Южно-Китайском море, бушует где-то над Филиппинами, но движется к нам, и ощутимо.

Волны стали размашистей, гребни выше. Судно то задирает нос, взлезая на волну, то плавно скатывается с нее.

Охотское море редко бывает тихим, особенно в тех местах, куда мы идем, — в районе Курильских островов. Девятнадцать проливов соединяют «Охотку» с Тихим океаном. Пролиты бурны. Во время приливов и отливов тут возникают стремительные течения и водовороты. А если к тому же и шторм, то моряку скучать не приходится.

В радиорубку к Савченко заглянул его друг электромеханик Давыденко, посмотрел карту погоды и остался доволен.

— Приличная обстановка!.. А вот мы однажды...

Давыденко работал тогда на пароходе «Полина Осипенко». Скорость судна была невелика — восемь узлов в час, в два раза меньше, чем у «Тоболлеса». И вот однажды пароход шел через Четвертый Курильский пролив во время шторма. Волна и ветер — навстречу. Двое суток не могли одолеть пролив. Карабкается судно на волну, как на крутую гору, и выдыхается, сносит его вниз, по волне.

Впереди «Полины Осипенко» шел пароход типа «Либерти», вез лес. Своими глазами Давыденко видел, как накрыла судно огромная волна и смахнула весь палубный лес в океан...

Давыденко немногим более тридцати. Он худощав, подвижен. Ему к лицу густые смоляные усы, которые он раз в году, в день своего рождения, обязательно сбривает.

Говорит Давыденко довольно монотонно, но живописует, но рассказы его впечатляют. И нынешняя качка воспринимается уже по-другому, легкой забавой, не больше.

Савченко вспомнил, как на «Тоболлесе» во время шторма сорванный с креплений телетайп пролетел над его головой и заклинил дверь рубки. Во время другого шторма одного из членов экипажа бросило через всю кают-компанию вместе с креслом...

В радиорубке невольно обращаешь внимание на морской хронометр с красными сегментами на циферблате. Каждый час в эфире с пятнадцатой по восемнадцатую минуту и с сорок пятой по сорок восьмую на «частоте бедствия» наступает молчание. Радисты всех станций на судах и на берегу вслушиваются в эфир. И если кто-то где-то терпит бедствие, то он постарается передать SOS именно в эти «минуты молчания».

В это же время можно радировать обо всем, что непосредственно угрожает безопасности. О блуждающей mine, например...

До сих пор на морских дорогах встречаются рогатые шары, начиненные смертью. Обросшие ракушками, опутанные тиной, дожившие до наших дней еще с первой мировой войны. Где-то случайно поставленные, они поднимаются из глубины, порвав проржавевшие стропы, и плывут по воле течений и ветров.

В жестокие зимние штормы — особенно в Охотском море — судно нередко покрывается льдом. Палубы, надстройки, механизмы, палубный груз — все сковывает ледяной панцирь. Со стороны посмотреть — белый призрак скользит по свинцовым волнам.

«Тоболлес» рассчитан для плавания в таких тяжелых условиях. При полной нагрузке он может еще принять на свои плечи до тысячи тонн льда.

Словом, если прикинуть, — у моряков не мало «разных разностей». Но трудно встретить моряка, который не любил бы свою профессию. Вот исчертывается он, проклянет и палубу, и мачту, когда донельзя изматает его штормовая — в десять баллов — волна. Придет на берег, скажет в сердцах, что пропади он пропадом — морской флот. А пролетят дни, недели и вдруг какой-то теплоход, покидая порт, протрубит прощальную ноту, она полетит над берегами, над улицами, ударится в окно и отзовется в сердце моряка. Отзовется тонко, призывно, и покажется моряку тесно в комнате, душно в городе, и широким надтреснутым ногтем проведет он по табель-календарю, высчитывая конец отпуска...

В чем тут дело? Может быть, в том, что моряк, сознает он это или нет, прежде всего в душе путешественник?

Кого ни возьми на «Тоболлесе», — из тех моряков, конечно, кто не первый год на судне, — у каждого масса впечатлений о портах и странах, где довелось побывать и вроде бы «открыть» для себя новые земли. Да и в родной стране, такой обширной, как Россия, немало уголков, совсем еще неведомых для многих, и если известных, то только понаслышке. Разве не интересно все это увидеть своими глазами?

Спросите у старпома Шульгина про Онекотан — мы только что выходили на мостик и любовались этим скалистым величественным островом, — и Сергей Яковлевич оживится, расскажет, как однажды ездил на вездеходе к озеру Кольцевому — главной достопримечательности Онекотана.

В каюте у Савченко — географический справочник по Чукотке. Вроде бы ни к чему он радисту, к службе его непосредственного отношения не имеет. Однако Савченко внимательно изучает справочник, ему хочется как можно больше знать об истории тех мест, куда идет «Тоболлес».

Если вдуматься, все это черточки, присутствие путешественникам. «Самое дело путешествия для человека, искренне ему преданного, представляет величайшую заманчивость ежесекундной сменой впечатлений, обилием новизны», — говорил Николай Михайлович Пржевальский. — Трудности же физические, раз они миновали, легко забываются и только еще сильнее оттеняют в воспоминаниях радостные минуты удач и счастья».

Мне могут возразить — Пржевальский, мол, видел в путешествии не забаву, а пользу для науки, а моряк торгового флота — прежде всего перевозчик грузов. Все просто и ясно.

Так-то оно так, да не очень просто и совсем не ясно.

Почему человек выбирает эту, а не ту профессию? Как возникает любовь к профессии? На эти вопросы цифрами выполнения плана грузо-перевозок и материального поощрения со всей полнотой не ответишь. Человек сложнее. И нередко второстепенные, казалось бы, факторы исподволь формируют в нем главное.

В море, где родной земли, образно говоря, ровно столько, сколько очерчено бортами судна, и не месяц, не два гудит под ногами палуба, — отношения между людьми, их настроение, их увлечения — все важно, все постепенно складывается в интерес к работе.

Страсть к путешествиям, к смене впечатлений, к обилию новизны — разве это плохо, если она — эта древнейшая страсть человека — сопутствует хорошей работе, и, я бы сказал, даже вдохновляет на труд?

Нет, что ни говорите, а многие моряки в душе путешественники.

Наша слава

— Сегодня ночью стрелки судовых часов будут переведены на час вперед.

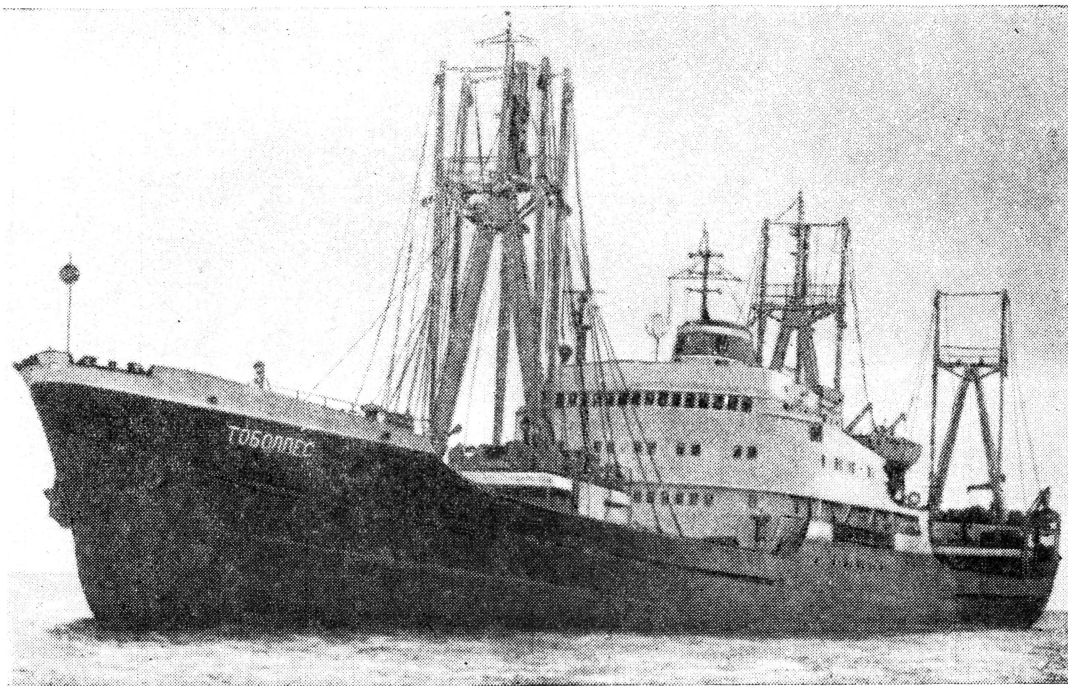
Эту фразу в течение пути я слышал не раз. Мы пересекали невидимые линии часовых поясов, меридианов и параллелей. Мимо проходили суровые Курилы, садилось солнце, высветивая золотистыми контурами заснеженные вулканы Камчатки, справа оставались Командорские острова. Впереди была Чукотка. Впереди были острова Диомида. Они почти в центре пролива, соединяющего Тихий океан с Ледовитым. Два острова — Ратманова (Большой Диомид) и Круженштерна (Малый Диомид). Первый принадлежит нам, второй, отстоящий всего на четыре километра, принадлежит Соединенным Штатам Америки. Тут проходит граница между двумя великими державами и международная линия смены дат: когда на Дальнем Востоке воскресенье, на Аляске еще суббота.

Государственные границы в северной части Тихого океана сложились много позже всех тех великих географических открытий, которые были сделаны здесь русскими первопроходцами.

...Штурман прячет карту «пройденную» в широкий ящик стола, достает новый лист, склоняется над ним и вдоль рекомендованного курса чертит истинный путь «Тоболлеса». На карте названия островов и полуостровов, мысов, заливов и бухт. И вчитываясь в эти названия, невольно вспоминаешь мужественных русских мореходов.

«...С Ковыми реки послан я, Семейка, на новую реку, на Анандыр для прииску новых несачных людей»... «А с Ковыми реки ити морем на Анандыр реку, и есть нос... А лежит тот нос промеж сивер на полуношник, а с Рускою сторону носа признака: вышла речка, станювь тут у Чухоч делано, что башни, из кости китовой...» — доносил Семейка (Семен) Дежнев в челобитной царю Алексею Михайловичу.

На шести кочах — легких поморских суденышках под кожаными парусами — отправился Семен Дежнев в неведомый ему путь и первым из европейцев доказал, что можно свободно пройти из Ледовитого в Тихий океан. От Нижне-Колымского острога мог бы Дежнев с мень-

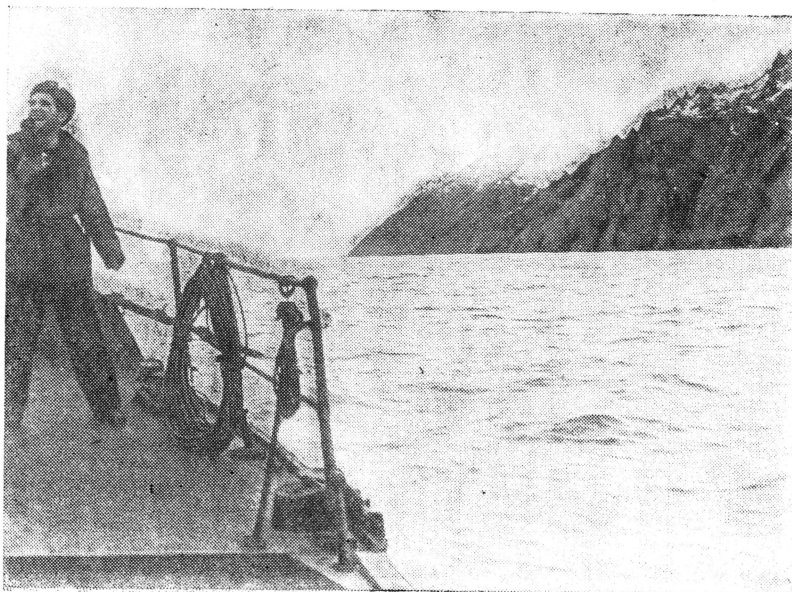

Последний прощальный гудок, и теплоход «Тоболлес» взял курс на Чукотку, в «полярку», как называют моряки такие рейсы.

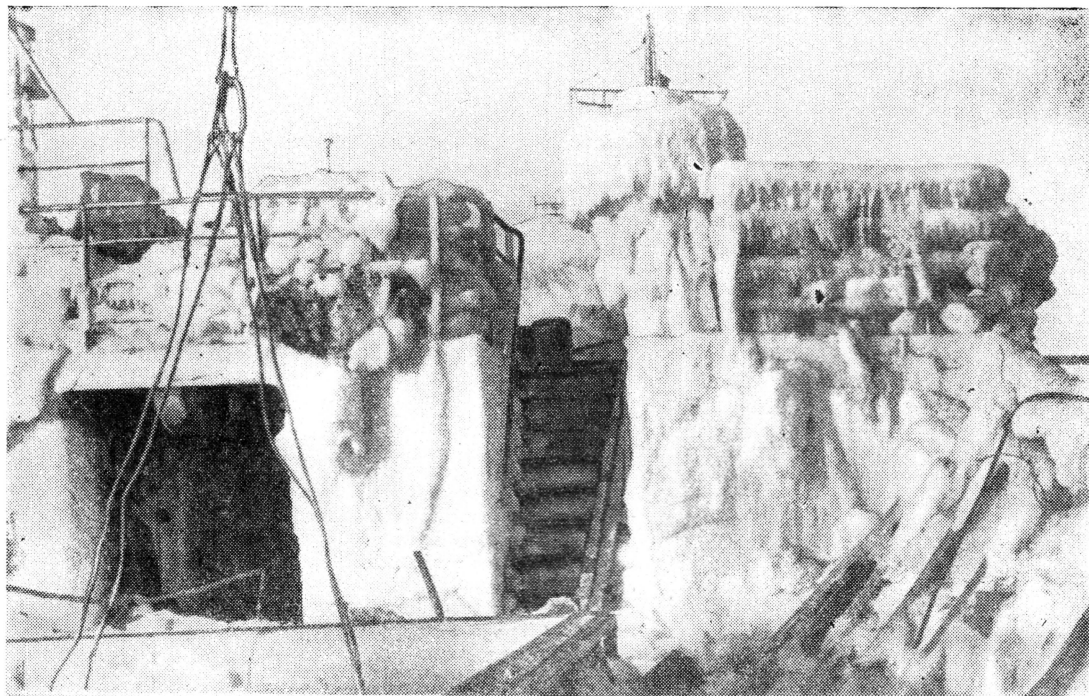

Теплоход шел Беринговым морем, на берегах которого рождается новый день. Здесь происходит смена дат, отсюда 31 декабря в полночь начинает свое путешествие по земле Новый год. Эти скалистые суровые берега — край утренних зорь...

И наступил день, когда теплоход пересек Полярный круг и вошел в Берингов пролив. Очень часто пролив встречает моряков туманами и снежными зарядами, и тогда каждые две-три минуты раздается рев судового тифона...

«Полярка» — это когда сотни тонн льда намерзают на палубе, на снастях, лебедках, на всем, до чего дотягивается Северный Ледовитый океан.

шим риском добраться до «Анэндыр реки» сухой. Но жажда исследования влекла в море отважного неумемного казака.

Несколько кочей погибло. «...на море разносло без вести, и носило меня, Семейку, по морю после Покрова Богородицы всюду неволею и выбросило на берег... и пошли мы все в гору... холодны и голодны, наги и босы. А шел я, бедной Семейка, с товарищи до Анэндыр реки ровно десять недель...»

Было это в 1648 году.

Большую и славную жизнь прожил Семен Дежнев. Много раз после своего первого плавания через пролив, выходил он в северные воды на утлых кочах, а также возил из Якутска в Москву «рыбий зуб» и «казну соболину». В Москве и скончался этот выдающийся человек, «поверстаный» незадолго до смерти в атаманы.

О том, что Дежнев обогнул с севера азиатский материк — «нос промеж сивер на полуношник» (ныне мыс Дежнева) — стало известно кое-кому в России да и за границей. Но через семьдесят лет прошел первооткрывателем вблизи Чукотских берегов посланец Петра I Витус Беринг. Дежнев не оставил свидетельства о том, что видел другой материк — американский, а Беринг не проявил настойчивости, хотя ему, в отличие от Дежнева, прошедшего пролив на свой страх и риск, прямо предписывалось — узнать «сошлась ли Америка с Азией». Поэтому некоторые исследователи, в частности крупнейший советский ученый академик Л. С. Берг, считают первым, кто действительно открыл пролив между Азией и Америкой, подштурмана Ивана Федорова. Это он в 1732 году положил пролив на карту. Однако с легкой руки позднейших путешественников пролив получил имя Беринга, и северное Бобровое море стало именоваться Беринговым морем.

Между прочим, хочу заметить, что академик Л. С. Берг не совсем точен в формулировках. Он делает вывод: «Таким образом первым, открывшим пролив между Азией и Америкой, был не Дежнев и не Беринг, а Федоров». Но несколько ранее в той же книге «История русских географических открытий» он пишет: «Открытие Семеном Дежневым Берингова пролива». «Открытие пролива» — так и написано черным по белому.

В самом первом номере «Уральского следопыта», вышедшем в 1935 году, есть историко-географический рассказ Вл. А. Попова-Штарка «Командор Бобрового моря». Отдавая должное Берингу, как человеку грамотному и справедливому, пользовавшемуся уважением командры, Вл. А. Попов-Штарк с горечью отмечает нерешительность, нелюбезность командора, что значительно снизило результаты его экспедиции. Сподвижник Беринга лейтенант Алексей Чириков выведен более сильным, более вдумчивым исследователем.

Но не будем вдаваться в тонкости. Для нас важно одно — Семен Дежнев, Витус Беринг, Иван Федоров, Алексей Чириков, десятки других замечательных мореходов, открывших Камчатку и Аляску, Курильские и Алеутские острова, — все они были сынами, посланцами России.

...Ветер гуляет над просторами холодного Берингова моря, вздымает сизые волны. Небо тут ниже, и кажется, что там, впереди, небо совсем сойдется с морем и не хватит воздуха.

По радио приняли известие, что в Анадырском заливе — льды, и еще неизвестно, сумеем ли мы их пройти без помощи ледокола. Трудный день будет завтра, и трудных дней впереди еще много, «полярка» только начинается.

А когда-то наши далекие предки ходили тут на примитивных суденышках, и как ходили!

Подвиг тем и велик, что, никогда не старея, как бы напоминает всем последующим поколениям: вам по плечу любые свершения, если уж вы смогли, то вам — на роду написано!

Без прошлого не может быть настоящего, а тем более — будущего. В жизни народа неразсторжима связь времен. И нам, право, есть чем гордиться.

Я просматривал как-то четвертый том научных трудов Альберта Эйнштейна. В некоторых статьях и письмах великий физик высказывал интереснейшие мысли о проблемах творчества, о морали, об обществе. Однако, его рассуждения о Копернике заставили призадуматься. Эйнштейн писал: «Никакая нация не должна гордиться одна, что такой человек развился в ее среде». Все как будто правильно. Коперник, Ньютон, Павлов, эти великие умы — гордость всего человечества. Но разве это мешает полякам особо чтить Коперника, англичанам — Ньютона, русским — Павлова? Открытия Магеллана, Дежнева, Амундсена принадлежат всему миру, и в то же время, кому, как не народу, из среды которого они поднялись, помнить о своих замечательных сыновьях, считать их своими героями.

Заканчивая мысль, Эйнштейн пишет: «Национальная гордость — это скорее легкая слабость...»

Афористично, но в корне неверно. Не трудно понять, — в результате каких личных жизненных потрясений родилось у Эйнштейна это глубоко ошибочное суждение. Понять, но не принять.

Может быть, в космическом масштабе, перед лицом еще неведомых нам цивилизаций земляне предстанут как одно лицо. Но на нашей планете, причудливо и ярко испещренной мозаикой национальных самобытностей и подвигов, никому не пристало забывать о роде и племени.

Я не стал бы касаться этой темы, если бы нет-нет да не мелькали в печати высказывания многомудрых «новаторов», хитро низводящих национальную гордость до ущербности, не появлялись строки безудержных путаников, восхвалителей всего «лишь бы нашего» — и онучи и боговидцев.

Хрен редьки не слаще.

На истертые онучи мы поглядим в музее, где рядом с ними — плеть Салтычихи, и ничего, кроме горького вздоха, не вызовет у нас это историческое сочетание. А увидим в том же музее челообитную Семейки Дежнева, и теплая волна уважения, гордости подкатит к самому сердцу.

Во Владивостоке меня познакомили с человеком, который посвятил себя благородной работе — розыску, изучению материалов героического прошлого нашего народа. Борис Александрович Сушков был подполковником береговой обороны, теперь — ученый секретарь Приморского Географического общества.

Стараниями Сушкова был создан во Владивостоке в 1950 году большой Военно-исторический музей. Сам Борис Александрович много

КИТЫ И ЛЬДЫ

путешествовал по Приморью. Однажды с Анатолием Петровичем Павлухиным, таким же энтузиастом, они совершили длительную экспедицию на Охотское побережье, где нашли пушку и адмиралтейский якорь с одного из первых русских военных кораблей на Тихом океане — с бота «Кадык».

Я видел этот якорь. Он огромен, стоит у входа в музей. Море изгрызло, источило его...

Борис Александрович совершил экспедицию и на Командорские острова. Он хотел найти останки Витуса Беринга и попросить специалистов воссоздать по черепу командора его достоверный облик. Ведь подлинного портрета Беринга нет, а все существующие — вымысел художников.

К сожалению, поиски праха командора не увенчались успехом. Крест, который согласно преданию был поставлен на могиле Беринга, на самом деле оказался символическим памятником. Но при тщательном исследовании места последней стоянки беринговцев, кое-что все-таки было найдено: предметы обихода и две пушки с пакетбота «Св. Петр». Двести лет пролежал в каменной земле штоф с можжевельным скипидаром — и превосходно сохранился...

Сушков написал много статей по истории Приморья, историко-географический обзор «Дальневосточные моря и их побережья». Эта книга — краткая энциклопедия дальневосточных открытий русских первопроходцев.

Сам Борис Александрович родом с Урала. Его дед был знаменитым доменным мастером на Белорецком заводе. Жил Борис Александрович и в Свердловске, учился в горном институте.

За день до отхода «Тоболлеса» я был у Сушкова дома. Окна его квартиры выходят на Амурский залив. С утра над Владивостоком шумел ливневый дождь, а под вечер разъяснилось, ветер утих, заиграло солнце. Борис Александрович распахнул окно. Широко и зеркально простирался залив, исполненный покоя и величия. Лишь далеко-далеко, окаймляя простор, угадывались крутые очертания гор.

Жена Бориса Александровича, Ольга Ильинична, — скульптор. Это ее работу видел я на территории военно-морского госпиталя — бюст героини-санитарки Марии Цукановой, погибшей от рук японских захватчиков. Ольга Ильинична показала мне и новое свое произведение — скульптурный портрет первой в мире женщины-капитана Анны Ивановны Щетиной.

«Похоже, что у этой славной семьи Сушковых одно общее дело», — подумал я тогда. И эта мысль, и изумительный вид на залив — все вместе, — сложилось, запечатлелось, заставило подумать и о другом.

Почему бы нам в каком-нибудь парковом районе Москвы, красивом и зимой и летом, не воздвигнуть «Аллею первопроходцев», — не только наших космонавтов, — всех знаменитых русских первопроходцев, начиная, может быть, с Ермака Тимофеевича.

...Враз, неожиданно навалился на наше судно туман, густой и холодный. Старпом тотчас включил тифон, и через каждые две минуты понесли в белесую муть предупреждающие гудки сирены.

— Ближе льды, — сказал капитан и отдал приказание выслать на нос «впередсмотрящего» и поставить к штурвалу матроса.

Начинался сложный этап пути.

Льды.

Обстановка на мостике переменялась.

Всего час-полтора назад «Тоболлес» шел полным ходом, авторулевой исправно нес службу, два матроса в телогрейках, перехваченных широкими верхолазными поясами, вскарабкались на верхушку лебедки, к небу, и расцехляли главную — пятидесятитонную стрелу, готовя ее к работе в недалеком уже Анадыре.

Свободные от вахты члены экипажа с любопытством наблюдали, как разбегаются от теплохода, смешно барабая крыльями по воде, кургузые кайры. Они вытягивали шею, они напрягали все силы, но никак не могли оторвать от волн свои грузные тела. Широкими кругами носились над судном бакланы, приглядывались, вскрикивали от удивления.

Потом показались киты. Их было много. То вдалеке, то рядом, всплывали они черными лоснящимися буграми, пускали фонтаны и снова уходили под воду. В летние месяцы Анадырский залив богат планктоном, и сюда, как на пастбище, устремляются китовые стада.

Увлечшись обедом, один такой кит оказался прямо перед носом теплохода. Капитан заметил, кинулся к штурвалу. Ему удалось отвернуть судно, и зазевавшийся исполин, благодарно поприветствовал «Тоболлес» фонтаном выше борта, нырнул в глубину.

Ненадолго показывалось солнце, и тогда на берегу, видневшемся тонкой гористой полоской, происходили странные вещи. Могущая сопка вдруг переворачивалась вверх основанием и, кокетливо колыхаясь, вытягиваясь, начинала балансировать на макушке. Какое-то судно, шедшее вблизи берега, тоже решилось на сумасшедший трюк — перевернулось кверху килем и как ни в чем не бывало заскользило над волнами, опираясь на них верхушками мачт. Все это было настолько явственно, что ошеломляло. И лишь минуту спустя приходила разумная мысль об оптическом обмане, характерном для этих широт.

На штурманской карте я прочитал название танцующей сопки — Уквушвуинен. Есть названия и помудрее: реки — Кэнгыпилчин и Майнелъвечыргын, озеро Гыннылыплат, лагуна Ваамъёгын... Читать трудно, запомнить еще труднее. Это — нам. А местным жителям других названий и не надо, потому что эти названия, как правило, точно отражают географические особенности реки, горы, лагуны. Река Майнапыльхвыгыргыневем по-чукотски означает — «Большая пересекающаяся шумная река». И местный житель никогда не спутает ее с другой какой-либо речкой.

Встречаются и курьезы. Некогда мыс у входа в удобную и глубокую бухту Провидения назывался Ист-Хенд (в переводе с английского — Восточный мыс). Его переименовали в мыс Лысая Голова, что в общем-то соответствует его внешнему виду. Однако тот же Ист-Хенд, но в чукотском переложении — Ыстыгэт — закрепился за названием близлежащего... озера.

Да, всего час-полтора назад можно было выйти на палубу в легкой куртке, летали над судном бакланы, киты процеживали сквозь свои усы тонны воды и лакомились планктоном. И вдруг, будто по мановению волшебного жезла, ничего не стало — ни солнца, ни китов, Про-

мозглый липкий туман навалился на судно. Даже нос и корма еле-еле просматриваются с мостика.

Замолкли лишние разговоры.

Гремит двигатель, звучат команды.

— Триста тридцать пять! — командует капитан.

— Есть триста тридцать пять! — отвечает рослый, с огненной шевелюрой матрос Владимир Личманюк, и легко вращает штурвальное колесо, следя за компасом.

Выполнил команду Личманюк и докладывает:

— На руле триста тридцать пять!

— Не на руле, а на румбе, — сердито ворчит капитан.

— Есть на румбе!..

Капитан надеется обойти ледяное поле по самой кромке его. На экране локатора прекрасно видно не только поле, но и отдельные льдины. Ярко высвечены их контуры, не лед, а золотистые кружева.

Капитан отходит от локатора, и тотчас его место занимает начальник рации Савченко. Он свободен сейчас от вахты и пришел на мостик, чтобы помочь, если потребуется.

Замполит Кислухин вместе со штурманом сверяют курс с картой. Старпом Шульгин — у телефона, держит связь с матросом, который, закутавшись в тулуп, дежурит на носу судна. Рядом с Шульгиным — Давыденко. Когда старпом потребовалось переключиться на другое, более важное дело, телефонную трубку взял электромеханик.

Старший механик Александр Федорович Бородин давно уже спустился в машинное отделение. Там все в порядке, но в изменившейся обстановке лучше быть поближе к машине.

Ни суеты, ни шума. Спокойно и дружно работают люди, занимаясь тем, что необходимо, даже если это не входит в круг их прямых обязанностей.

Такая четкая и вдумчивая работа контрастными красками не расцвечена, ни громких криков, ни резких сдвигов, а на поверку — куда более продуктивна, чем авральная лихорадка.

— Что видите? — спрашивает капитан у Савченко.

— Похоже, что лед не обойти, — отвечает он. — Справа еще гуще.

Капитан подходит к локатору.

— Да, похоже... — И, видимо для меня, поясняет. — Идти еще правее опасно. Там другая беда — мелко.

Он снова приник к раструбу локатора, пощелкал переключателем диапазона дальностей, поднял голову, подумал и сказал:

— Самый малый! Лево руля!.. Будем пробиваться.

Впереди, где-то там за ледяными полями, нас ждал ледокол «Сибирь». Мы могли бы попросить его помощи и пройти за ледоколом, как за щитом. Но потеряли бы время. А у капитана, наверное, были веские причины не ждать «Сибирь», идти сквозь льды, не мешкая, самим.

... — Лыдина прямо по курсу! — сообщил с бака матрос.

— Лево руля! — командует капитан.

— Есть лево руля! — откликается Личманюк.

«Тоболлес» самым малым ходом огибают лыдину,

Следующую обойти не удается. Теплоход наползает на нее. Шорох, скрежет. Лыдина не выдерживает, раскалывается. И этот отколовшийся «кусочек» лыдины, эта глыбища, весом, наверное, тонн до ста, медленно заваливается на бок и, потеряв равновесие, вдруг резко преворачивается, вздымая волны и брызги. На толстом сколе мелькнули грязно-ржавые полосы. Дно у лыдины неровное, подтаявшее, тускло поблескивает литыми отполированными впадинами и холмами.

Медленно идет теплоход. Нехотя лыдины уступают дорогу. Мы держим курс на «Сибирь», лавируя в узких разводьях, расталкиваем, раскалываем льды.

Совсем близко от судна на лыдине я увидел нерпу. Она не обращает на теплоход никакого внимания. Лежит у края лыдины, свесив к воде узкую, усатую морду: поджидает добычу. С палубы надстройки кто-то из матросов свистнул. Нерпа грациозно подняла голову и уставилась на теплоход удивленными, выпуклыми глазами, словно только что нас заметила. Однако мы на нее впечатления не произвели. Нерпа отвернулась и снова замерла в охотничьем долготерпении.

Ее подруга оказалась любознательней. Она пристроилась за другой лыдиной, придерживаясь ластами за кромку, и с живым интересом разглядывала нас, поводя головой из стороны в сторону.

Впереди сверкнула золотая полоска — пробилось солнце. Туман редет. Мы выходим на большое разводье. Скорость «Тоболлеса» нарастает. Но — ненадолго. Снова туман окутывает судно. С бака доносится сообщение:

— Лыдина слева!..

Мы разошлись с ледоколом, так и не увидев его.

По радио передали, что встречным курсом из Анадыря идет теплоход «Барнаул». Он уже заметен на экране локатора. И все же в этом непроглядном тумане нужно соблюдать особую осторожность.

С «Барнаулом» поддерживается связь по радиотелефону. Через каждые две минуты взрывает тифон.

Уж не из греческой ли мифологии пришло это название?

«...И тогда разгневанная Гея породила ужасное чудовище Тифона. Диким воем всколебал он воздух, рев разъяренного быка, рыканье льва слышалось в этом вое...»

Сквозь вату тумана глухо доносятся гудки.

— «Барнаул», — произносит капитан. — Расходимся...

Всю ночь простоял капитан на мостике, мастерски вел теплоход сквозь льды и туман, и спустился в каюту он только тогда, когда отдан был якорь на рейде Анадыря.

Помни приключение

Сижку в диспетчерской анадырского морского порта. Она размещена в небольшой, с трех сторон остекленной комнатке, на самом верху деревянной башни, напоминающей пожарную каланчу.

Любуюсь «Тоболлесом», черный, строгий силуэт которого виден вдалеке, у того берега. Там шахтерский поселок и единственный мор-

ской причал, а тут, где город, у стенки швартуются только буксирчики. Тут мелко. Говорят, что лет через пять и здесь будет хороший причал, а пока суда становятся или на рейде, как «Краскино», подошедшее после нас, или у короткой бетонной стенки на том берегу, где сейчас «Тоболлес». Его поставили туда, потому что часть грузов адресована шахтерскому поселку, а те грузы, которые предназначены городу, буксирные катера «Гром» и «Шторм» доставляют сюда на плашкоутах — больших и гулких металлических баржах.

Вообще, как я убедился, на погрузки и разгрузки теплоходов уходит зачастую больше времени, чем на рейс, даже дальний. А сутки простоя такого судна, как «Тоболлес», стоят тысячу рублей.

Много мелких грузов, много примитивного, «под дубинушку», труда грузчиков, бумажной волокиты. А рядом — отличное лебедочное хозяйство теплохода, портовая механизация, которыми под силу — будь грузы хотя бы в обычных контейнерах — набить или опорожнить трюмы за сутки, за двое суток. Контейнеры могут быть и больше — на всю железнодорожную платформу, — тогда и на погрузку уйдет времени меньше, да и в порту, где надо, как в Анадыре, разгружаться «перевалкой» — с теплохода на плашкоут, с плашкоута на берег — дело пошло бы быстрее. Опустит лебедка один-два контейнера на баржу — и, пожалуйста, — ее уже можно будет буксировать. И непогода тут не помешает. А я помню, как во Владивостоке пошел дождь и надолго прекратили погрузку муки.

Конечно, при новой организации труда побавится грузчиков. Но у нас так много рабочих вакансий, что этого опасаться не следует.

Между прочим, здесь, в Анадыре, я наблюдал за бригадой грузчиков — лихие, рослые парни, одеты прекрасно, совсем вроде бы неподходяще для такой работы. Один меня особенно поразил — с белоснежным воротником нейлоновой рубашки за отворотом меховой куртки, в лакированных полуботинках. Откуда они, эти ребята? Каким ветром занесло их на край света, на Чукотку?

Только что произошла любопытная сцена. С баржи на берег перегружали ящики с вином. На деревянную квадратную платформу грузчики устанавливали гору этих ящиков, подводили стропы, и кран переносил груз на берег, где его поджидали другие рабочие.

Один ящик упал прямо в воду. Упал — значит пропал. Убытки на эти случаи запланированы. Ящик сам себя списал.

Грузчики оживились. Сгрудились у края причала, заспорили — достать или не достать ящик? Глубина здесь метра три-четыре, течение сильное, вода ледяная, мутная. Смотрю, раздевается парень. До плавок. А ветер с моря — холодный, пронизывающий. Парень похлопал ладонями по лодыжкам, примерился и прыгнул с причала в мутные волны. Очень скоро он вынырнул с дико вытаращенными глазами, отфыркался и — снова под воду.

Достал-таки ящик. Весь причал взревел от удовольствия. Грузчики дружно подхватили и ящик и лихаха, уже посиневшего от холода.

— Помяни приключение — оно уже тут, — мрачно резюмировал плотный мужчина в кожане и с портфелем, отливающим ботиночным гляncем. Мужчина не разделял радости груз-

чиков. Видимо, имел какое-то отношение к ящику, и в сердцах перефразировал известную поговорку. Он, может, и черта помянул бы, и похлеще бы выразился, да постеснялся, что ли, — и обругал «приключение», вложив в это слово ему одному понятное презрение. А получилось, если убрать его интонацию, очень занятно. Мне, по крайней мере, понравилось. «Помяни приключение...» — повторил я про себя и невольно расмеялся.

Эх, Чукотка, Чукотка! Жаль, что скоро уезжать.

Совсем немного я пробыл на «Тоболлесе», а как-то привык к людям, к распорядку, к своей уютной каюте № 14. Койка с высокими бортами, чтобы не в меру расхолодившееся море не вышвырнуло тебя из теплой постели. Лампочка в изголовье. Диван, шкаф, умывальник, кондиционер. И стол, хороший, крепко привинченный стол, удобное кресло перед ним...

Я знаю, что как только уйду с судна, каюту займет помощник начальника рации — молодой парень Александр Пушкин. В отличие от своего тезки и однофамильца стихи и прозу он не сочинял, зато запоем читал фантастику...

Сижу в диспетчерской. Жду попутного буксира. По времени уже вечер, хотя и не темнеет. Где-то в полночь опустятся ненадолго легкие оранжевые сумерки, и снова из-за сопки засверкает солнце. Его лучи греют сквозь стекло, а выйдешь из помещения и сразу охватит холодом. Дыхнешь — и пар изо рта.

Никак не идет мой попутный буксир.

От нечего делать читаю приказы и наставления на стенах диспетчерской.

«...На акватории порта действуют приливно-отливные течения до 7,5 узлов и в навигационный период преобладают сильные юго-восточные ветры...»

«...При волнении свыше 2-х баллов буксирным катерам запрещается водить плашкоуты под бортом, в таких случаях буксировка разрешается только на буксире.

Капитан порта Ф. Сотников...»

Эти предостережения — не перестраховка. Хотя и недалеко противоположный берег, но при шторме тут, на границе моря и устья могучей реки Анадырь, все бурлит и кипит, как в котле.

Стивидор — работник порта, ведающий разгрузкой, насаждает по радиотелефону на диспетчера:

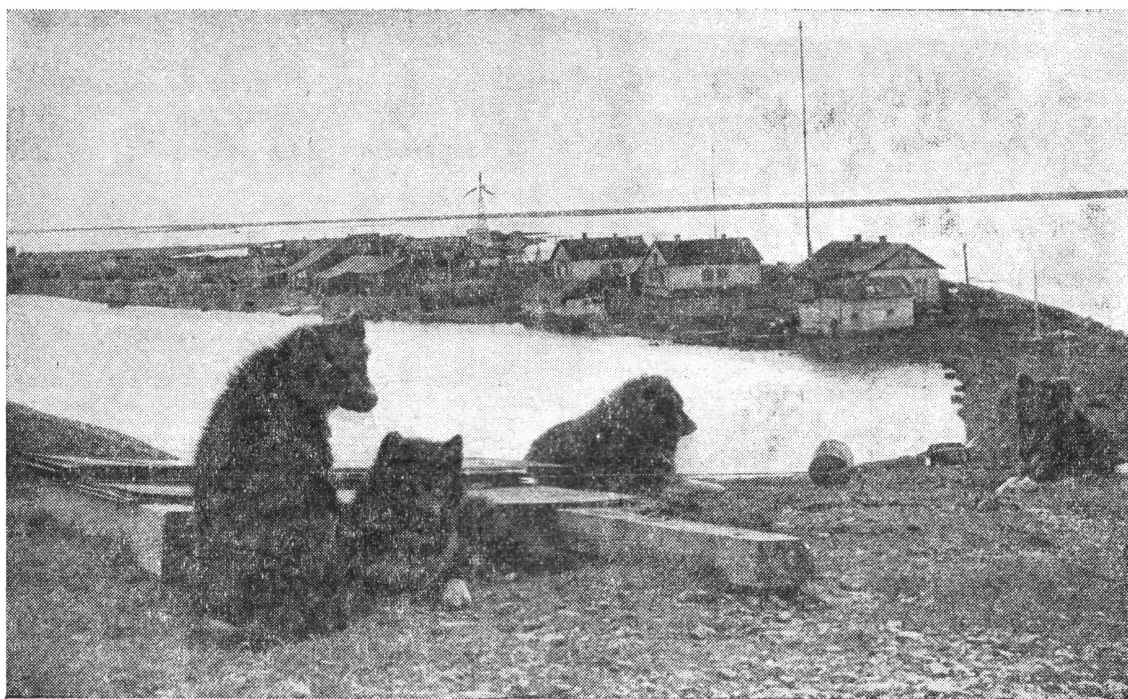
— Слышите меня? Я с «Тоболлеса». Гоните буксир с плашкоутами! Задерживаете разгрузку!

— Штормовое предупреждение! — кричит в микрофон диспетчер. — Понял?! Могу вообще не послать...

— При чем тут предупреждение! — не унижается стивидор. — График летит!..

Они стараются перекричать друг друга, а я думаю о теплоходе, полюбившихся людях. Вспоминаются детали рейса. Были и непроглядные туманы, и льды, и приличная качка. Но настоящего шторма, когда волны захлестывают капитанский мостик, — не было. Не испытал я настоящего шторма. И не знаю — радоваться мне от этого или печалиться.

— Ладно, ладно! — кричит в микрофон диспетчер. — Вон подошел катер. Посылаю. А в ось, проскочим... — И, обращая ко мне, говорит: — Спускайтесь на причал. «Гром» пойдет. Вон —

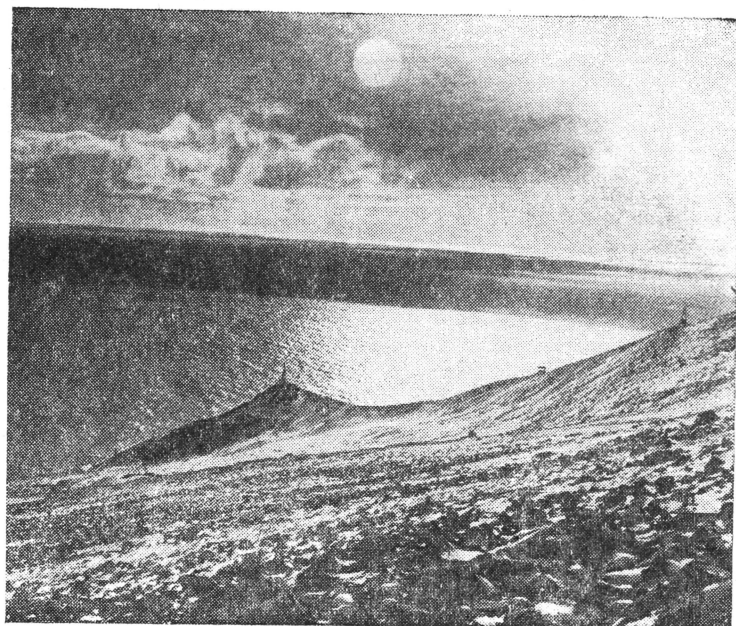
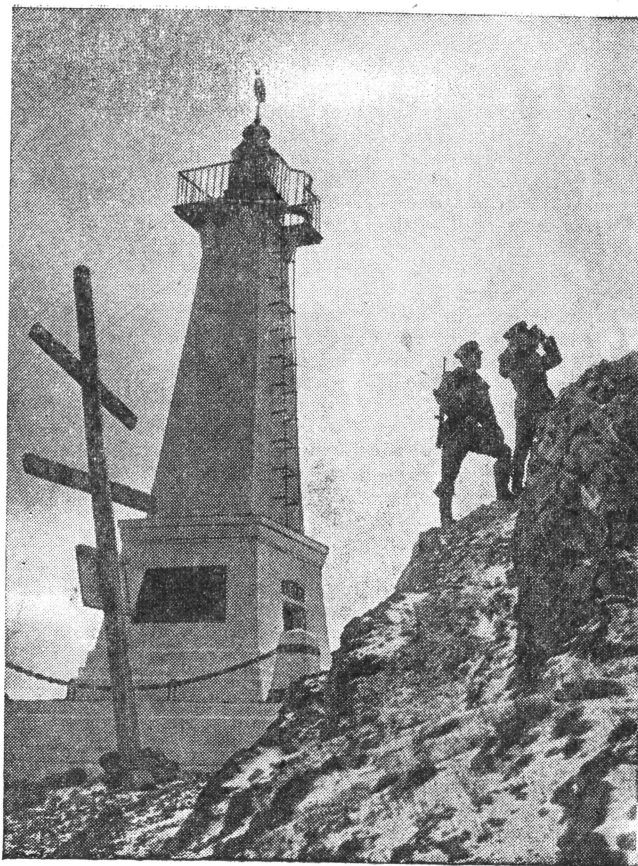

Обо всем, что творится в Беринговом проливе, Чукотском и Восточно-Сибирском морях — о туманах, льдах и штормах, — моряков заблаговременно предупреждают метеорологи, живущие на полярных станциях. Одна из таких станций расположена на острове Врангеля. Десять домиков, ветряк-электростанция, радиомачты, склад с топливом...

Но вот и Чукотка. Круглый год у ее берегов можно встретить льды. И если ветром сбиваются в большие плавучие поля, на выручку судам нередко приходится звать ледоколы.

Этот памятник стоит на самой крайней восточной точке Советского Союза. Памятник первопроходцу Семену Дежневу.

В сентябре 1648 года мореходы увидели большой «Каменный Нос», который стал называться мысом Дежнева. В 1910 году русские моряки военного транспорта «Шилка» установили на мысе Дежнева большой деревянный крест, на котором написано: «Памяти Дежнева. Мореплаватели приглашаются поддерживать этот памятник».

А новый памятник, рядом со старинным крестом, воздвигнут в 1956 году, вскоре после учреждения Советом Министров СССР премии имени Дежнева, присуждаемой ученым за лучшие труды и исследования северо-востока нашей страны. Венчает памятник ацетиленовый фонарь — маяк для судов, проходящих по Берингову проливу.

Там, за проливом —
Америка...

Фотоснимки
В. Коробейникова
и Э. Давыденко 31

Я сбегая на землю, выбивая дробь по ступенькам лестницы, сработанной на морской манер — с крутизной. Слева у причала в два ряда пришвартованы баржи, колышутся на волне, трутся шершавыми бортами. Перепрыгиваю с одной на другую, и вот уже на буксирном катере.

Старшина катера — его величают дядей Мишей — распекает молодого матроса:

— Заправь концы! Заправь концы, говорю! Та разве ж так?! — и призывает меня в свидетели, полагая, видно, что если я с «Тоболлеса», то, конечно, заправский моряк. — Ну, поглядите! Тычется, как слепой котенок, — концы заправить не может. И кого только посылают на флот!

Молодой матрос покраснел, отмалчивается, возится с неподатливым канатом.

Дядя Миша берет два плашкоута «на усы», то есть загоняет буксир между плашкоутами и крепит их канатами к своему суденышку. Посмотреть со стороны — буксира и не увидишь, разве только верхушку рубки, а так он весь почти скрыт за высокими бортами железных плашкоутов. И канаты тянутся от носа буксира к носам этих барж вперед и немного вверх, как усы у настоженного таракана.

Ветер крепчает, и волна становится круче.

Пока потихоньку отходим от Анадырского причала, дядя Миша успевает рассказать, что родом он с Украины, из-под Сум. На Чукотке давно, двадцать лет. Скоро на пенсию. И тогда вернется на родину, купит домик с вишневым садочком, поживет в свое удовольствие...

Лицо у дяди Миши загорелое, дубленное ветром и солью, резкие морщины у рта и еле заметные на лбу, голова совершенно лысая, а глаза полны синевы — их время не тронуло: зоркие, чистые. Плечи у дяди Миши как литые, с той спокойной округлостью, за которой угадывается молодецкая дюжесть.

Мы и половины пути не миновали, как налетел с моря свирепый ветер, вздыбил мутные волны, рванул с них пену и пошел чертомелить на просторе.

Моторист сразу же юркнул к машине и задрал за собой дверку. Молодой матрос сунул недомытую посуду в шкафчик и вопросительно посмотрел на дядю Мишу. Но тому было уже не до матроса. Ворочая штурвальное колесо, он старался направить буксирчик и связанные с ним плашкоуты наперерез волне.

Я ухватился одной рукой за штырь у потолка рубки, а ноги, ежесекундно теряя опору, выписывали вензеля. Меня гнуло, разворачивало, било боком о стену, и невозможно было предугадать — куда швырнет следующая волна.

Радиотелефон тревожно мигал огоньком вызова, но дядя Миша только зло косился на него.

Плашкоуты, как норовистые кони, рвали канаты, стремились разбежаться в стороны. Но канаты их не пускали, и тогда они наваливались на буксир, били его коваными бортами. Мне казалось — еще один такой натиск, и сплющат они наше суденышко, как консервную банку. Вот когда до меня дошел смысл инструкции, читанной в диспетчерской: «...При волнении свыше 2-х баллов запрещается водить плашкоуты под бортом...» «На усах», как здесь выражаются.

— Сколько сейчас? — прокричал я дяде Мише и кивнул на просвет между плашкоутами, где, стервенея, плясали волны.

— Пять, а то и больше! — прокричал он.

Мы стояли рядом, но вокруг был такой рев и грохот, что ответ дяди Миши я понял скорее по его губам.

Пять баллов, а то и больше... Дядя Миша говорил, разумеется, не о силе ветра, а о волнении. Значит, ветер — семь баллов, а то и больше...

Для буксирчика такая передрыга посерьезнее, чем лютый шторм для морского судна.

Очередная волна ударила в рубку, накрыла ее, и сквозь зеленоватую муть, стекающую по стеклам, некоторое время ничего нельзя было разобрать. Но вот появились размытые очертания берега и «Тоболлеса». Но тут же другая волна начисто смыла изображение.

А я полчаса назад грустил, что не пережил настоящего шторма! Прав тот хозяйственник, закованный в кожу, — помяни приключение, и оно, тут, как тут.

Дикий грохот раздался сзади. Даже дядя Миша оглянулся. Оказывается, лопнул канат и корма левого плашкоута, свободно гуляя из стороны в сторону, наотмашь ударила по буксиру. Как только он, бедный, не разошелся еще по швам.

Я по-прежнему вытанцовывал такие па, что и не снились любителям разных «шейков». Дядю Мишу мотало от штурвала и на штурвал. Теперь, когда левый плашкоут держался лишь на одном канате, на «усе», дяде Мише заботы прибавилось: надо было так подвернуть катер, чтобы легче стали удары гудящей, как гигантская бочка, баржи.

Страх давно прошел, и теперь я уже с любопытством смотрел на буйство воды и ветра. Рубка промокла насквозь, вода поблескивала под ногами и куда-то стекала быстрыми струйками. Медленно-медленно приближался берег. Катер захлебывался, стонал, внизу изнемогала от напряжения машина...

К борту теплохода дядя Миша свой караван не повел, пристал в небольшой заветренной бухточке. Вытер лоб рукавом, улыбнулся, махнул мне на прощание рукой.

Поднял и я руку, прощаясь с ним, с работягой «Громом», с вольными, грохочущими волнами. Завтра мне в путь — на Большую землю. И только отзвуки шторма будут чудиться мне по ночам.

«Прощай свободная стихия...» — лучше не скажешь, и пушкинские фразы, сами собой пришедшие на ум, зазвучали во мне на разные лады:

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красоты
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы...

На судне видели нашу бурную переправу. Начальник радиции Савченко поздравил меня «с крещением» и добавил, что шторм вполне подходящий — девять баллов.

С невыразимым блаженством опустился я на диван в своей каюте и вытянул ноги. Светило незакатное чукотское солнце. Свист ветра почти не проникал в каюту. Возле шкафа стоял чемодан, куда я сложил уже свои вещи.

Надо бы сказать перед уходом с теплохода радисту Александру Пушкину, который поселится после меня в каюте № 14, что его знаменитый тезка и однофамилец жил когда-то, обучаясь в лицее, в комнате под таким же номером:

Шторм в помощь

Передо мной лежат телеграммы и письма тоболлесовцев, их фотографии, статья капитана, опубликованная им в газете «Дальневосточный моряк», и я считаю — нужно рассказать об этом, иначе не будет более или менее полной картины — что же такое «полярка».

Из Анадыря «Тоболлес» пошел на Нешкан, Валькарнай, маяк Шелагский, Янранай, Биллингс. Доставил в эти пункты грузы и вернулся в чукотскую бухту Угольную, готовясь к рейсу на остров Врангеля. Но поступило распоряжение — идти на Айон.

Кое-кто из экипажа, в том числе и капитан, знали этот остров. Расположен он в восточной части Северного Ледовитого океана, в Чаунской губе. Живут на острове оленеводы и охотники, есть колхоз и поселок Энмигаино. И надо было доставить туда полторы тысячи тонн угля — запас тепла для людей на долгую полярную зиму.

Все бы ничего, да трудно подойти к Айону. Подступы к острову преграждают песчаные косы, слегка скрытые водой. Будто упал когда-то Айон в море, побежали от него песчаные волны да так и остались. Не только судно, самоходная баржа близко к берегу подойти не может. И разгрузка обычно идет тройной перевалкой: с теплохода на баржу, с баржи — на вездеход, с вездехода — на берег. Тратится уйма времени и сил.

В полярных снабженческих рейсах разгрузкой занимается сам экипаж. Поэтому, когда теплоходы идут в Арктику, им добавляют членов команды. Но пять ли человек будут вручную перелопачивать уголь, десять ли — разница не велика. Нельзя ли все-таки найти способ, чтобы избежать на Айоне изнурительной тройной перегрузки?

На переходе от Угольной до острова весь экипаж ломал над этим голову. Предлагали один проект за другим, один фантастичнее другого. «Мой помощник Александр Пушкин ночи недосыпал, придумывал разные варианты», — писал мне Владимир Иванович Савченко.

Часто после обеда или ужина в кают-компании стихийно возникало своеобразное «проектное бюро». Кто-нибудь начинал высказывать свои соображения по поводу предстоящей разгрузки, тут же рисуя мелом на доске свою схему организации работ. Вспыхивал спор. От оппонентов пощады не было. Соискатель, посопротивлявшись, уступал поле боя, и сразу же, пополнив армию критиков, принимался с энтузиазмом выискивать уязвимые стороны следующего проекта.

Даже в сумбурных проектах были частицы, заслуживающие внимания. А поскольку проектов было много, то постепенно, от спора к спору, и родился наиболее приемлемый вариант. Наверное, он окончательно созрел в тот час, когда «Тоболлес» в штиль подошел к Айону, спустил для пробы баржу-самоходку, но она не пробилась, утонула в косу метрах в ста от берега.

Было решено — ждать шторма! Ждать северного ветра, который по всем расчетам должен был нагнать воду.

А пока подняли баржу на борт и пошли разгружаться в близлежащие пункты — Амбарчик, Четырехстолбовый, Раучауа.

Шторм не заставил себя долго ждать, и «Тоболлес» снова пошел к Айону.

Самоходки плясали на волнах. От лебедчиков, которыми стали старший механик Александр Федорович Городин, боцман Виктор Иванович Сивов, электромеханик Эдвард Николаевич Давиденко, требовалось мастерство, чтобы не пронести мимо пляшущей баржи порцию угля. Зато, подгоняемая волнами, самоходка проскальзывала над предательскими косами и подходила к самому берегу. Старшины барж работали четко — твердо удерживали суденышки на волне, на том строгом курсе, который указала первая, удачно прошедшая к берегу самоходка.

А на берегу принимала баржи другая бригада моряков. Ее возглавлял замполит Кислухин и второй штурман Пискун.

Все это легко рассказывать, а представьте себе Ледовитый океан во время шторма, работу лебедчиков, пронизываемых холодным ветром, старшин барж, ведущих суденышки по вспененным бурунам, представьте береговую бригаду — им хватило забот хотя бы потому, что принять или столкнуть баржу нельзя было, не заходя в ледяные волны.

Такова «полярка». Не очень, прямо скажем, чтимый моряками рейс, но необходимый. И моряки это понимают.

«Порой диву даешься, — писал капитан, — откуда у людей столько выдержки, силы. Был у нас матрос Володя Мариков, почти мальчишка, только что закончил Находкинскую мореходную школу. Целую смену проработает на выгрузке, а возвращается на судно веселый, и тени усталости нет».

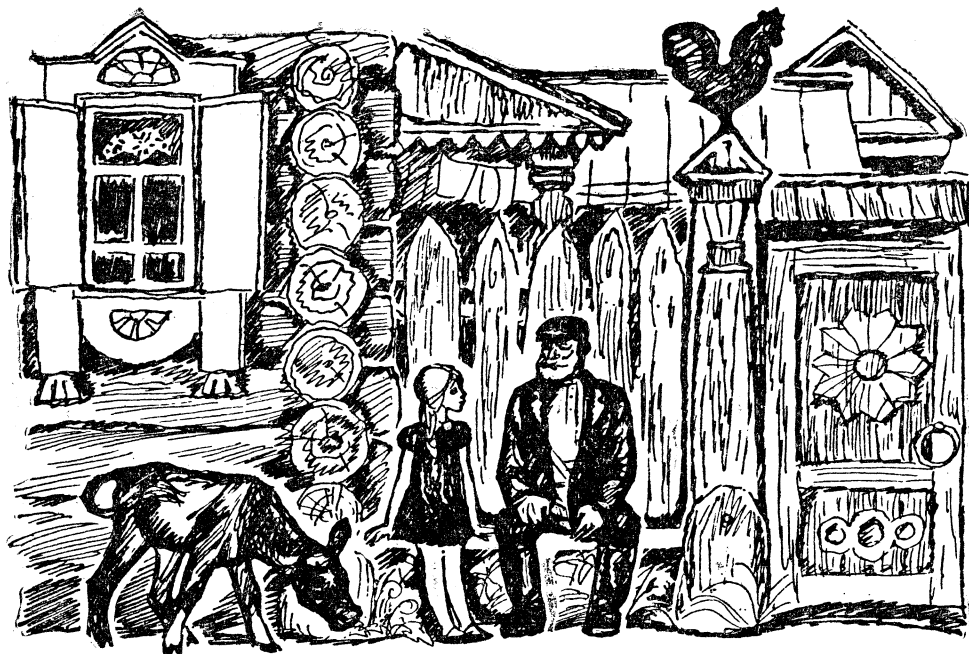
Не обошлось и без происшествия. Как-то местный тракторист, помогавший вытаскивать самоходки на берег, решил, что поработал достаточно, развернул свою машину и зашлепал гусеницами к поселку. Замполит Кислухин ожидал очередную баржу и уже зашел в воду, когда увидел улетающую от берега трактор. Крикнул трактористу, чтобы тот остановился. Но волны гремят, ветер свистит, трактор рокошет — ничего тракторист не услышал. Едет к поселку. Виктор Александрович бросился догонять непутевого помощника, побежал за ним, да сгоряча угодил в яму, выбитую волнами у самого берега. Ухнул по горло. Однако, ни раздумывать, ни расстраиваться по этому поводу было некогда. Выкарабкался на берег, и — не без пользы для себя и для дела — по-спринтерски припустил за трактором. Согрелся и тракториста усовестил...

Полторы тысячи тонн угля были перевезены на Айон за три дня. Ни одно судно не разгрузилось здесь за такой срок и старожилы не помнили, чтобы моряки так ловко заставили поработать гуляку-шторм.

* * *

Самые теплые воспоминания остались у меня об экипаже судна. Я увидел труд моряков, морскую дружбу. И я счастлив, когда время от времени приходят ко мне с «Тоболлеса» письма и телеграммы. Я тоже пишу своим новым друзьям.

А когда в Свердловске дуриет погода, шквальный ветер гуляет по городу, мне кажется, что и ТАМ этот ветер, а значит — и шторм. В Индийском ли океане, в Атлантике, в Японском или Охотском море — шторм есть шторм, нелегкое испытание. И я в который раз всем сердцем желаю удачи экипажу. Удачи, счастливого плаванья, счастливого возвращения к родным берегам.

ТЁПЛЫЙ ХЛЕБ

Татьяна КУРЕЛЛА

Рисунки Л. Полстоваловой

Дом стоит у самого обрыва, окнами на заповедную луговину. Скот здесь не пасут от века, и потому к середине июня травы вымахивают по плечо и цветы растут, каких в другом месте не сыщешь. К Петрову дню, когда выходят косцам, успевает луг отгореть семью огнями — от карминно-яростной полевой гвоздики до сине-лилового шафрана. И неспроста, давно примечено, радуга всегда с той стороны играет.

Там, дальше, чистый ивняк и за ним невидимый глазу окаянный ручей Истерьма, студёный даже в самое жаркое лето. Туда дед самолично ходит каждый день за водой для самовара, поскольку, считает он, нет на свете лучшей воды для чая. А еще дальше дремучий бор сосновый. Нет в бору ни волков, ни медведя, не тем он страшен. Заблудиться в нем легко. Истерьма такие петли по бору крутит, что кого хочешь с толку собьет. Зато грибов и ягод родится по окраин-

ным полянам да опушкам видимо-невидимо.

Пристрастилась Ольга летом гостить у деда и бабушки в деревне. И хоть сверстников здесь в эту пору почти никого не остается, все в пионерлагерь уезжают, никогда не скучает девчонка. День-деньской крутится среди взрослых и все слушает-прислушивается.

Дед ее — знаменитый на всю округу столяр, и в доме все сделано его не знающими устали руками. От легкого, выдолбленного из старой липы корытца, в котором бабушка раз в неделю месит тесто на хлеб, до лихого темно-красного петуха над тесовыми воротами.

Днем, когда дом пустеет, в корытце можно всласть покачаться. Корытце это не простое. Теперь, когда Ольга все о нем знает, ей и вовсе не хочется с ним расставаться. Такое корытце усмотрел дед на ярмарке у Пафнутьева монастыря еще до женитьбы. Покупать не стал,

только заметил, что сработано оно из старой, спиленной на исходе зимы липы.

Много лет спустя сыскал он подходящее, годное на сруб дерево. Росло оно на заброшенной барской усадьбе, и уж начинала сохнуть верхушка. Ни для чего другого это дерево все равно не годилось, а на корытце и плоски — в самый раз.

Бабушка Мария вспоминает эту историю, когда хочет урезонить деда.

— Эку махину приволок на двор, — при этом она непомерно широко разводит руками, как бы приглашая всех послушать, да не очень-то ей верить. — И свалил так.

Дед слушает, не перечит, только глаза его посмеиваются. И при первой возможности дед незаметно исчезает из дому. Бабушка все эти маневры, разумеется, замечает, но рассказа не прерывает. И, как кажется Ольге, даже радуется, что дед ушел.

— Месяц прошел, другой, все руки не дойдут корыто бабе сделать. А тут осерчал однажды на меня, уж и не помню за что, да как хлопыстнет дверью. С тех пор у нас стенки в подполе осыпаются, — смеется бабушка. — В окно-то мне видать. Гляжу, тащит инструмент — и за свою липу. Да со злостью, да со злостью. А я про себя радуюсь, не

было б той липы, дом бы разнес. Как есть разнес бы. Брат его так-от под горячую руку все в доме порушил, благо сами столяры, сами все и мастерят.

Ну, да злости его ненадолго хватило. Гляжу, поостыл мой ненаглядный. Испил кваску и спать завалился. С тех пор так уж и повелось, как осатанеет — во двор, к липе. Долго тот чурбак меня выручал. А уж какое корытце вышло! Ведь слаже хлеба ни у кого в деревне не получалось, хоть есть стряпухи почище нашего. Все уж давно магазинными буханками обходятся, а я вот сама пеку — избаловала всех в доме...

Бабушка Мария нравом крута, не скоро отойдет, коль рассердится. Да и добра бабушка, щедра. Кто бы чего ни попросил — последнее отдаст. Еще и радуется, что в трудную минуту всяк к ней стучится. После войны ее несколько раз в сельсовет выбирали, так она до сих пор себя депутатом чувствует. Хоть и маловато у нее образования, но как-то сумела она и законы нужные запомнить и ходы-выходы все изучить, пока по чужим делам хлопотала. Так и идут к ней люди за первым советом по самым разным делам. Чего сама не знает, так скажет, куда написать надо или съездить.

Все-то в руках у старой ладится. Да и как иначе, если все делает она с удоволь-

ствием. И прядет, и стряпает, и стирает, все с шутками, прибаутками. Сама с утра до ночи не присядет и никому вокруг спуску не дает. А попробуй кто в доме сердиться, тотчас на улицу выставит.

— Иди, иди, облом, проветришь, нечего тут...

И крепкое словечко добавит. Но так как-то к месту, с настроением скажет, что никто на нее не обижается, даже дед, от которого темного слова в жизни не слыживали.

Все-то бабушка делает лихо. А уж хлебы печет прямо колдует. Накануне тетка Настасья выгоняет всех из избы, долгов скребет огромным ножом полы и таскает ведро за ведром,— пока полколдца не выберет, не успокоится. А как полы просохнут, бабушка заносит со двора начисто выскобленное корытце и начинает месить тесто. К тому времени в квашне уже разыгралась и хорошо подошла поставленная с утра опара.

Руки у бабушки сильные, тесто у нее в руках так и ходит ходуном. И чего ни добавляет бабушка в него, все приговаривает — «для сусу».

— Вот маслица постного подольем, это — чтоб тесто рассыпчатое было да пышное...

— Травку медвяную добавим. Чтоб цвет был и дух живой...

— Посолим, посолим, а то есть будет невкусно, все равно, что нашу Настасью слушать, как она ахает-охает...

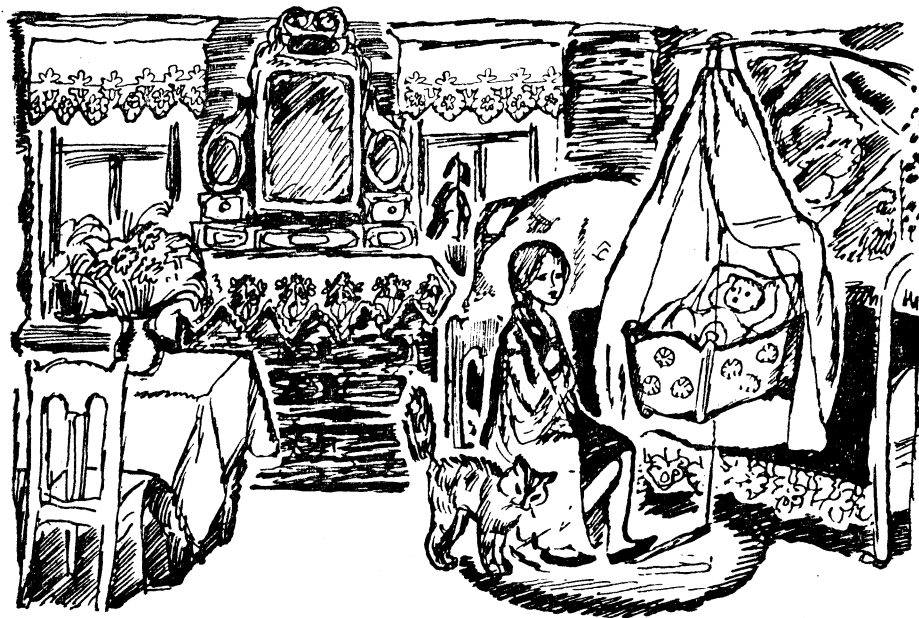
— А сахарку немножко, чтоб не перекисло и не солодило во рту...

Утром бабушка станет до света, растопит печь сухими березовыми дровами, заготовленными дедом с вечера, и начнет разделывать хлебы. Не дай бог подвернуться тут ей под руку.

Когда хлебы уже в печи, бабушка присаживается отдохнуть. Хоть и жарко, но ее познабливает. Это оттого, что она вспотела. Ольга тащит ей платок, укутывает ей больную поясницу, чтоб не простыла. Потом приносит ей веретено, и бабушка начинает сучить не очень-то послушливыми пальцами грубую козью шерсть. Сидит, слушает хлеб и отходит понемногу от спешки.

— Вот платок, так платок, золотой,— вздохнет бабушка и в который раз начнет рассказывать внучке, откуда он. У нее таких историй — не переслушаешь. Она уж и не помнит, что в самом деле было, а что к слову пришлось добавить. И не важно это. Слушать ее всегда хорошо, все слушала б Ольга да слушала.

Платок этот не бабушкин, а тетки Настасьи. Достался же он ей от ее бабушки, матери деда. А той был подарен женихом на свадьбу. Так что по самым

скромным подсчетам ему больше ста лет. Вязан он монашками и легко про-скальзывал, когда был новым, сквозь об-ручальное кольцо. Жених прабабушки, по семейному преданию, за этот платок целый год отработал у знаменитого мос-ковского каретника Фокина. И сейчас, если растянуть руками край платка и гля-нуть на свет, прорисовывается тонкий, чудной красоты морозный узор. Паутин-ная нить до сих пор крепка, упруга, и про-сто не верится, что прядена человечески-ми руками.

Но вот хлебы вынуты из печи. Самый пышный и румяный тут же раскромсан на огромные хрустящие ломти. Тетка Настасья приносит парного молока, и на-чинается пир горой.

Зимой Ольга часто будет вспоминать и этот хлеб, и это молоко. Она, конечно, ест мамины котлеты и пироги, любит яб-локи и печенье. Но всякий раз, когда про-голодается, ей больше всего хочется де-ревенского хлеба с молоком.

Тетка Настасья покормила сына и за-спешила в контору к своим счетам. Дед отправился на лесопилку. Бабушка за-вернула в полотенце каравай хлеба и, ух-дя к свaxe, наказала Ольге покачать мла-денца, пока не заснет.

Девчонка пригорюнилась немножко. Теперь вот укачивай братца да ищи соску, которая вечно куда-то завалится.

Накинула на плечи платок, и он укрыл ее всю, до самых тапочек, старый, ласко-вый. И неожиданно ввел в новую роль. Ольга примостилась возле люльки и за-тянула песенку, которую пела ей бабуш-ка, когда она была совсем маленькой.

Ту-ру, ту-ру, пастушок,
Калиновый батожок,
Куда стадо ты гонял?..

Она по-старушечьи жалостливо растя-гивает слова, смотрит в одну точку, чуть раскачивается в такт песне, и все плетет-заплетает тонкими городскими пальчика-ми русую косичку, переброшенную через плечо:

Сова моя те-о-ща,
Воробушек шу-у-рин
Глазки прищу-у-рил...

Песне этой нет конца. Она и про вол-ка, и про медведицу, и про Иванушку бедного, и про серого кота. А братик все не спит, агукает, пускает веселые пузы-ри. Нянька берет его на руки.

Братик сладко пахнет парным моло-ком, свежими обветренными пеленками. С истоиво материнской нежностью прист-раивает она его на коленях, и младенец сразу же стихает...

Тянет Ольгу в деревню. Ждет не дож-дется лета, чтобы снова поехать к деду и бабушке.

АМЕТИС- ТОВОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

К 300-летию открытия самоцветов на Урале

Когда смотришь на старую карту Урала с множеством разноцветных точек — условных обозначений — наглядно видишь драгоценное ожерелье самоцветных копей Каменного пояса. Среди них, пожалуй, наибольшую известность заслужили аметистовые.

Эта гирлянда когда-то разрабатывавшихся жил, множивших славу уральских самоцветов, давно забыта. Многие из них теперь даже трудно отыскать.

За три века на Среднем и Южном Урале открыто более сотни месторождений и проявлений красивого камня. Мы привыкли видеть их на картах в виде крохотных точек — бусинок. Только масштаб карт напоминал о том, что многие из «бусинок» представляют собой группы самостоятельных жил, имеющих площади в десяток и более квадратных километров.

Урал — родина настоящего ограночного аметиста. Ни одно месторождение мира (Бразилии, Уругвая, Цейлона, Саксонии и других) не может соперничать с кристаллами знаменитой Мурзинки.

У аметистов Урала большая и интересная история. Истоки ее восходят к

основанию села Мурзинки на реке Нейве, на урочище, называемом Мурзинской сланью. В 1639 году боярский сын Андрей Буженинов по поручению князя Пронского набрал из жителей по реке Нейве на оброк сорок человек пашенных крестьян и основал Мурзинскую слободу. Она была так названа по имени татарина Мурзы, жившего тут некогда. За набор поселенцев Буженинов по велению царя Алексея Михайловича был бит батогами, так как приказчикам разрешалось набирать во вновь строящиеся слободы только вольных людей, выходцев из России. Но наказание — наказанием, а слобода осталась. Ей суждено было завоевать всемирную славу.

Месторождения самоцветов на Урале стали известны с 1668 года, когда рудознатец Михайло Тумашев преподнес царю образцы медных руд и цветные камни, найденные в окрестностях Мурзинского острога, а его брат Дмитрий в том же году нашел аметисты, топазы и «малиновые шерлы». В последовавшей за этим в 1669 году царской грамоте на имя тобольского воеводы братьям Тумашевым разрешалось искать и добывать разные руды и самоцветы на Каменном поясе. Нынче можно отмечать трехсотлетний юбилей уральских самоцветов.

Но драгоценные камни в районе Мурзинки, по-видимому, добывались и в более давние времена. Известно, что в древности греки получали самоцветы через скифов с Рифейских гор (старое название Урала). Сведения о драгоценных камнях из Биармии (Пермской земли) имеются также в древних скандинавских сказаниях. Возможно, что эти камни добывались близ самоцветной Мурзинки, так как «трудно во всем мире назвать другой уголок земного шара, где было бы сосредоточено больше ценнейших драгоценных камней, чем в знаменитой Мурзинке», — писал Александр Евгеньевич Ферсман.

В середине XVIII века царский двор и высшие круги Петербурга стали проявлять повышенный интерес к самоцветам. Именно тогда по велению Екатери-

ны II в 1765 году на Урал была послана первая крупная экспедиция под началом Якова Данненберга. Она открыла в районе Мурзинской слободы ряд новых месторождений аметистов и других драгоценных камней. Их начали разрабатывать с 1768 года, когда по распоряжению директора горных предприятий Сибири, начальника Екатеринбургских заводов И. Ф. Германа, недалеко от слободы, по-видимому, в нынешней горе Тальян, была заложена первая казенная копь, вскрывшая большое количество друз аметистов с кварцем и дымчатым хрусталем.

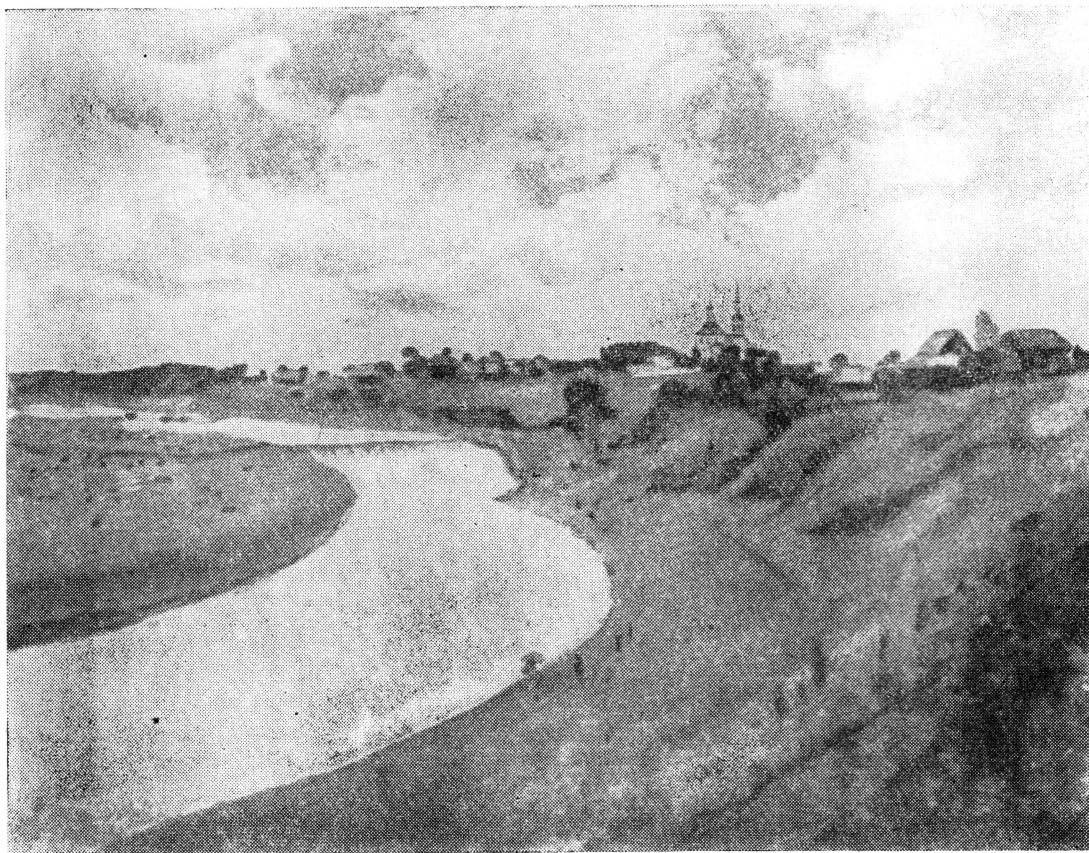
В 1777 году для розыска новых месторождений на Урал были приглашены иностранцы — итальянцы Жан и Валерий Тартори. Копались они опять-таки около Мурзинки и близ соседних с нею деревень — Южаковой и Алабашки. Отсюда, по-видимому, и пошли затвердившиеся в народной памяти термины: «Тальян» — имя копи по левую сторону реки Ней-

вы, у Мурзинки, и «тальяшки» — местное название горного хрусталя. Здесь из копей добывались кроваво-красные аметисты, славившиеся тем, что сохраняли свой цвет и при искусственном освещении.

В 1782 году были разрешены свободные поиски цветных камней. И вскоре крестьяне-рудознатцы нащупали новую площадь аметистовых жил близ деревни Сизиковой, по правому берегу реки Анбарки. На этой богатой земле было заложено свыше сотни небольших копей и ям. И вновь большие партии прекрасных красно-фиолетовых кристаллов пошли на гранильные фабрики «Кабинета его величества» — в Екатеринбург и Петергоф.

До сих пор живут интересные названия копей, хранящие память о прошлом.

Так, рудознавец деревни Сизиковой Иван Ватин увековечил своим именем всемирно известное месторождение «Ватиха».

Село Мурзинское

С картины художника А. К. Денисова-Уральского

Недалеко от «Ватихи», на склоне горы, где сейчас находится богатая копь, когда-то были коровьи пастбища. Однажды разъяренный бык, роя землю копытами, случайно вырыл прекрасную щетку аметистов. Копь получила название «Бык». Она, кстати, дала самую большую друзу, состоящую из множества кристаллов очень высокого качества, общим весом около восьми килограммов. Друза была куплена «по высочайшему повелению» у екатеринбургского купца Сапожникова за пять тысяч рублей и пожалована в музей кадетского корпуса (ныне Ленинградского горного института).

Копь «Стаканница» получила такое имя за то, что выдавала аметисты, достигавшие размеров чайного стакана.

Конная артель, работавшая вблизи «Ватихи» на одной из копей, дала ей название «Конское копыто» — также по размерам добытых там крупных кристаллов. «Копыто» дало около трех тонн ограночных аметистов. Впоследствии копь разрослась до размеров громадной щели, глубиной свыше семидесяти метров и получила название «Каменный ров».

Славились камни, добывавшиеся в большом количестве на другой крупной копи — «Светильной», названной так потому, что в глубокой узкой щели добыча велась в те времена с применением светильок. Превосходное качество кристаллов заставляло горщиков идти за ними на большую глубину.

«Сторублевка», «Тридцатирублевка» и «Семидесятница» — в этих именах — память о суммах, вырученных за богатую добычу.

Исключительной красоты камни добывались на месторождении «Ерылова гора». Стоимость аметистов, добытых здесь из одного занорыша, достигала такой величины, что местные старожилы уверяли, будто за них можно было купить всю деревню Сизикову с имеющимся в ней имуществом.

А вот еще копь — «Поцелуиха». Своим странным названием она обязана, по преданию, такому случаю.

Пришла к горе артель горщиков. Стали рыть яму. Видят: идет жила. Обрадовались, вошли в азарт. Копают день, два... неделю. Медленно подвигается дело. Но жила лежит путеводной нитью, ведет горщиков вглубь. А работать ста-

новится все трудней: порода чем глубже, тем крепче. И вот, наконец, появляются «щетки» горного хрусталя. Значит, сейчас дойдут до занорыша. А порода крепчает с каждым вершком. Только поставят клин, ударят по нему, а он сломится — не лезет в коренную породу. Занорыш с желанными кристаллами где-то буквально в одном аршине, и все же, сколько горщики ни мучились, так и не могли добраться до него. Вот уже подлинно: видит око, да зуб неймет. Увидели, поцеловали, да и ушли.

«Золотой погребок», «Херувимы», «Чугунное брюхо», «Штофница», «Дерниха», «Сарафанница», «Ганиха» — за каждым из этих названий стоит своя интересная история.

Еще в старину мурзинские добытчики обратили внимание на то, что аметисты, вынесенные из копей на воздух, бледнеют или совсем выцветают. Но горщики научились удерживать в кристаллах густоту цвета, сохраняя их в воде или заворачивая в сырой мох. При работах в шурфе зимой над выработками устраивались полки с насыпным слоем земли, чтобы сохранить в забоях постоянную температуру, опасаясь, как бы от резких ее колебаний камни не растрескались.

К началу XIX столетия копи были уже сильно истощены, а стоимость аметистов на мировом рынке между тем поднялась до баснословных цен. За средних размеров печатку платили до пяти сот рублей, а чистого тона камни стоили еще дороже. В Мурзинку устремились дельцы с разных стран света. Известно, например, что любекский купец Менге вывез в те годы много ограночных кристаллов.

Маленькая уральская деревня стала Меккой минералогов и любителей самоцветов. Здесь не раз побывали знаменитые ученые — Густав Розе, И. Герман, Н. И. Кокшаров, П. В. Еремеев и многие другие. Каждую девятую пятницу после пасхи в Мурзинке устраивались большие ярмарки, привлекавшие отовсюду любителей цветных камней и перекупщиков-спекулянтов. Горщики выставляли тогда для продажи свои самые лучшие камни.

Вновь спрос на аметисты вырос в начале нашего века. Возобновилась и массовая добыча их. В 1910—1913 годы стали усиленно разрабатываться копи у

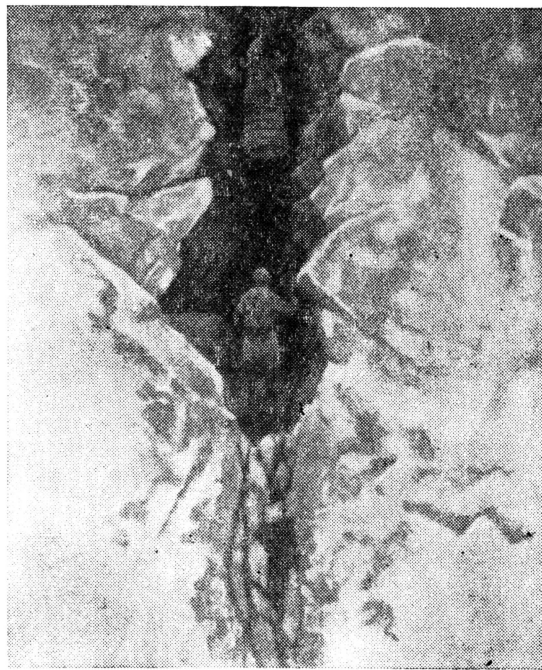
деревни Сизиковой и на Тальяне. Их тогда посетил известный знаток самоцветов — певец уральской природы, художник А. К. Денисов-Уральский. Кстати, помимо богатых коллекций самоцветов, он создал галерею портретов известных уральских горщиков и множество прекрасных этюдов уральской природы и быта горщиков. Особенно привлекают внимание портреты Василия и Сергея Южаковых, Данилы Зверева, виды на Мурзинку и Шайтанку. Выразительны воспроизведенные художником геологические разрезы через выработку «Каменный ров» и копь «Мокрушу».

Умельцы-ювелиры Екатеринбургской и Петергофской фабрик с давних времен широко использовали мурзинские аметисты на всякого рода изделия в виде брошей, колец, кулонов, ожерелий и мелких безделушек. Наилучшие из них становились достоянием «Кабинета его величества», а остальное расходилось по рукам тех, кто мог платить большие деньги. Аметисты были также излюбленным украшением в церковном обиходе (посохи, митры, панагии, кресты, иконы). Богатые коллекции изделий из мурзинских аметистов можно увидеть в Государственном Эрмитаже в Ленинграде и в Оружейной палате — в Москве.

Любил Мурзинку и обстоятельно изучил ее богатства (в 1912—1921 гг.) академик Александр Евгеньевич Ферсман. В своих статьях, очерках и монографиях он воспел историю, красоту, богатство самоцветов и декоративных камней Урала, труд горщиков.

Из поколения в поколение передавались мастерство и секреты искателей и добытчиков камня. По неуловимым приметам такие горщики, как Андрей Хрисанфович и Сергей Хрисанфович Южаковы, Данила Кондратьевич Зверев, умели отыскать богатейшие занорыши.

Особенно крупной и самобытной фигурой был Андрей Южаков, настоящий энтузиаст-горщик, большой знаток аметистов. Многие годы подбирал он колье из 37 камней — «не тех дешевых, светлых, почти стеклянных, которые мы обычно знаем под названием аметистов, а тех темных, фиолетово-черных густых камней, которые вечером, при свете свечи или лампы, загораются красным огнем каких-то страшных пожаров. Камни для этого колье он всегда возил с собой в тряпочке, любил раскладывать их на

А. К. Денисов-Уральский. Каменный ров.

столе и показывать — чего ему еще не достает» (Ферсман).

В 1923 году все работы по добыче самоцветов были переданы в ведение вновь организованного треста «Русские самоцветы». Он вел тогда разработки аметистов на «Тальяне», «Ватихе», «Каменном рву» и «Дернихе». Но потом снова наступил спад... Да и спрос на драгоценные камни упал.

Зато в послевоенные годы Уральское геологическое управление стало вести большие геолого-поисковые и разведочные работы. Наиболее крупные из них относятся к 1954—1958 годам, когда под руководством геологов А. В. Глазкова и В. В. Белова было исследовано крупное месторождение, объединяющее богатые жилы: «Ватиху», «Раздериху», «Тихони-ху», «Косую», «Спирину», «Логауху», «Мокрушу», «Логоушку», «Шаваренки» и «Зимняк».

Лет десять назад на этих жилах трест «Уральские самоцветы» начал большие добычные работы марочных аметистов. Их вел геолог Ю. В. Иваницких, внук старого потомственного горщика. Было прорыто под землей около 5000 метров горных выработок до горизонта 60 метров. Уже на глубине до 30 метров встре-

Добытчики аметистов: В. М. Южаков (вверху) и С. Х. Южаков. Худ. А. К. Денисов-Уральский.

тилось много ценных аметистов. Только крупные занорыши «Золотой погребок» и «Херувимы», представлявшие собой промышленные аметистоносные «столбы», дали более двух тонн ограночного сырья.

Но в 1961 году из-за технической неоснащенности это богатое месторождение было законсервировано, хотя запасы

марочных камней ниже горизонта 30 метров остались в большей части жил не взятыми.

В последние годы Аятская партия Уралгеологуправления продолжила изыскания на кварцево-аметистовых месторождениях «Ганиха», «Мягкая», «Октябрьском», «Островном» и «Пакулихе». И снова благодатная мурзинская земля щедро выдала свои клады.

На Южном Урале аметисты давно известны на обширной площади золотоносных песков Кочкарской системы. Занорыши с кристаллами вскрыты в золотоносных кварцевых жилах северовосточнее Кочкаря. Причем здесь встречались редчайшие образцы кристаллов с «прослоями» самородного золота.

Интересные результаты получили геологи Боярской партии, разведавшие близ Кочкаря Чуксинское месторождение. Канавами и траншеями здесь было вскрыто семь жил с занорышами, заполненными кристаллами аметистов, дымчатого хрусталя и мориона. Аметисты здесь прозрачны и густо окрашены, имеют красивый кроваво-красный или чайный оттенок. Встречены были и «волосатики» — кристаллы дымчатого кварца, проросшие тонкими нитями золотистого рутила. Свердловская ювелирно-гранильная фабрика дала высокую оценку ограночному сырью.

В планах геологов — новые открытия и разведки месторождений сияющего лилового самоцвета. По-новому засверкает аметистовое ожерелье Урала.

Ю. С. СОЛОВЬЕВ, старший геолог Уральского территориального геологического управления

ГДЕ ВЫ, ДРУЗЬЯ-КРЕМЛЕВЦЫ?

Время, когда я был курсантом Первых московских пулеметных курсов (переформированных в феврале 1921 года в 1-ю Советскую объединенную военную школу имени ВЦИК), — самое яркое и незабываемое в моей жизни. Ведь мы не только учились, чтобы стать красными командирами, но одновременно выполняли важную государственную обязанность — охраняли Кремль.

Каждая встреча с Ильичем, каждое его выступление перед нами, каждый час на посту у квартиры Ленина были для меня большим праздником.

Осталась у меня фотография нашего взвода, моих товарищей-курсантов и командиров. Снимок сделан в фотомастерской Ф. Оцупа, находившейся в здании, где сейчас ГУМ.

Память — ненадежная штука, фамилии и имена многих на снимке я уже не могу вспомнить.

Курсант, сидящий вторым справа в первом ряду, — это мой большой друг Иван Бавин, украинец. Он создал при кремлевском клубе украинский драматический театр, был его режиссером и талантливым актером. Во втором ряду снизу, четвертый справа — помощник командира роты Копань. Я встречался с ним лет десять назад в Москве. Сейчас его нет в живых. А остальные?

На груди у меня и некоторых курсантов красные звездочки в обрамлении венка. А под звездочками — едва заметные пулеметки. Мы все были пулеметчиками и счесть этим гордились. Когда отправлялись добровольно на фронт (я участвовал в боях с врангелевцами и махновцами в составе Сводной курсантской дивизии), то входили неизменно в пулеметные команды, которые так и назывались кремлевскими пулеметными командами.

В Кремле стоит мраморный обелиск — памятник курсантам, погибшим в боях с врангелевцами. Этот памятник, правда в деревянном варианте, поставили еще при жизни Ленина, в 1921 году.

Интересно и важно узнать, как сложилась жизнь кремлевцев, снятых на этой фотографии. Откликнитесь, друзья! Может быть, и следопыты внесут свою лепту в это благородное дело?

И. ГЕЛЛЕР

На снимке: автор стоит в третьем ряду, четвертый справа.

День пятый и решающий

День начался обычно. Ромейко пришел, сидел полчаса за столом и умчался в порт. «Лично буду охранять, раз вы отказываетесь!» — сказал он сердито.

Позвонил следователь: повторные допросы ничего не дают, упорствует Спиридонов.

Говоров сообщил, что Эдуардас Вальдис пришел на стройку со спортивным чемоданчиком, с каким ходят многие рабочие.

— Между прочим, нога у этого стервеца, точно, маленькая: рост примерно сто девяносто, а ботинок — от силы сорок первый!

— Так и должно было быть, — сказал Денисов.

Не в его привычке было бурно выражать свою радость, но сейчас он возбужденно прошелся по кабинету. Предположения верны, и ничто не свернет его теперь с этого следа!

А затем потянулись мучительные часы пустых ожиданий. За окном просветился мутный день, просветился — и начал постепенно угасать. Денисов пообедал, раз десять перечел записи в блокноте, сделал новые. Время словно остановилось...

Но вот позвонил Говоров и сказал, что есть новости, надо бы повидаться.

— Иду! — ответил Денисов и чуть ли не бегом пустился из кабинета.

Говоров ждал его на улице около управления.

— Дело серьезное, — сказал он, садясь в «газик» к Денисову. — Вальдис что-то принес на стройку и, уходя, оставил там.

— Как узнали?

— Один из наших офицеров сумел узнать, но так, что Вальдис даже внимания не обратил. Чемоданчик был тяжел — килограммов семь-восемь.

— Если он нес там завтрак, то скажу одно — плотно завтракает Эдуардас Вальдис!

— Слишком плотно... После смены на вахте проверяли все авоськи и пакеты. У Вальдиса чемоданчик уже был пуст и весил от силы полкило.

— Ясно. Где он оставил свой груз?

— Всю смену провел на рабочем месте. Где-то там, значит.

— Туда нельзя никого подпускать! Надо с ближайшего телефона позвонить на стройку, Аркадий Степанович...

— Недооцениваешь милицию, доложу тебе! Вальдису отвели индивидуальный участок. И сейчас бригадир каменщиков ждет нас для совместного осмотра.

— А Вальдис не удерет? — спросил Денисов, успокаиваясь.

— Могу хоть сейчас арестовать его. Передам по радию.

— Пока не надо. Важнее знать, с кем он сегодня встретится. У меня кое-какие подозрения, хочу проверить... И потом — он завтра опять появится на стройке. Внезапное исчезновение покажется подозрительным, он должен это учитывать.

Бригадир повел приехавших на участок, где работал Вальдис. На бетонном фундаменте возводился кирпичный цокольный этаж.

— Здесь будет машинное отделение, — сказал бригадир. — Новый рабочий попросился сюда, и я отвел ему западный угол. Работал он здесь один, работал хорошо, придирается не могу.

Денисов и Говоров молча переглянулись. Машинное отделение станет важнейшим цехом на будущем заводе...

— Много он наработал? — спросил Денисов.

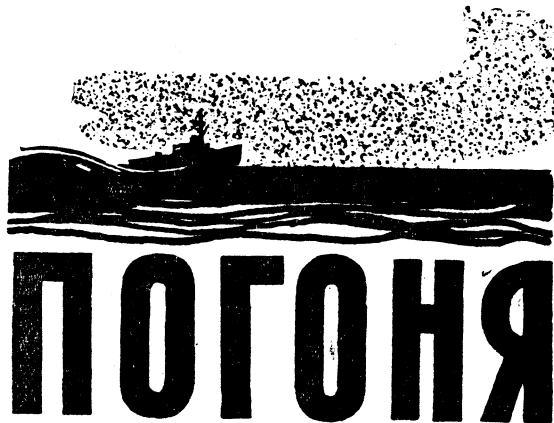
— Пять кирпичных рядов. Вот эти.

Кирпичи в западном углу стены были сложены и вправду аккуратно: где надо — в тычок, где надо — в ложок, плотно пригнаны друг к другу.

— Сможете быстро разобрать, что он наработал?

У бригадира удивленно поднялись брови.

**С. СНЕГОВ,
В. ЧЕРНОСВИТОВ**

Приключенческая повесть

— Можно-то можно, раствор еще не затвердел. Но чтоб быстро — вряд ли. Придется позвать рабочих.

— Зовите поскорее!

Бригадир ушел за рабочими. Говоров с сомнением сказал:

— Рискую, Михаил. Не вызвать ли специалистов?

— Пока будем вызывать, раствор окончательно схватится. И тогда стену не разбирать, а ломать — риску куда больше... Не забывая, что я в свое время кончал минную школу.

— По-твоему, все-таки мина?

— А что еще? Мина с замедлением в год, не меньше. Только заработает завод — сердце его, машинное отделение с редчайшими механизмами, взлетит на воздух! Не сомневаюсь, что план был таков.

Бригадир привел пять человек. Рабочие стали осторожно разбирать готовую стену. Денисов наблюдал, чтоб никто не торопился.

В третьем ряду, резко выделяясь среди темно-красных строительных кирпичей, лежал чужеродный кирпич — покрупнее, солнечно-желтый. Денисов сам принялся извлекать его.

Кирпич был тяжелее обычного. Денисов озадаченно его осмотрел. Говоров тоже подержал кирпич, покрутил, даже понюхал и так же молча вернул Денисову.

— Шамотный, — уверенно сказал бригадир. — Я когда-то на медеплавильном заводе в Пышме помогал обжиговые печи футеровать, такую же шамотную кирпичину клали...

— Возьмем с собой, — решил Денисов. — Анализ покажет, что за штука.

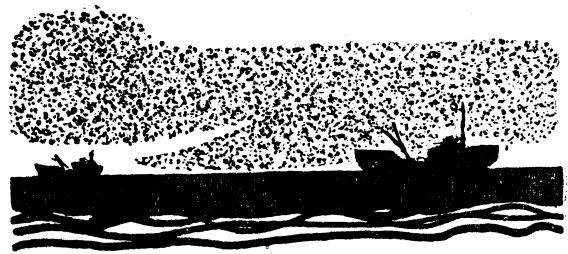
— Больше не разбирать? — спросил бригадир.

— Не надо, — ответил Денисов, — и восстановите, пожалуйста, кладку. Точно, как была...

В машине Говоров заговорил о своих опасениях:

— А вдруг и вправду кирпич, не более, чем шамотный? Опять ложный след?

Рисунки Ю. Ефимова

В ТУМАНЕ

— Нет! — резко сказал Денисов. — Что это след ложный, не верю! Даже если кирпич настоящий, что-то важное скрывается в самом факте, в закладке кирпича...

В кабинете Говорова их ждали фотографии, на которых были запечатлены Эдуардс Вальдис и те, с кем он сталкивался на улице, в трамвае, в кафе.

Денисов долго всматривался в фотографию Вальдиса. Юнец, симпатичный юнец. Он похож на скромного студента, на поэта, который на улице сочиняет стихи. Неведомые хозяева, похвалившие его с опасным заданием, умело подбিরали кадры, это надо было признать.

На остальных снимках были случайные люди — прохожие, кондукторы трамваев и автобусов, официантки, соседи по столику в кафе.

Над одной фотографией Денисов опять задумался.

Говоров отправил кирпич на экспертизу, предупредив, что начинка у него, возможно, поопасней шамота, и обернулся к Денисову. Тот размышлял о чем-то.

— Через часок получим точные данные. Но я почему-то убежден, что кирпич настоящий.

— И по-моему, настоящий, — медленно сказал Денисов.

— В чем же тогда суть?

— Я вот над чем думаю, Аркадий Степанович. Нарушителей не три, а четыре. Двое отвлекают нас — Спиридонов и радист. Вальдис выполняет диверсионное задание. А четвертый — в тени. И он — руководитель группы!

— У тебя есть доказательства?

— Никаких, если иметь в виду твердые факты. Логика подсказывает мне этот вывод.

— Ты кого-нибудь подозреваешь?

— Да.

Денисов положил перед Говоровым снимок, который держал в руках. У Говорова глаза полезли на лоб от удивления, потом он рассмеялся.

— Ты с ума сошел, Михаил!

— Полностью в здравом уме.

— Тогда заболел неумеренной подозрительностью...

— А вот это и надо проверить.

— Какой помощи конкретно хочешь?

— Мы установили, что Спиридонов не мог приехать в Калининград на поезде. Надо взять фотографию Вальдиса и вот эту... и допытаться, могли ли изображенные тут люди прибыть сюда законным путем — на самолете, в поезде, в в рейсовых автобусах.

— Ладно, — сказал Говоров. — Чем еще могу помочь?

— Больше пока ничем. — Денисов встал, прошелся по кабинету.

Говоров впервые видел друга таким взволнованным.

— Решающий день! — воскликнул тот. — Понимаешь ли, Аркадий Степанович: решающий!

— И он тоже идет к концу, — заметил Говоров, поглядев в окно.

Зазвонил телефон. Говоров снял трубку.

— Тебя. — Он протянул трубку Денисову.

Помощник сообщил подполковнику, что «солист» опять заработал, передачу ведет из района разрушенного пивного завода.

Операция на трубе

В середине этого же, пятого дня на автобусной стоянке перед Южным вокзалом появился Слесаренко — изрядно навеселе. День был хмурый, туманный: то моросило, то дул сырой ветер с моря. Прохожие поднимали воротники, кутались в платки и кашне. А в душе у заведующего турбазой цвела весна.

Дело было в том, что Слесаренко, завершая летне-осенний туристский сезон, оформил сдачу в утиль девятнадцати пришедших в негодность матрацев. Их списали без нареканий. И даже пожюрили: давным-давно, дескать, надо было списать подобное барахло. Слесаренко ликовал: из девятнадцати негодных матрацев одиннадцать принадлежали его семье и родственникам.

Удачную операцию Слесаренко отметил парой кружек у пивного киоска, сообразил «на троих» в забегаловке на Почтовой улице и уже собирался сесть в автобус, уходивший в Зеленоградск, когда в толпе, ожидавшей другой пригородный автобус, увидел Мартынова. Одно-го из тех двоих, с которыми выпивал ночью на турбазе.

Не раздумывая, Слесаренко кинулся к автобусу. Тот уже отходил, но заведующий успел схватиться за поручни. В переполненной машине ворчали женщины. Слесаренко нажал, чтобы влезть в автобус. На него тут же накинлись: здоровенный мужчина, мог бы и на подножке повисеть. Слесаренко притих, но ненадолго — на ходу руки стыли, легко было и на мостовой очутиться. После третьего мощного рывка толпа спрессовалась, в автобусе нашлось местечко и для Слесаренко. Дверка захлопнулась.

Слесаренко радостно вздохнул и осмотрелся: тут ли Мартынов?

Мартынов стоял спиной к Слесаренко у передней двери. «Чтобы в случае чего сразу выскочить!» — сообразил заведующий. В руках у Мартынова висела авоська с хлебом, консервами и разными пакетиками.

Лучше всего было бы теперь закричать, что в автобус забрался враг, навалиться на Мартынова всей оравой, связать, отвезти в милицию...

Слесаренко с сожалением отверг этот план. В автобусе было мало мужчин, а на женщин он не рассчитывал. Женщины могли и не поверить, что молодой, приятный на вид, хорошо одетый парень — враг. Скорее самого Слесаренко, небритого, в одежде далеко не праздничной, к тому же выпившего, сочтут за врага. Женщины Слесаренко не понимали. Он привык учитывать этот горестный факт.

Заведующий не отходил от задней двери. Он решил действовать так: Мартынов наружу, он за Мартыновым. А на станциях народу хватает, милиционеры тоже найдутся. Позвать на подмогу, и точка!

Но и этот план срывался. Мартынов пропустил три окраинные станции — на них как раз всегда было много людей — и сошел на загородной. У Слесаренко упало сердце, когда он выскочил следом: у шоссе на дороге стоял станционный навес, под навесом не было ни души, а с автобуса сошли лишь они двое.

Рослые деревья толпились кругом да неширокая — двум телегам не разминуться — булыжная мостовая уводила куда-то вправо. Там, вероятно, был поселок. Но Мартынов пошел не по дороге в поселок, а влево, к реке. «Уйдет!» — мелькнула в мозгу Слесаренко смятенная мысль.

— Стой! — закричал заведующий. — Стой, говорю по-хорошему!

Мартынов остановился.

— Ну? — сказал он, когда Слесаренко приблизился. — Допустим, стою. А дальше что?

— Да вот видишь... — Слесаренко вдруг растерялся. Заготовленное «руки вверх!» показалось ему не вполне уместным в этой несуразной обстановке.

— А, боевой завтурбазой? — узнал Мартынов и рассмеялся. — Обогаитель калининградской сардины!.. А здесь что делаешь?

Слесаренко почувствовал, как бурной волной прибывает храбрость.

— Пойдем! — Он потянул Мартынова за руку.

— Совсем с точки съехал?

— Пойдем, — твердил заведующий. — В милицию тебя... Потому что... Короче, понял?..

Рядом мирно плескалась Преголя. Мартынов рванулся и толкнул заведующего в плечо. Слесаренко не удержался на мокрой траве высокого берега и рухнул в воду.

От ужаса он даже не крикнул, падая. Преголя в этом месте глубока, и Слесаренко не сразу достал до дна. Отчаянно оттолкнувшись, он выплыл и тогда закричал:

— Тону! Помогите!

С обрыва на него глядел обозленный Мартынов.

— Холодная ванна тебе на пользу. Гребни на берег!

Слесаренко закричал еще отчаянней:

— Я неплавающий! Помогите!

Мартынов прислушался, не отозвался ли кто на крик, потом отбежал в сторону и возвратился с обрывком полусгнившего фала — рыбацкой веревки со стальными жилами внутри.

— Я тебе покажу тонуть... Лови!

Он три раза бросал веревку, прежде чем Слесаренко, выбивавшийся из последних сил, ухватил ее. Мартынов проверно закрепил второй конец фала за ствол стоявшего неподалеку каштана и крикнул:

— Выбирайся сам! А еще встретишься, на три метра в землю вгоню. Я беспощадный, помни!

Слесаренко еле выкарабкался на сушу и, упав на песок, заплакал от бессилия и ярости. Но лежать в насквозь мокрой одежде было слишком холодно. Заведующий вскочил и побежал по тропинке.

— Врешь! — ожесточенно бормотал Слесаренко, прибавляя ходу. — Врешь, понял?!

Он выбежал на открытый участок, заставленный полуразрушенными производственными зданиями, и узнал, наконец, куда попал. Это был так и не восстановленный после войны пивной завод. Единственным целым сооружением была здесь кирпичная труба, метров на семьдесят возвышавшаяся над местностью. И к этой трубе пробирался среди руин Мартынов.

На этот раз Слесаренко побежал без крика, чтоб не спугнуть беглеца. Мартынов юркнул в трубу, и когда Слесаренко проник за ним в узкий вход, он увидел в стволе темную фигуру, карабкающуюся вверх по стальным скобам.

— Все теперь! — радостно закричал Слесаренко. — Не уйдешь!

Сверху брызнул сноп света электрического фонарика, послышался удивленный возглас Мартынова:

— Догнал! Вот же настырный.

— Все! — ликовав Слесаренко. — Теперь по-пался!

С высоты донесся презрительный ответ:

— Я еще не попался.

Заведующий глядел, как все уменьшается темная фигурка. Мартынов достиг вершины трубы и пропал. Заведующего охватил страх, что беглец по какой-нибудь веревке спустится вниз с наружной стороны. Он уже повернулся, чтобы выскочить из трубы, когда сверху донесся язвительный голос:

— Зав! Живой?

— Живой, — нехотя отозвался Слесаренко. Надо было поддерживать разговор с Мартыновым, чтобы хоть слышать беглеца.

— Не простудишься? Ты же мокрый! Уходи, пока не заоченел.

— О себе заботься.

— О себе я позаботился. У меня тепло, светло, мухи не кусают... Убирался бы все-таки, ведь захвораешь!

— Слушай, Мартынов. Ты бы по-хорошему...

— Пошел с тобой в милицию?
— Людей позову!
— Людей здесь не бывает. Кричи, бейся головой о кирпич, заложи и взорви мину — никто не отзовется. А пойдешь искать людей — и я уйду. Но не раньше.

— Сойдешь — жрать захочешь!
— У меня запасов на неделю. Сейчас вот поужинаю, что-то проголодался. А ты как? Выдержишь неделю без еды?

— Выдержу. Ты меня не знаешь. Я железный. Не отступлюсь.

— Похвально. А теперь помолчим, чтоб не портить аппетита.

В стволе трубы сгушалось молчание. Белесое пятнышко неба, вначале еще видневшееся вверху, все больше тускнело. Слесаренко от холода весь трясся. Он снял пальто, кое-как выжал заочневшими руками, снова надел. Теплее не стало. Но полностью раздеться и отжать белье у Слесаренко не хватило духа. Мартынов мог в любую минуту спуститься, голым за ним не побежишь.

— Зав, ты здесь? — послышался снова голос.

— Здесь, — еле откликнулся негнуцимися губами Слесаренко.

— Ты, помнится, в сардины влюблен? Держи, я тебе бутербродик сработал.

Наземь шлепнулся бумажный пакет. Он лежал метрах в двух, смутно белея в темноте. Слесаренко с минуту глядел на пакет, потом осторожно раскрыл его. Между двумя ломтями хлеба было зажато три сардины. Слесаренко съел подарок, теплее не стало, но бодрости прибавилось.

— Зав, как чувствуешь себя? — допрашивал неугомонный Мартынов.

— Подходяще, — ответил Слесаренко и хмуро добавил: — Подкупал меня если, так не надейся. Не на того напал, понял?

— Простое человеколюбие. Привык побратски заботиться о сторожах. Теперь, зав, ты меня не отвлекай. Приступаю к работе.

— Какая работа на трубе?

— Нормальная. Буду передавать шифрованное донесение. Так и озаглавлю: «Операция на трубе».

— Труба твоим операциям, вот что!

— Не сразу, директор, не сразу. Три, четыре важных донесения еще отстукаю. Тут у меня милая книжечка, все самое важное в ней записано — сейчас выберу нужный текст.

— Сам признаешься — шпионская книжка...

— А чего перед тобой заператься? Ты не опасный... Так, так. Отличный кусочек. Эй, зав, вспоминаю, как жену твою зовут, Ниной?

— Нина Трофимовна. — Слесаренко покорило столь непочтительное отношение к его супруге.

— Трофимовна — длинно передавать. А вот Нина — это можно!

И опять в трубе повисло молчание. Темнота стала такой густой, что казалась плотней воды. Холод усилился, стало совсем невтерпеж. Побегать бы, подумал Слесаренко и стал выбирать наружу.

На воздухе было еще холоднее, чем в трубе. Ветерок, хоть и маленький, жег сквозь мокрую одежду. Слесаренко сделал шаг, другой.

Неподалеку послышалось стрекотание мотоцикла, блеснули фары. Заведующий, пошатаваясь, двинулся к мотоциклу и завопил:

— Сюда! Сюда! Я тут...

Споткнувшись, он упал и не сумел сам подняться. Милицейский мотоцикл с коляской остановился рядом. Молодой милиционер помог Слесаренко стать на ноги.

— Мокрый вдрызг, — констатировал милиционер деловито. — Где так угораздило?

— Миленький, в самый раз ты! — бессвязно бормотал Слесаренко. — Такое дело, понял? В Преголю швырнули! И кто, представляешь? Шпион! Непредставимо же!

— Шпион?

— Шпион! Диверсант. Сперва топил, потом спас. Молодой, черноволосый, пальто тоже черное. И теперь забрался на трубу. Донесение передает по радио. Все важные секреты!

— Важные секреты, говорите? А о чем, не знаете, гражданин?

— О моей жене, Нине Трофимовне, по радио шифровкой... Это одно знаю.

— Ясно, — сказал милиционер. — Если о Нине Трофимовне, так только — шифровкой... Дохните-ка на меня, гражданин.

— Да нет, ты послушай!

— Уже слышал. Одни пьют до белых слов, другие — до зеленых чертей, а чтоб до шпионов на трубе — впервые встречаю. Садитесь в коляску!

Милиционер вежливо, но властно взял Слесаренко за руку.

— Уйдет же! — возопил заведующий. — Мартынов он! Из моря вылез. На трубе сейчас. А спустится...

— Ясно, ясно! Шпион. Диверсант Мартынов. Вылез из моря. В воде вас топил, потом из воды вытаскивал. Сейчас на трубе передает шпионское донесение о вашей жене. А спустится, устроит диверсию в руинах. Говорю вам, все ясно. Спротивляться не надо. Садитесь спокойно.

Говоря все это, милиционер хладнокровно подтаскивал заведующего турбазой к мотоциклу.

— Убежит! — со слезами надрылся трясущийся Слесаренко. — Пойми, убежит же!

— Далеко не убежит. Доктора живо поймут... Я вас застегну, чтобы не продуло. Держитесь крепко.

Поселок был недалеко, мотоциклист домчал туда минуты за три. В дежурке сидел у телефона сержант. Он только поглядел на Слесаренко и убежал в соседнюю комнату, а оттуда вернулся с комплектом белья и поношенной, но чистой одеждой.

— Переоденьтесь, гражданин. Несчастный случай?

— Да вроде, — сказал улыбающийся милиционер. — Многовато газу дал. — Он выразительно щелкнул по воротнику. — Всякая блажь теперь мерещится.

— Не блажь, — сказал Слесаренко с обидой. — Жуткая истина, вот что.

Милиционер коротко передал рассказ Слесаренко. Сержант засмеялся, но, поглядев на отчаянное лицо заведующего турбазой, серьезнел и сказал сочувственно:

— Не тревожьтесь, товарищ! Бывает, конечно. Но медицина теперь, доложу вам...

Зазвонивший телефон прервал сержанта. Он сказал: «Дежурный слушает!» — и лицо его окаменело.

— Понимаю. Обнаружен в районе забро-

шенного пивного... Одну минутку. — Он быстро спросил Слесаренко: — Где твой гад заховался? Живо! Его уже ищут.

— На трубе! — закричал Слесаренко, ликуя, что наконец ему поверили. — Передай — на трубе!

— Координаты такие — заводская труба! Один товарищ только что оттуда — самолично беседовал... — сказал сержант в телефон. — Можете прямо туда. Мы тоже выходим. — Он схватил шинель и шапку, ощупал, на месте ли револьвер. — Пошли, живо!

Первым выскочил милиционер, вторым сержант, а за ними Слесаренко. Заведующий турбазой снова — уже без подталкиваний — влез в коляску, а сержант поместился сзади.

На развилке дорог мотоцикл осветил шедшую навстречу без огней машину. С нее соскакивали пограничники. Слесаренко узнал лейтенанта Петрова.

— Сюда, сюда! — сказал сержант, углубляясь в туннель, образованный двумя рядами лип, сомкнувшихся кронами над узкой мостовой. — Идите за мной.

— Не сюда, — запротестовал Слесаренко. — Я за ним по берегу бежал.

— По берегу он шел, чтобы не увидели, а дорога — здесь. — Сержант, вынув револьвер, прибавил шаг.

Через несколько минут труба была оцеплена. Лейтенант, таясь за стеной, навел бинокль на вершину трубы. Ничего не увидел. Если Мартынов не убежал, то обходился без света. Лейтенант шепотом приказал солдатам идти за собой. В это время из лаза выскользнула человеческая фигура. Лейтенант проворно шагнул назад, в укрытие. Слесаренко снова затрясся, но уже не от холода, а от злости — он узнал коренастого Мартынова.

Мартынов, останавливаясь и прислушиваясь, передвигался вдоль стены. А когда он хотел повернуть в сторону леса, его схватили сразу четверо.

— Тихо! — сказал Петров. — При попытке к бегству, ясно!.. — Он проворно защелкнул наручники и осветил фонарем лицо арестованного. — Он?

— Он! — сказал Слесаренко. — Точно, он. Выпивал со мной, о моей Нине Трофимовне шифровал... Еще не было на свете такого паразита!

Мартынов улыбнулся Слесаренко, как лучшему другу.

— Переодеться успел? Теперь могу не тревожиться, что заболеешь.

— Теперь о себе тревожьтесь, Мартынов, — сухо сказал лейтенант.

Некоторые уточнения

В кабинете следователя Денисов вынул из портфеля шифровку и молча вручил ее. Следователь удивленно воскликнул:

— Да это же стихи! Не так ли?

— Стихи. И смею вас уверить — отличные стихи!

Денисов торжественно прочитал наизусть то, что стояло в расшифрованной депеше:

Скучно, грустно... Завтра, Нина,

Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

— Знакомые стихи, — сказал следователь задумчиво. — Не Пушкин?

— Пушкин. «Зимняя дорога», 1826 год. Третий том академического карманного издания. Том этот украден в машине Толбузина и, очевидно, был при Мартынове?

— Нашли вместе с прочим шпионским барахлом. Я уже вам рассказывал: и акаланги, и рация — чудесная вещица, портативочка на полупроводниках... Аккуратно все сложено на трубе. Присмотрели местечко.

— А что? Вполне надежное. Вызовите этого типа...

Вошедший Мартынов вежливо сказал: «Добрый день, граждане следователи!» Он держался так же хладнокровно, как двумя днями раньше Спиридонов. Денисов с любопытством смотрел, как Мартынов неторопливо усаживался, как он с благодарностью отказался от предложенной следователем сигареты, — «Спасибо, не курю, гражданин майор!» — как он с какой-тонисходительностью приготовился выслушать неизбежные вопросы. Мартынову было лет двадцать пять, но, коренастый и мускулистый, он казался старше. Это был человек веселого нрава — в серых глазах поблескивали лукавые огоньки. Он ожидал допроса, как иные ожидают интересного спора. Подобно Спиридонову, он не просто провалился на задании, а провалившись, продолжал выполнять какое-то задание.

Но сейчас Денисов знал, как надо держаться с ним.

— Меня информировали, Мартынов, что вы отказываетесь от показаний, хотя вас опознал Слесаренко и поймали вас во время шифрованной радиопередачи. Это верно?

— Что имеете в виду, гражданин подполковник? Отказываюсь от показаний? Это верно.

— Почему отказываетесь?

— Если я отвечу, это будет уже то самое показание, от которого я отказываюсь.

— Вообще не будете говорить?

— Почему? В иное время, в ином месте... А сейчас, извините, не буду.

— Ясно, — сказал Денисов насмешливо. — Скажем, если вас будет допрашивать генерал, не ниже?.. Если вас, как важную персону, повезут в Москву? Если вас вообще оставят на три-четыре дня в покое, да?

Денисов добился, чего хотел. Мартынов не сумел скрыть удивления и заинтересованности.

— Нет, почему четыре дня? Так много я не прошу.

— Уведите, — приказал Денисов и, когда Мартынов вышел, спросил следователя: — Говорю уже видел этого типа?

— Не вытерпел, ночью примчался. И первый же вопрос: «Почему из моей приемной дырбулцилы передавал?»

— Мартынов ответил?

— В своем стиле. «Вы хотели, чтобы я передал другое? О стоимости моркови на рынке?..»

Денисов поехал на Курскую косу.

Он ехал, зная, что порученная ему операция заканчивается, и заканчивается успешно. Все те, кто туманной ночью воровски пробрался из моря в наш тыл, были схвачены или обложены. Оставалось произвести лишь некоторые уточнения.

На турбазе Денисов начал с Тигунова. Сварщик уверенно ткнул в две фотографии: «Эти, товарищ подполковник!» Ни Вальдиса, ни Мартынова он не признал.

Заведующий турбазой, после купания в Преголи, лежал в постели, его пришлось разбудить. Минуты две он таращил на Денисова ошалелые глаза, а потом стал немного соображать, что к чему, и опознал Вальдиса и Мартынова.

Предположение стало фактом: разведчиков было четверо.

В Ниде диспетчер Мария без уверенности указала на три фотографии из десяти. Автослесарь Владас указал на четырех — и это были те, опознания которых ожидал Денисов.

Оставалось последнее — разговор с Элене Райбужас. Она в конце концов поверила Денисову. Еще больше побледнела, но говорила спокойно.

Денисов вынул фотографии, семь из них разложил на столе.

— Покажите, кто был в ту ночь в Ниде.

— Вот этот был в нашем автобусе. — Она показала на Спиридонова. — И эти были на станции.

В руках у Райбужас были фотографии Вальдиса и Мартынова.

— Больше никого здесь не узнаете?

— Больше никого.

— А здесь?

Перед Райбужас легли три новые фотографии. Она охнула, едва взглянув на них.

— И он? Неужели и он?

— Покажите, о ком вы говорите.

— Вот об этом. Просто не верю! Такой милый... Я теперь никому не буду верить!

Денисов долго смотрел на фотографию улыбающегося мужчины, которого узнала Райбужас.

— Элене, вы не могли ошибиться? Туман, плохое освещение в автобусе...

Она печально улыбулась и покачала головой.

— Я обещала сказать правду. Это он. Этот человек сидел рядом со мной. Мы разговаривали. Я не ошибаюсь.

Может ли хвост вилять собакою?

Утро седьмого дня началось звонком Говорова. Он извещал, что человек, интересующий Денисова, прилететь самолетом в Калининград не мог. Не мог он также приехать и поездом в день нарушения границы на Курской косе. Приехал ли он днем раньше или днем позже, станет ясно часа через три.

— Автобусы исключаются совершенно, — сказал Говоров. — Начинаю думать, что ты на верном пути.

Потом позвонил следователь. К числу записавшихся присоединился и третий арестованный — Эдуардас Вальдис. Он убеждает, что взяли его без оснований. По его словам, он прибыл в Калининград автобусом из Клайпеды через Ниду. Его показания проверяются.

— Прибыл-то он из Клайпеды, это верно, — заметил Денисов. — Но вот как он попал в Клайпеду?

Вошедший Ромейко швырнул свой портфель на стол.

— Сознаюсь, был неправ, — сказал он, пожи-

мая руку Денисову. — Не ожидал, что какую-то стройку предпочтут нашему порту.

— И что диверсантов будет больше, чем двое? — напомнил Денисов.

Ромейко рассмеялся.

— И это! Кругом провели, мерзавцы! А сколько их все же было? Сомнительно, чтоб трое. Двое — каждый действует самостоятельно. А трое — группа, им нужна координация. И, следовательно, должен быть четвертый, руководитель.

— И по-моему, так.

— Но кто он, кто? Вот вопрос!

— Думать надо.. Я хочу посмотреть на Вальдиса. Поедете со мной, Антон Пахомович?

— Можно поехать.

Вальдис оказался точно таким, как на фотографии, — высоким, худым пареньком с тонкими чертами лица и большими вдумчивыми глазами. Войдя в кабинет следователя, он внимательно поглядел на Денисова и Ромейко, вежливо, но как-то безучастно поклонился. Он не был похож на рабочего, каким назвался. И на наглого разведчика, хитро пробравшегося в наш тыл, он тоже не походил.

Денисов почувствовал жгучую обиду за то, что вот таких славных парней кто-то сумел уговорить и послать на бесславное дело.

— Вы не рабочий, Вальдис!

Юноша посмотрел на него с недоумением.

— По-вашему, я плохо кладать кирпичи? — Он говорил с сильным акцентом.

— Нет, — сказал Денисов. — Кирпичи вы кладете аккуратно, бригадир каменщиков вами довольен.

— Я мало работал, — Вальдис застенчиво усмехнулся. — Я очень люблю каменную работу. Я хочу учиться архитектуре.

— Архитектура теперь имеет дело с железом и цементом, — заметил Денисов. — Профессия каменщика отмирает.

Вальдис вежливо возразил:

— Архитектура есть разный. Я буду каменный и деревянный только строить.

В допрос вмешался нетерпеливый Ромейко:

— Там будет видно, чем вам придется заниматься в будущем! Вы лучше признайтесь, чем занимаетесь сейчас.

Вальдис с готовностью ответил:

— О, пожалуйста! Это признание легкий. История архитектуры — одно. Также фотография. Цветная — очень люблю. Еще спорт. Плавание — первый разряд. Подводная охота. Водные лыжи — немножко.

— Мастер акваланга?

— Мастер — нет. Потом — да, не сейчас. Очень любитель акваланга — да. Хороший спорт.

— Очевидно, вы из спортивных побуждений ушли на дно отдели с борта иностранного судна и тайно выбрались на советский берег? Так, Вальдис?

— Не так. — Лицо Вальдиса стало замкнутым. — Гражданин следователь, я уже отвечал такой вопрос.

— Плохо отвечали. Из какой страны вы прибыли к нам?

— Из Советской Литвы. Такая страна. Я уже говорил.

— Да, говорили. Из Клайпеды. А в Клайпеду как попали?

— Рокишкис. Там жил. Можно проверить.

— Проверим. И по документам все, очевид-

но, сойдется.— Ромейко возмущенно передернул плечами.— Хитрая вы бестия, как погляжу, Вальдис!

— Не надо так! — с недовольством сказал Денисов.

В странном юноше чувствовалось что-то непривычно новое, для разведчика — непрофессиональное. Обычные формы допроса не могли раскрыть природу этой необычности, тем более — грубость Ромейко.

— Как вы сами считаете, почему мы вас арестовали? — спросил Денисов, задумчиво глядя на Вальдиса.

— Я положил шамота в стену. Шамотный кирпич, да?

— Почему вы заложили этот кирпич? Вас ведь не просили сделать это. И где вы его достали?

— Нашел на улице. Очень хороший, взял чемоданчик, да? Зачем пропадать?

— Бригадиру могли сказать.

— Зачем? Пустяк. Тысячи кирпичей на стройка. Каждый говорить, да?

— Запираешь! — гневно сказал Ромейко. — Нахально смотрит в глаза и врет!

Денисов и на Ромейко поглядел с той же задумчивостью. Вспыльчивый его помощник решительно не годился для следственной работы. Вслух Денисов ничего не сказал.

Наступившей паузой воспользовался следователь:

— Против вас имеются веские улики, Вальдис. Вчера вас опознал по фотокарточке заведующий турбазой. Вы были одним из его ночных гостей, тем, который предъявил документы на имя Семенова.

Вальдис очень вежливо сказал:

— Вы же паспорт Семенова не нашли у меня, только Вальдис, да? Вы не думаете, ваш заведующий может ошибается?

— Допустим, Слесаренко ошибается. А экспертиза? Отпечатки ваших пальцев совпали с найденными на посуде. Что вы на это скажете?

Вальдис ответил с той же равнодушной вежливостью:

— Экспертиза не бог, да? Наука тоже ошибается.

Денисов встал.

— Останетесь? — спросил он Ромейко. — Я пойду.

— Я с вами.

На улице Ромейко сказал сердито:

— Врет, выкручивается! Заведующий турбазой — ошибается, наука — ошибается!..

— Он сам себя разубедит, — уверенно сказал Денисов. — Не сомневаюсь, что он сейчас мучительно доискивается ответа на извечную философскую проблему следствия.

— Что это за философская проблема?

— Проблема такая: может ли хвост вилять собакою?

Ромейко захохотал.

— Вы остряк, Михаил Владимирович!

— Говорю вам, это философская проблема, а не острота... Пойдемте обедать.

— Я в ресторан, а вы?

— Пригласил Бандуренко, пойду к нему..

За обедом Бандуренко сообщил важную новость: вечерним самолетом в Калининград прибывают начальник управления генерал-майор Трофимов и капитан первого ранга Симонян — познакомиться на месте с ходом операции,

— А у нас трое арестованных, и все запираются. — Начальник отряда вздохнул.

— Что запираются — не наша вина, — возразил Денисов. — Наше дело — найти, арестовать, предъявить доказательные улики. Следствие, бывает, месяцами тянется после ареста.

— Так-то так, но проклятый четвертый.. Кто он, где?

— Говоров кое-что проверяет. Скоро картина станет ясной.

— Я поеду встречать генерала, а ты занимайся четвертым, — решил Бандуренко. — Соберемся вечером у тебя. Предупреди Ромейко, чтобы он не уехал в порт.

— Ромейко будет.

Возвратившись с обеда, Денисов позвонил Говорову. Говорова у себя не оказалось, и никто в милиции не знал, куда поехал полковник.

Денисов взглянул на часы: было около шести. В конце концов, можно обойтись и имеющимися уликами. Сообщение Говорова могло лишь завершить обвинение.

Все же Денисов волновался, и это сказалось на его разговоре с Ромейко, вернувшимся часам к семи. Ромейко присел на угол своего стола и закурил. Он уже знал о приезде начальства.

— Будет теперь шебарша! — объявил он мрачно. — Пойдет дознание — что сделали да чего не сделали? А у нас и намек на четвертого нет.

— Почему же? Намеков много, — возразил Денисов.

— А что толку? Или вы надеетесь, что четвертый сам прибежит сдаваться?

— Не исключаю и такую возможность. Поразмыслит человек, поймет, наконец, что хвост собакою не виляет..

— Опять философия? — невесело усмехнулся Ромейко и после минутного молчания добавил: — Михаил Владимирович, а был ли четвертый?

— Вы сегодня утром доказывали, что четвертый есть.

— Мало ли, что я доказывал! Если он не ловится, то не потому ли, что мы ошибаемся? Не есть ли он нечто воображаемое? Силуэт в тумане, которого никаким локатором?..

— Есть он, есть, — с досадой сказал Денисов. — Но, конечно, туману напускает. И думает, что удивительно хитро укрылся, что его не видно и не слышно. Но долго это продолжаться не будет.

— Часы же идут! Скоро появятся Трофимов и Симонян, спросят: закончена ли операция? — Ромейко в волнении поднялся. — Давайте действовать! Пошлите меня, куда надо, коли самому нельзя покинуть кабинет. Вот уж чего не могу — сидеть и ждать, пока кто-то выплывет из тумана! Денисов остановил его.

— И все-таки надо сидеть и ждать. Давайте готовиться к докладу, Антон Пахомович.

Ромейко хмуро возвратился к столу. Зазвонил телефон. Это был, наконец, Говоров.

— Заждался, Михаил? Сам занялся этим делом. Некоторых проводников сразу не захватили, разбежались по кафе и магазинам... Получай окончательный ответ. Не было этого человека в поездах. Ни самолетом, ни автобусом, ни по железной дороге..

Денисов закрыл на мгновение глаза. Последняя точка стала на свое место. Больше допытываться было нечего.

Ромейко с интересом прислушивался к теле-

фонному разговору. Он догадался, что звонит Говоров.

— Ну, как, Михаил Владимирович? Выяснены взаимоотношения хвоста и собаки?

Денисов спокойно сказал:

— Да, конечно. И сам хвост уже понимает, что он не более, чем жалкий хвост.

В кабинет вошли Трофимов и Симонян, за ними Бандуренко и Марьямов. Генерал с руководителями погранотряда разместился на диване, Симонян уселся около стола Ромейко.

— Неделя подошла к концу,— сказал генерал.— Докладывайте, товарищ Денисов. Начнем с того, удалось ли выяснить количество нарушителей?

— Всего их было четверо,— ответил Денисов.

— Четверо! Сходится с нашими данными...

Где они в настоящее время?

— Трое задержаны.

— Кто?

— Молодые парни. Назвались Спиридоновым, Мартыновым и Вальдисом.

— А четвертый?

— Четвертый не арестован.

— Хорошо провели операцию, нечего скатать!— с досадой проговорил генерал.— Трех мальчишек выловили, а руководителя группы оставили на свободе. Он ходит и посмеивается над нами!

— Долго ходить и посмеиваться не будет, товарищ генерал.

Трофимов начал сердиться.

— Неделя прошла, товарищ Денисов! Неделя! А вы и понятия не имеете, кто этот так хорошо замаскировавшийся четвертый!

— Почему не имеем понятия, товарищ гене-

рал?— спокойно возразил Денисов.— Отлично знаем, кто четвертый и где он сейчас.

— Тогда говорите прямо — кто, где?

— Вот он!

Денисов показал на Ромейко.

Личность без околичностей

Денисов ожидал возгласов удивления, смещения на лицах. Но лишь Бандуренко удивленно переглянулся с Марьямовым. Трофимов хмурился. Симонян спокойно слушал. А Ромейко насмешливо улыбался.

— Докажете свои обвинения?— спросил генерал.

— Безусловно. Но раньше я хотел бы разрушить этого человека.

Трофимов вопросительно посмотрел на Симоняна. Моряк негромко сказал:

— Раньше представьте доказательства, потом разоружайте.

Денисов резко возразил:

— Человек, называющий себя подполковником Ромейко, опасный преступник. Я настаиваю на том, чтобы он сдал оружие.

Ромейко вытащил пистолет и, перегнувшись через стол, положил его перед Денисовым.

— Получай! Но помни: не докажешь обвинений, свой пистолет сдашь!

— Спокойно, Ромейко,— недовольно сказал Симонян.— Сидите и слушайте. Вам слово еще будет дано.

— Главное мое доказательство против Ромейко находится у него самого,— начал Денисов.— Имеются данные, что Вальдис фотографировал стройку. Он встречался потом с Ромейко и передавал ему фотопленки. Когда вы посмотрите на них, вы без труда поймете, что Ромейко со своим подручным занимался сбором шпионских сведений.

Хотя Симонян приказал Ромейко сидеть спокойно, тот снова вскочил.

— Обыскивай!

— Прошу со мной на вы! — холодно сказал Денисов.— Я не думаю, что вы носите шпионские материалы с собой. Пленки спрятаны в вашем чемодане в гостинице.

Симонян обернулся к Ромейко. На этот раз тот говорил спокойно:

— Можете обыскать! — Он вытащил из кармана связку ключей.— Получайте!

— Я распоряжусь,— сказал Бандуренко, беря ключи.

Он быстро вышел. Генерал обратился к Денисову:

— Обвинение очень серьезное. И доказательства должны быть серьезными.

— Разрешите рассказывать с подробностями?

— Да, конечно. Со всеми подробностями.

— Я бы попросил на время моего объяснения удалить арестованного в соседнюю комнату.

Генерал ответил, хмурясь:

— Ромейко еще не арестован.

Денисов понял, что Трофимов не поверил обвинению против Ромейко. Еще меньше верил Симонян — моряк продолжал спокойно сидеть около Ромейко, как около верного человека. Только Ромейко по-прежнему еле сдерживал раздражение.

И, начиная свои доказательства, Денисов думал о том, что задача ему попала не из простых. То, к чему он постепенно приходил в течение нескольких и, вероятно, самых долгих в его жизни дней, что открывал, сомневаясь, внутренне протестуя, трижды проверяя каждый следующий шаг,— все это он должен был рассказать сейчас неподготовленным людям. Они, конечно, будут сомневаться не меньше, чем он, когда впервые подумал, что Ромейко и есть тот, четвертый.

Но Денисов знал также, что истина на его стороне. Собранные им факты неопровержимы.

Он начал с того, что вражеское судно, маскировавшееся под советский рыболовный траулер, спустило на дно отмели, неподалеку от берега, четырех хорошо снаряженных аквалангистов. Нарушители границы не сомневались, планируя свою операцию, что и судно их будет обнаружено, и высадка на берег незамеченной не пройдет. И они заранее отмели утопическую надежду проскользнуть в тыл неоткрытыми. Не предотвратить преследование, а запутать преследователей — вот был хитрый их план.

Группа была подобрана соответствующая — двое высоких, двое среднего роста. У одного, высокого, нога была маленькая, у второго — побольше. Через контрольно-следовую полосу они переходили так: Вальдис нес на плечах Ромейко, за ним шагал Спиридонов с Мартыновым на плечах. Спиридонов втрамбовывал свою огромную ногу точно в след маленькой ноги Вальдиса, на контрольной полосе оставался только один отпечаток.

Лейтенант Петров, прибывший вскоре на место происшествия, обнаружил след одного чело-

века, но, как безошибочно рассчитывали нарушители, не поверил, что пробирался лишь один. Он измерил глубину следа и определил, что прошло двое. Он мог бы допустить, что их было и больше двух — три, четыре, пять. Но оперативники не имеют времени рассчитывать все теоретически возможные варианты, они практики. Петров раскрыл хитрость противника и, не раздумывая больше, кинулся преследовать двоих. Психологический расчет врага удался.

Теперь перед группой, проникшей в наш тыл, стояли две срочные задачи: поскорее убраться с опасной Курской косы и, если уж нельзя замести следы, то оставить их лишь двум людям. И они разбились на две группы, двигающиеся так, что если кто-либо увидит одну, то вторую не обнаружит. Одну группу составляли Вальдис и Мартынов, другую — Спиридонов и человек, имеющий себя подполковником Ромейко.

Вернувшись, Бандуренко знаком показал, что все нужные распоряжения отданы, и присел около Марьямова.

Денисов продолжал:

— Учесть все случайности, которые могут появиться — невозможно. Появились такие случайности и на пути нарушителей границы. Они понимали, что лучший способ достигнуть Калининграда — сесть на автобус в Ниде. Но до Ниды добрых двадцать километров, а на косе вскоре должны были появиться преследователи. Вывод был логичен: взять на турбазе машину, там их много, и минут за двадцать домчаться до Ниды. Но на Вальдиса с Мартыновым, пробиравшихся к автостоянке, натолкнулся заведующий турбазой Слесаренко. Они приняли правильное решение — не удирать, а зайти к Слесаренко, побыстрее напоить его, чтобы отвязаться от докучливого соглядатая. Вальдис, побаивавшийся, что его литовский акцент очень уж заметная примета, упорно молчал, а Мартынов, чтобы молчание товарища не бросилось в глаза, болтал без умолку. Как вы увидите сейчас, это был их первый просчет. Вторым просчетом явилось то, что Мартынов, обнаруживший несообразительность Слесаренко, всячески обращал его внимание на свою особую примету — налепленную родинку. Он так часто трогал ее, словно почесывая, что сдвинул выше обусловленного места. И, кроме того, они оставили отпечатки пальцев: пить и есть не принято в перчатках.

А на Спиридонова и Ромейко, поджидавших возвращения товарищей, надвинулась новая непредвиденная случайность — сварщик Тигунов. И вот эти двое, Спиридонов и Ромейко, стараются создать у наблюдательного Тигунова впечатление, что они те, кто в это время сидели со Слесаренко. Одна пара! Спиридонов, не зная, что Вальдису удалось во время выпивки промолчать, охотно болтает, артистически воспроизводя литовский выговор товарища. А Ромейко, не желая, чтоб Тигунов запомнил его голос, наоборот молчит, не подзревая, что тот, кого он дублирует, Мартынов, в этот момент безудержно разливается. И еще одна неосторожность: шел дождь, родинка, налепленная на щеку, сползла, Ромейко поправлял ее неаккуратно, и в минуту встречи с Тигуновым она оказалась ниже места, которое занимала на лице Мартынова. Так примета, по мысли вражеских разведчиков, отождествлявшая двух людей, непредвиденно сыграла против них, свидетельствуя, что они — люди разные, лишь камуфлирующиеся под одного.

А дальше опасные непредвиденности стали напластываться одна на другую. Влезть в машину так, чтоб остались следы только двух человек, им не удалось. В Ниде их заметил автослесарь Владас Венчюрис и женщина-диспетчер — и тот, и другая по фотографии опознали ночных пассажиров. И просто непростительная неосторожность была допущена Ромейко с местной колхозницей Элене Райбужас. В автобусе он всю дорогу разговаривал с ней. В результате Райбужас запомнила и Вальдиса с Мартыновым, садившихся в автобус на Клайпеду, и Спиридонова с Ромейко, поехавших вместе с ней. Когда я показал Райбужас фотографию Ромейко, она опознала его.

Трофимов жестом остановил Денисова.

— Вы не допускаете, что Райбужас могла ошибиться? Осенняя ночь, вдобавок густой туман, тусклое освещение на автостанции, тусклые лампочки в автобусе... Да и обычное женское стремление быть причастной к важным событиям...

— Нет, товарищ генерал Райбужас не похожа на легкомысленную кумушку. Она долго не хотела помогать нам, чтоб ненароком не оговорить невиновных. И только когда убедилась, что мы разыскиваем опасных преступников, без колебаний показала на Ромейко: «И я ему враг, если он такой!»

— Других доказательств вины Ромейко у вас нет?

— Есть, конечно. Среди них и такое. Ни Ромейко, ни другие члены его группы не прибывали в Калининград ни на самолете, ни на поезде, ни в автобусе. Это установлено точно.

Ромейко снова нарушил предписанное ему молчание:

— А если я покажу авиабилет, выписанный на мое имя?

— Тогда я скажу, что билет фальшивый, — холодно ответил Денисов. — Вы вышли на наши берега из моря, а не из самолета. И в то время, когда вы, по вашим словам, находились в порту, чтоб, якобы, защищать его, вы в кафе ждали Вальдиса. Вот относящийся сюда снимок. — Денисов вынул из портфеля фотографию. — Обратите внимание, как тесно соприкасаются руки этих двух людей, как Ромейко повернул голову к Вальдису — тот, очевидно, что-то шепнул ему, проходя. Это продолжалось мгновение: быстро сомкнувшиеся руки, ловко переданная катушка. Но для Ромейко мгновение это роковое, оно избличает его.

Трофимов задумчиво сказал:

— Веский снимочек... Ну, а может быть, руки их соприкоснулись случайно?

— Маловероятно, ибо есть еще несколько снимков. — Денисов подал новые фотографии. — Вот эти — до встречи. Вальдис берет поднос, а перед этим что-то выхватывает из кармана и зажимает в руке. Видите, он держит поднос всего двумя пальцами, остальные что-то прихватывают. А этот снимок — после встречи: Вальдис направляется к свободному столику и уже держит поднос всей пятерней, а у Ромейко рука в кармане — видимо, спрятал что-то, полученное от Вальдиса. По-вашему, эти картинки неубедительны?

— Основательны, скажем пока так. Полностью доказательны они будут, если у Ромейко найдут катушку с фотографиями объекта.

— Эту катушку уже нашли, я уверен в этом. — Зазвонил телефон. Денисов откликнулся. Глаза его заблестели. — Получайте, — сказал он генералу. — В чемодане у Ромейко обнаружена катушка

с пленкой, сейчас ее будут проявлять. — Он обернулся к Ромейко: — Интересно, что вы теперь придумаете?

Ромейко хладнокровно ответил:

— Фотограф-любитель. В свободное время щелкаю фотоаппаратом.

— О, конечно! Фиксируете аллеи в парке и детишек у фонтана!

— Будете опровергать обвинения? — спросил Трофимов Ромейко.

Тот деловито посмотрел на часы.

— Подожду. Пленки не доставлены, поклепы еще не все исчерпаны. Отвечу разом.

Генерал обратился к Денисову:

— Расскажите, как у вас появилось подозрение, что Ромейко — руководитель диверсионной группы?

Денисов знал, что ему зададут этот вопрос и потребуют точного ответа. Но это был единственный вопрос, на который он не мог ответить точно. Наверно, не было вообще такого момента, чтоб до него — верил Ромейко, а после — заподозрил. Все происходило сложнее. Сперва появились досада и удивление, удивление превратилось в недоумение, недоумение породило неверие.

— Нет, подробнее, подробнее, — потребовал Трофимов, заметив, что Денисов собирается отделаться общим ответом.

Денисов подчинился. Ему, разумеется, не понравилось, что прислали непрошеного помощника, он опасался, что Ромейко будет не в меру придирчивым критиком. И его удивило, насколько за десять-двенадцать лет переменялся человек. Он помнил «шебутного Антона», как тогда называли Ромейко, веселым, непоседливым, сердечным и смелым пареньком, а перед ним стоял резкий, язвительный, самовлюбленный чиновник. Недоумение возникло, когда выяснилось, что Ромейко, поехав на Курскую косу, не удосужился заглянуть ни на турбазу, ни в Ниду. Он, несомненно, побаивался, что его признают и Тигунов, и Владас Венчюрис, и Мария, и Райбужас. Он избегал опасных свидетелей своего ночного пребывания на косе. Он отговорился, что не любит устраивать допросы, тем более — повторные. Но это объяснение не рассеяло недоумения — он должен был вести себя по-иному. А затем выяснилось, что Ромейко слишком уж примитивно толкует вражескую операцию и в запальчивости поворачивает розыск на ложный след. Так появилось недоверие. А оно повлекло грозный вопрос — зачем он это делает?

— Подозрение у вас возникло до того, как Ромейко повстречался с Вальдисом? — уточнил Трофимов.

— Незадолго до этого. И укрепились после их встречи. Я, признаться, не понимаю, зачем Вальдису потребовалось вмуровывать в стену шамотный кирпич. Но его встреча с Ромейко, передача катушки со снимками — и стало ясно: Ромейко вовсе не тот, за кого себя выдает!

— Кто же он?

— Не знаю, — ответил Денисов с волнением. — Это откроет строгое следствие. Я могу лишь предположить... Хорошо помню прежнего Антона, чудесного юношу, который никогда бы не совершил предательства... Очевидно, его давно нет. А вместо него, прикрываясь, как личиной, честным именем Антона Ромейко — вот этот неизвестный!

— Еще и убийца! — Генерал покачал головой. — Будете, наконец, говорить Ромейко?

Ромейко опять посмотрел на часы.

— Теперь, пожалуй, могу.

Но ему не дал начать вошедший майор с про-
явленной пленкой в руке.

— Дайте-ка сюда! — сказал Трофимов. Он
быстро просматривал пленку на свет. В голосе
звучало удивление. — Улица, театр... Парк. Непло-
хая аллея!.. А вот и ребятишки у фонтана... —
Он небрежно перебрал пленку Денисову. —
Что-то не подтверждаются, подполковник, ваши
предположения насчет шпионских снимков...

Денисов, ошеломленный, молча разглядывал
пленку. Снимки были сделаны мастерски, но са-
мые невинные. Ни одного производственного
здания и в отдалении не было видно.

— Вы уверены, что где-нибудь в его номере
не спрятано другой катушки? — обратился Дени-
сов к майору.

Тот ответил:

— Уверен. Обыск произведен тщательно.

Трофимов жестом отпустил майора. Ромейко
с лукавыми искорками в глазах обратился к гене-
ралу:

— Теперь, когда главное доказательство про-
тив меня оказалось мыльным пузырем, я могу
получить обратно свое оружие?

Генерал задержался с ответом. Денисов по-
спешно сказал:

— Нет. Если пленку вам удалось хорошо за-
прятать, то это еще не означает, что опроверг-
нуты другие обвинения!

Ромейко, снова срываясь, воскликнул:

— А где, где у вас доказательство, что я что-
либо прятал?! Голословщина — ваши обвинения!
Так и о вас я наговорю бог знает что. Вы, напри-
мер, что-то секретное прячете вон в тот ящик
стола! Чем вы опровергнете мои обвинения?

— Просто покажу, что в столе нет ничего
секретного, — хладнокровно ответил Денисов и
выдвинул ящик. Он был пуст. Денисов насмешли-
во сказал: — По старой привычке всегда прове-
ряю перед уходом.

— Чепуха! — Ромейко криво усмехнулся. —
Выдвигайте ящик по-настоящему!

Разозленный Денисов с силой рванул ящик
и окаменел. На обратной стороне задней дощеч-
ки, аккуратно прихваченная двумя скрепочками,
виднелась фотографическая катушка. После се-
кундного ошеломления Денисов стал непроиз-
вольно разворачивать катушку, но Ромейко про-
ворно выхватил ее.

— Осторожнее, не проявлена! — Ромейко под-
нял катушку, показывая ее всем. — Полюбуйтесь,
где подполковник Денисов таит добытые им шпи-
онские сведения. А материалец, по уверению
Эдика, преотличнейший. Самого себя превзошел
парень. Все производственные цехи запечатлены,
а особых три кадрика — увесистый шамотина сре-
дн нормальных строительных кирпичей. Докумен-
тальное доказательство, что диверсия могла быть
совершена.

Денисов спросил, изумленный:

— Так это вы мне подсунили катушку? За-
чем?

— Чтоб не нашли, зачем еще?

Генерал спокойно спросил:

— Итак, вы признаетесь?

— Уже полчаса назад мог признаться, —
буркнул Ромейко, возвращаясь за свой стол. —
Помешала шумиха с пленкой. — Он вынул из
верхнего кармана и швырнул Денисову пластмас-
совую родинку. — Сувенир вам на память. Чтоб я

еще когда-нибудь эту дрянь нацепил!

— Все обвинения Денисова подтверждае-
те? — продолжал генерал.

— Нет! Он обманул, что я себя прикончил.
Не было и не будет. А что ему не нравятся пере-
мены во мне — переживу.

— Остальное правильно?

— Остальное правильно. Добавлю от себя:
поражен, что так дотошно, так скрытно и скоро
докопался до истины.

Трофимов обернулся к моряку:

— Будем подводить итоги, товарищ Симонян?

— Неделя кончилась у обоих, пора подво-
дить итоги, — согласился тот.

Трофимов протянул руку Денисову.

— Спасибо, Михаил Владимирович, отлично
провели операцию. А теперь отдайте Ромейко
оружие. — Он подошел к Ромейко, пожал и его
руку. — И вас поздравляю, — до последней обус-
ловленной минуты не расшифровались.

Симонян, заметив, что и Денисов, и Банду-
ренко, и Марьямов изумлены, сказал, улыбаясь:
— Чтоб поставить все точки над «и», я сде-
лаю пояснение. Территория вашей области стала
полем важного для нас маневра. Морская де-
сантная группа, возглавляемая подполковником
Ромейко, нарушила с моря наши границы и,
прорвавшись в тыл, стала совершать якобы
шпионские и диверсионные акты.

Денисов пожал плечами.

— Если это были учения, то должен сказать,
что многое проведено непростительно грубо.
Радиопередачи были слишком наглы, а то, что
Спиридонов так легко попался, да и остальные,
кроме Ромейко, особенно не скрывались...

Моряк не дал ему договорить:

— Такова была цель учения — действовать
грубо, решительно, не слишком таясь. Маневры
проведены применительно к военной, а не мир-
ной обстановке. Расчет — на быстроту действий,
а не на уход в глубокое подполье. Учитывались и
личные качества Антона Пахомовича. Это чело-
век действий, а не лукавой маскировки.

Генерал посмотрел на часы и встал.

— Поздно, пора отдыхать. Прошу распоря-
диться, чтоб немедленно освободили трех членов
десантной группы. В десять утра соберемся на
разбор учения. Готовьте соображения.

Он пошел с Бандуренко и Марьямовым к
двери. Симонян пожал руку Денисову и Ромей-
ко и удалился за генералом. Ромейко задержал
Денисова.

— Тсропишься, друг. Дай-ка при мне распо-
ряжение о моих ребятках. Пусть сообщат, что я
жду их в гостинице.

Денисов позвонил следователю домой и,
подняв его с постели, растолковал обстановку.
Следователь пообещал немедленно поехать в
тюрьму и освободить арестованных.

— Вообще-то тебя надо вздуть, Антон, такой
нагнал тревоги! — сказал Денисов радостно. Те-
перь он уже не мог говорить Ромейко «вы».

Ромейко захохотал.

— Выдержка у тебя, однако! Думать, что я
укокошил шепутного Антона, знать, что я гад,
пробрался в верхи, занимаюсь шпионской и ди-
версионной работой — и подавать мне руку, без-
мятежно беседовать о философских собачьих
хрестах... Да я на второй бы день таких подозре-
ний собственными руками придушил подлеца!

Денисов улыбнулся:

— Погранслужба, Антон. Специфика.

Питомцы

Горького

Общезвестна любовь Алексея Максимовича Горького к ребятам — детям рабочих и крестьян. Ежедневно на его письменный стол со всей России стекались десятки посланий от взрослых и совсем юных корреспондентов.

Однажды Алексей Максимович получил письмо из Оренбуржья. Двое крестьянских мальчишек — ученики Ляховской школы первой ступени Бузулукского района Ваня и Коля Трухановы рассказывали о своей жизни, делились своими заботами. Горький вскоре же ответил. Вместе с письмом почта доставила несказанно обрадовавший всех ляховских ребятшек дорогой подарок — посылку с книгами, тетрадями, красками, перьями...

А дальше? Дальше начинается переписка, можно сказать, вошедшая в историю.

В двадцать пятом томе последнего собрания сочинений писателя напечатана статья «О детях». В нее полностью включено коллективное — новое, написанное в ответ на подарок, — письмо учеников Ляховской школы. С одним из его авторов мне довелось встретиться.

Считай, сорок лет прошло с того памятного случая. Изменился за эти годы Вася, Василий Леонтьевич Славгородский. Высок, сложен крепко, а голова белым-бела. Но, кажет-

ся, улыбка на лице прежняя, мальчишеская, добрая и чуть смущенная. Рассказывает:

— Собрались, волнуемся: как бы душевнее написать. А дело ни с места. Ну, братья Трухановы предлагают: «Писать надо так: «Дорогой т точка Горький. Восклицательный знак надо поставить. Мы тоже ставили». Записали по ихнему — у них же опыт. А дальше кто-то предложил: «Большое спасибо за тетради и учебники, которые вы нам прислали». Потом все ожесточенно заспорили. Надо ли делать ответный подарок? Договорились, наконец-то: обязательно надо! Но что? Трудный вопрос. Может быть, коньки? Вовремя спохватились. В Италии — Алексей Максимович жил тогда в Сорренто — такая теплынь, что, наверное, и прокатиться негде. Вспомнили про облигацию, которую купили на деньги, вырученные от продажи утильсырья, и про фотокарточку, сделанную на школьной выставке во время праздника урожая. Их и решили отправить.

А после — новый спор, до силных голосов.

Почему? Сейчас поймете...

Славгородский заспешил к книжному шкафу со скульптуркой Горького наверху. Принес 25-й том и открыл его на нужной странице. Письмо продолжалось так:

«Товарищ Горький! У нас есть к вам большая просьба: для детей сирот и бедняков мы решили при школе открыть столовую (так как за последнее время ребята стали бросать учиться за неимением питания дома). Не имея средств и поддержки со стороны местных организаций нашего района, мы обращаемся к вам с просьбой: помогите нам в нашем деле, пришлите хоть немного денег. Товарищ Горький! Мы знаем, что попрошайничать нехорошо, но мы обращаемся к вам как к товарищу и надеемся, что вы не откажете в нашей просьбе».

А ниже ребята просили Алексея Максимовича выслать свою фотокарточку и рисунок домика, где он живет. И подпись: ученики Ляховской школы 1-й ступени.

Я ненароком глянул на собственноручный горьковский текст. Дальше стояло веселое, озорное резюмэ самого писателя: «Вот какие умные и хорошие чертенята!»

— А ответ Алексея Максимовича сохранился? — спросил я.

Василий Леонтьевич на этот раз принес свою заветную папку и среди множества семейных реликвий без труда отыскал небольшой пожелтевший листок. Время наложило на него свою печать. Вытершийся и подклеенный на сгибах, он был

исписан по разграфленному клетками полю четким округлым почерком. Я вглядывался в выцветшие буквы, и перед глазами вставал писатель, веселый, растроганно ухмыляющийся в усы: «...какие умные и хорошие чертенята!»

Горький писал:

«Милые ребята — очень хорошо, что вы заботитесь о ваших товарищах! Вот так и надо жить: все за каждого, каждый — за всех!»

Я написал в Москву, чтобы вам выслали денег немедля, по телеграфу. Пришлют 500 рублей.

А квитанцию (так писатель назвал облигацию.—В. Я.) возвращаю вам, на что мне она? За подарок — спасибо. Но мне она ни к чему, а вы, может быть, выиграете сколько-нибудь.

Всего хорошего желаю вам, ребята! Учитесь охотней. М. Горький. 15.11.1930 г. Сорренто».

Удивительное письмо это сквозило чисто горьковской душевной щедростью и любовью. Сам не имевший детства и прошедший жизнь не налегке, он чистосердечно признавался: «Я очень ценю людей, которых судьба с малых лет нашцелкала и по лбу и по затылку». И помогал им чем мог.

Но что это? Василий Леонтьевич вынимает еще один пожелтевший листок. Почти не глядя, наизусть, читает хриловато, и мне слышится уже другой голос Горького, сердитый, раздосадованный. Дескать, ваше письмо, товарищ Московский, трудно понять, дескать, учиться надо, а не сетовать по поводу того, что приходится ходить всего лишь в какую-то школу крестьянской молодежи. Это барство. И «начинающим писателем вы считаете себя напрасно и преждевременно, — сердился Горький. — Даже простые мысли не можете изложить».

Еще одно горьковское пись-

мо! Получил эту отрезвляющую отповедь школьный товарищ Славгородского.

В то далекое время, воодушевленный приемом самого Горького, Славгородский тоже взялся за перо: авось что-нибудь выйдет. Получалось! В шестнадцать лет он стал детским корреспондентом журнала «Дружные ребята». А после — прощай Ляховка, школа, деревенская жизнь. Здравствуй, Москва белокаменная! Как он был благодарен Горькому, который помог ему перебраться туда!

Вася поступил на литрабфак при редакционно-издательском институте. Правда, сначала его никак не хотели зачислять: подготовка слаба. Алексей Максимович вырубил письмом: настоятельно советуя принять Славгородского.

На литрабфаке учились ребята, судьба которых мало чем отличалась от Васиной судьбы. Такие же бедные, плохо одетые пацаны со всех концов России. Но как они рвались к учению!

Быть бы и Андрюхе Сиваеву беспризорником, если б не догадался написать Горькому. Пожаловался: «Отец читать не дает, бьет за это... Сбегу в беспризорники». Алексей Максимович не задержал с ответом: уж если бежать, так в Москву. Что ж, он так и сделал. И сразу попал на Всесоюзный съезд деткоргов. Маленький, рвань на плечах, в руках холщовая котомка с книгами, а держится с достоинством — сам Горький в Москву вызвал!¹⁾

Счастлирое время... Друзья Славгородского — бедовые хлопцы, которым жизнь успела «нащелкать по затылку». Это и бывший беспризорник Селезнев — его Горький поддержи-

¹⁾ В статье «О детях» А. М. Горький тоже приводит выдержки из писем Андрюши Сиваева.

вал даже стипендией. И Павлик Железнов — будущий поэт, — писавший в ту пору о себе грежнем: «Я не рвал кошельки на лугу — только рвал кошельки на бегу»...

Помнятся литературные вечера, споры, шумные набегии в музеи, театры, бессонные ночи над тетрадкой стихов, чинные визиты в редакцию «Дружных ребят».

Была даже негоданная встреча с Надеждой Константиновной Крупской — по заданию редакции «Дружных ребят» Славгородский ходил к ней заказывать статью.

Но стоп... Письмо от матери: плохо живется. И — прощай рабфак, прощай Политехнический музей, где часто слушали ребята Безыменского, Уткина, Жарова, Алтаузена. Напоследок бродил по Москве, глядел на лица прохожих, завидуя и тоскуя. Боясь передумать, быстро собрался — и на поезд.

Началась учительская жизнь, которая длится и по сей день.

Сейчас Василий Леонтьевич работает директором Мотовиловской начальной школы Бузулукского района. Живет в маленьком домике, неподалеку от окраины села. Вырастил детей. По-прежнему пишет стихи, которые с удовольствием печатают в местной газете. Вместе с женой утрами спешит в школу-невеличку. Возвращается — с книжного шкафа пристально смотрит нестаревший Горький. Что можно сказать ему? Жил по законам добра и любви, ненавидя зло. По заветам своего великого учителя и друга.

Когда уходил я, думалось: а что же с теми, с другими питомцами Горького, которых судьба связала с писателем неразрывными узами человеколюбия и священными узами памяти? Кем стали, как живут юные когда-то корреспонденты Горького? Может, откликнутся? Может, следопыты напишут?..

В. ЯБУРОВ

Их было четверо: капитан Шваненберг, штурман Мейнвальд, матрос Кузик и временный рабочий, ссыльный Андрей Цыбуленко. После многодневного похода по снегам, они добрались до Малобреховских островов в устье Енисея. Здесь в прошлом году оставалась на зимовку партия штурмана Нумелина — он сам и три матроса: Кротов, Табуркин, Чесноков. В протоке у зимовья, укрытый от ветров и непогоды высокими берегами, был оставлен клипер-бот «Северное сияние». Минуло восемь месяцев с того дня, когда Шваненберг привез их сюда на зимовку, и вот он снова здесь. А вокруг только снег и не видно ни судна, ни жилья.

Капитан знал, где должна быть избушка.

ри и возможность сообщения между нею и Европой.

Шваненберг согласился возглавить морскую экспедицию, которая должна была доставить сибирские товары на судне сибирской постройки.

Путь начинался из города Енисейска, где по заказу Сидорова строился специальный клипер-бот «Северное сияние». Давид Иванович приехал в Енисейск в июне 1876 года. И сразу же столкнулся с трудностями. Местный судостроитель Бойлинг обманул и его и Сидорова, заверив, что судно готово к плаванию. На самом деле оно не имело парусов, блоков, снастей и прочего таке-лажа, необходимого для морского перехода. Бой-

ЛЕДОВАЯ ТРОПА

Стали копать снег и вскоре наткнулись на плоскую крышу. Проложили ход к дверям и... увидели трупы людей.

...Русский морской капитан Давид Иванович Шваненберг был выходцем из бедной семьи прибалтийского рыбака. Только в тридцатилетнем возрасте ему удалось окончить Архангельские шкиперские курсы. Уже будучи известным своей отвагой и умением морским капитаном, он познакомился с красноярцем Михаилом Константиновичем Сидоровым, крупным промышленником и общественным деятелем.

Сидоров более двадцати лет пропагандировал идею морского сообщения с европейскими странами через Карское море. Тому капитану, который пройдет из Европы в Сибирь, он обещал пуд золота, затем награда возросла — пять тысяч пудов лучшего в мире курейского графита. Однако желающих отправиться в путешествие не находилось. Карское море считалось непроходимым, покрытым вечными льдами.

И все же двадцатилетняя деятельность Сидорова не прошла даром. В 1875 году к Енисею подошел на зверобойном судне шведский путешественник Норденшельд, а к Оби на собственном пароходе — англичанин Иосиф Виггинс.

Это и обрадовало, и опечалило Сидорова. Открытие Северного морского пути совершалось иноземцами. А ему хотелось, чтобы русские мореходы показали всему миру богатства Сиби-

линг признался: он не мог и не предполагал, что найдутся охотники для такого путешествия.

И не без основания. В Енисейске желающих идти к Шваненбергу матросами не находилось. А ему нужно было хотя бы пять человек. Штурман уже имелся — Густав Нумелин. Он, как и Шваненберг, сначала плавал юнгой, затем шкиперские курсы и в 23 года — штурман.

Шваненберг настойчиво искал матросов. Сулил большие деньги. С трудом удалось уговорить троих: Кротова, Табуркина и Чеснокова — рабочих с бойлинговской судовой верфи.

Трюм «Северного сияния» был загружен всем, что могло свидетельствовать о богатствах Сибири: графитом, каменным углем, различными рудами, образцами леса, рыбой, пушниной.

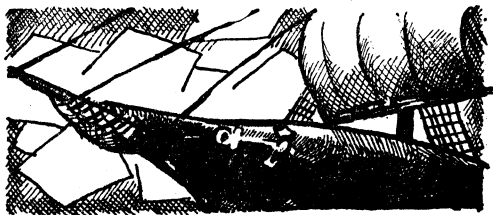
В Енисейский залив Шваненберг вышел 5 сентября. Но свирепый северный ветер рвал паруса, льды сжимали борта клипера, и доски из вековых сосен трещали и ломались. Дальнейшая борьба со стихией грозила потерей судна. И Шваненберг отступил. Возвратившись в Енисейск, он принял решение зазимовать на Малобреховских островах.

Укрыв судно меж высоких берегов, отправился в деревню Толстый Нос, чтобы договориться о снабжении зимовщиков продуктами. Здесь узнал, что вверх до реки Курейки прошел пароход Виггинса, где он должен получить премию — 5 тысяч пудов графита. В конце сентября Шваненберг встретился с англичанином. Тот был несказанно рад — ведь по-русски он знал только две

фразы: «Слава Сидорову! Слава Сибирякову!» Шваненберг же свободно владел английским и немецким, был знаком со шведским, норвежским, латышским.

У Виггинса команда взбунтовалась, не желая зимовать в чужом суровом краю. Оставлять пароход в Курейке без людей Виггинс не решался. Шваненберг вмешался в эти распри. Он привел в пример свой экипаж, безропотно оставшийся на зимовку в значительно худших условиях: на 170 верст окрест ни души и жить придется в самодельной избушке. На Курейке же есть дом, запасы топлива и до Туруханска всего 120 верст. Доводы Шваненберга успокоили команду.

Товары, привезенные Виггинсом, были погружены на нарты и отправлены в Туруханск, когда примчался пристав края Разнатовский и предложил продать их угодному ему купцу. Виггинс отказался от сделки. Тогда Разнатовский все товары конфисковал на том основании, что не уплачена пошлина. Без его ведома товары никто не имел права выгружать на берег. Пристав также приказал местным жителям не давать капитанам лоша-

дей или собак для поездки в Енисейск. Положение сложилось тяжелое. На сухопуте капитаны оказались беспомощными. Они уже было отчаялись. И тогда пристав пригласил их к себе на обед, предложив такие условия: он выпустит их из Туруханского края, но Виггинс должен дать расписку, что оставляет свои товары добровольно и никаких претензий к приставу не имеет. Расписку Виггинс дал.

В тот же час капитаны отправились в путь. А по прибытии в Енисейск, а затем и Петербург рассказали о бесчинствах пристава. 4 января 1877 года они выступили в Обществе для содействия русскому торговому мореходству и доложили о проделанной работе и планах на предстоящую навигацию.

Весной, захватив с собой выпускника шкиперских курсов Мейнвальда и матроса Кузика, Шваненберг отправился в Сибирь, к месту зимовки своих людей и клипер-бота «Северное сияние». И вот перед ним двое мертвых...

Внутри избушки под стеной лежал истощенный, заросший бородой человек. Только глаза на его лице лихорадочно блестели, и это свидетельствовало, что он еще жив.

Что же произошло? Туруханский пристав Разнатовский, разгневанный тем, что капитаны на него жаловались, отдал тайный приказ не снабжать зимовщиков продуктами. От цинги умерли матросы Кротов и Табуркин, а Чесноков, перепугав-

шись, что и его настигнет такая участь, ушел на Толстый Нос пешком, но до деревни не добрался и к зимовью не вернулся.

Приезд Шваненберга спас Нумелина от верной смерти. Однако несчастья продолжали преследовать экспедицию. Во время ледохода о прибрежные камни разбило клипер-бот.

Что теперь делать? Возвращаться в Енисейск? Строить новое судно?

Судьба смилостивилась над путешественниками. В одной из деревень нашлась барженка, которую Шваненберг и купил. Он решил снять таргелаж с клипер-бота и оснастить баржу, сделав ее шхуной.

Морякам помогали долгане и нганасане, приехавшие на Малобреховские острова для рыбной ловли. Через две недели на волнах Енисея началась новая шхуна, получившая название «Утренняя заря». Перегрузив на нее оставшиеся минералы и лес, мореходы начали свое плавание. На борту находились: Шваненберг, Нумелин, Мейнвальд, матросы Иван Кузик и Андрей Цыбуленко.

Андрея считали временным спутником. Он был сослан в Сибирь по решению Саратовского военного трибунала за оскорбление офицера. В Гольчихе, последнем населенном пункте на Енисее, его следовало оставить. Шваненберг рассчитывал взять там кого-либо из местных жителей.

На третий день шхуна подошла к Гольчихе. Шваненберг занялся закупкой и засолкой рыбы, вместо погибшей на зимовке, а другие члены команды отправились в тундру для сбора различных растений, а также предметов быта коренных жителей. Они приобретали идолов, платья, шкуры, стрелы и прочее.

В Гольчихе шхуна простояла пять дней, но и за это время вновь не нашлось желающих принять участие в экспедиции.

А как обстояли дела у англичан, зимовавших на Курейке? Загрузив графитом пароход «Темза», Виггинс начал спускаться к Енисею и сел на мель. Да так прочно, что пришлось выбрасывать весь груз за борт, и только после этого удалось двинуться дальше. Однако на следующий день, у селения Игарка, вновь застряли. Отчаявшийся Виггинс за бесценок продал пароход местным купцам.

Узнав о злоключениях англичан, Шваненберг предложил им перейти на «Утреннюю зарю» и вместе плыть через Карское море. Это предложение было категорически отвергнуто. Виггинс заявил: ваша затея неосуществима!

22 августа 1877 года шхуна «Утренняя заря» оставила за бортом Гольчиху, держа курс к северу. Выйдя в море, повернули на запад к острову Белому. Через несколько дней показались равнинные берега острова. Следов пребывания людей на берегу путешественники не нашли. Зато увидели огромные олени стада. Олени подпускали людей буквально на два-три метра. По всему видно — животные не пуганные.

Мореходы пополнили свой гербарий, а затем укрепили шест с русским флагом и закопали под ним бутылку с именами участников экспедиции на русском и английском языках.

Теперь нужно было идти к югу, к Байдарачьей губе, чтобы высадить Цыбуленку. Дальнейшее его пребывание на шхуне было бы нарушением царского закона.

Стояла ясная, тихая погода, солнце разогнало

туман. Шваненберг вглядывался в даль. Вахтенный ждал команду, чтобы повернуть штурвал. Затаив дыхание, следил за капитаном и Цыбуленко. Наконец, Шваненберг сказал:

— Сплошные льды и встречный ветер не дают нам возможности двигаться к югу. Так и запишем в судовой журнал.

Посветтели лица штурманов и матросов. Итак, курс к Новой Земле, к проливу Маточкин Шар. Вместе с Цыбуленко!

На этом отрезке пути путешественники в полной мере узнали, что собой представляет Карское море. Дорогу преграждали ледяные горы высотой в пять и более сажен. Шхуне приходилось лавировать между ними. И стоило двум льдинам сомкнуться, от нее бы ничего не осталось.

От холодных ветров судно обмерзло и все глубже и глубже погружалось в морские волны. При неумелом управлении легко и перевернуться. Вся команда сутками занималась околкой льда. Потом попали в шторм. Страшен он и в теплых морях, а в Карском особенно, ибо судно бьют не только огромные волны, но и льдины.

Измученный и обмороженный экипаж «Утренней зари» 16 августа все же пробрался к Маточкиному Шару. Далее двигаться невозможно — сплошной лед. И Шваненберг решает идти вдоль кромки льда к югу, к другому проливу — Карские Ворота.

Стоял густой туман. Каждую минуту можно было натолкнуться на льдину. Вскоре так и случилось. Затрещал руль, сбило форштевень.

Зайдя в прибрежную бухточку, мореходы принялись за ремонт. А когда на другой день завершили его, море бушевало под ударами новоземельской боры. Бурное течение, из моря в океан, подхватило суденышко и понесло его с огромной скоростью на рифы и острова, которыми изобилует пролив Карские Ворота. Стихия играла с маленьким суденышком, каждый метр пути таил в себе смертельную опасность.

Шваненберг сам стал к штурвалу, а остальные члены команды сновали по шхуне, выполняя его приказы. Мокрые до нитки, они не чувствовали ни ветра, ни холода. И море пощадило отважных.

Славные русские мореходы с честью выдержали трудный экзамен. Первого сентября они вошли в Баренцево море. Здесь льдов уже не было. Зато мешал движению ветер — даже к острову Колгуеву не смогли подойти.

Только 11 сентября, увидев рыбаков с полуострова Рыбачьего, Шваненберг смог дать передышку команде. Шхуна причалила у мыса Цып-Наволок, Мурманские рыбаки с радостью приветствовали своих соотечественников и подарили им сорок пудов отличной трески.

Следующая остановка была в норвежской крепости Вардэ. Местные мореходы считали за честь, если Шваненберг разрешал им вести свою шхуну на буксире от порта к порту. Русским приходилось только принимать приветствия. Тромсе,

Христиания, Гетеборг, Стокгольм... В каждом городе толпы людей приходили к причалу, чтобы приветствовать отважных путешественников. Морьяков забрасывали цветами, в их честь давали обеды, а в столицах Норвегии и Швеции они были представлены дипломатическому корпусу. Из Парижа приехал Норденшельд и специально пришел на борт «Утренней зари», чтобы поздравить ее экипаж.

Впервые в истории человечества сибирские товары морским путем попали в Европу. Вот почему полосы европейских газет были заполнены сообщениями о подвиге русских.

Мореходам думалось: если нас так чествуют за рубежом, то как встретят на родине!

В ноябре шхуна вошла в воды русской империи. Ее вел на буксире финский пароход «Константин». Мореходы на палубе. Они вглядываются в очертания родных берегов. Из Кронштадта к шхуне мчится катер... На палубу прыгает офицер и несколько солдат с ружьями в руках.

— Кто Цыбуленко?

Щелкают наручники. Здравствуй, царская Россия! Вот ты и встретила по достоинству своих сынов.

— За содействие к побегу ссыльного Цыбуленко вы еще ответите! — пообещал офицер Шваненбергу.

2 декабря 1877 года «Утренняя заря» вошла в Неву и остановилась у Васильевского острова. Окончилось стодневное плавание, за кормой осталось 11 тысяч верст.

Моряков горячо приветствовали петербуржцы. Шваненберг выступал к докладом, демонстрировал привезенные коллекции. Под давлением передовой общественности, царь был вынужден помиловать Андрея Цыбуленко, а спустя два года наградить всех участников героического перехода.

Покойный советский океанограф, академик, президент географического общества СССР Юлий Михайлович Шокальский писал: «Отважное плавание русских мореходов по Карскому морю на столь несовершенном и непригодном судне, каким была «Утренняя заря», получило широкий отклик в России и за ее пределами. Этот поход нанес решительный удар по еще господствовавшему мнению о недоступности Карского моря и невозможности морских сообщений с Сибирью. Это плавание вдвойне замечательно — как первое плавание на судне сибирской постройки, так и по необыкновенной смелости своего командира, решившегося идти на такой импровизированной посудине в море».

В царское время Северный морской путь так и не был освоен. Только при Советской власти по тропе, проложенной русскими смельчаками, пошли пароходы и теплоходы. Дорога становится с каждым годом все оживленней. В наши дни она ведет из Сибири в пятьдесят стран мира.

Л. ШИПКО

Рисунки Н. Мооса

Царская подпись

Острожная легенда

В. ПЕЧЕНКИН

Рисунки Е. Стерлиговой

В стародавние времена, еще при Павле I, на востоке Верхотурского уезда построен был небольшой посадец для поселенцев. Жили там ссыльные под надзором взвода инвалидов-солдат, хлеб сеяли, налоги в казну несли, а взамен получали плети да шпицрутены. С двух сторон посада — тайга, с третьей — Сибирский тракт, каторжный, распроклятый, а с четвертой стороны — речка Вогуля.

При императоре Николае Павловиче посад изрядно разросся, а у тракта вырос острог, из дикого камня сложенный и частоколом обнесенный. Тут сидели арестанты и ночевали каторжные этапы, которые шли дальше, в Сибирь.

В остроге сменилось пять или шесть начальников. Потом приехал и поселился в каменном флигеле, рядом с острожной канцелярией, пехотный майор, по фамилии Артемьев. Был он человек недалекий, но верный слуга государю-императору, и за сию доблесть удостоился медали. Жена давно сбежала от майора с гусарским каптенармусом. Артемьев жил один и ни к кому не имел привязанности.

Прожив в остроге лет десять безвыездно, он совсем ошалел от скуки и развлекался лишь тем, что пил водку да порол арестантов, когда за провинность, а более — просто так. Да еще беседовал с говорящим попугаем, которого привез с собой, как рассказывали, из самого Санкт-Петербурга. Майор обучил попугая ругаться, и когда бывал в хорошем настроении, садился в кресло у себя в

кабинете, устраивал попугая напротив, на жердочке, и так они ругались в два голоса, что даже божья мать на иконе краснела, а уж она-то всякого наслушалась. Майор при этом пил водку, а попугай, пустив словечко, щелкал семечки.

Когда же с перепоя находила на майора тоска, то призывал он в кабинет арестанта Ромку-цыгана, что в канцелярии и в квартире печи топил, и заставлял его петь. И пел Ромка на своем языке грустные песни про коней вороных, что мчатся по ночной степи, про горячие глаза цыганок, про потерянную цыганскую волю и про то, какая сволочь этот майор-начальник. Пел и смотрел в окно, где за высоким частоколом серело сибирское небо. Наслушавшись, майор говорил со взхлипом:

— А и горазд ты, стервец, песни петь! Аж слеза прошибает. Подойди ко мне, любезный, я тебя арапникомогрею чтоб голос жалобнее был.

А потом шел на тюремный двор мытарить арестантов, которые за радости считали, ежели кому выпало идти в Вогульинского острога хотя бы на Нерчинские рудники.

И кто знает, сколько бы еще так тянулось, если бы однажды не остановился в посаде на отдых какой-то важный сановник. Ездил он проверять — достаточно ли крепко поставлено дело в сибирских рудниках и каторгах, и возвращался теперь в столицу.

От нечего делать его сиятельство осмотрел Вогульинский острог, которым

остался весьма доволен, и на прощанье изволил милостиво похлопать по плечу вытянувшегося в струнку майора, пообещал за усердие выхлопотать ему в Петербурге орден святой Анны.

Граф уехал, а майор потерял покой. Он собственноручно начистил свою медаль, а по вечерам принялся обучать попугая:

— Говори, такой-сякой: «Ваше благородие, господин майор, кавалер ордена святыя Анны!»

Прищуря глаз, попугай охотно отзывался:

— Дур-рак ты, такой-сякой!

— Ну что ты плетешь? — не соглашался майор. — Ну, «кавалер ордена святыя Анны»...

Между тем его сиятельство забыл, должно быть, про вогульинского майора, потому что прошло лето и осень, наступила зима, а ордена все не было.

Однажды вечером, когда майор занимался с попугаем словесностью, в кабинет явился старший смотритель, подал начальнику бумагу и доложил, что на тюремный двор въехал возок с конвоем казаков, а в том возке ссыльный барин. Должно быть, этот барин очень уж неосторожно запустил руку в казну, потому что в препроводительной говорилось: «...бывшего дворянина и отставного подпоручика Гаврилу Анфилова за подлоги, воровство и службе небрежение... лишить чинов и всех прав состояния». И препровождался он в ссылку куда-то к чертям на кулички, за Тобольск. А внизу собственной его императорского величества рукой: «Николай».

Майор долго с благоговением рассматривал бумагу, держа ее за самые краешки. Потом осторожно положил на стол, рывкнул на смотрителя и побежал самолично распорядиться ночлегом для столь важной птицы, которую сам царь закатал в Сибирь. А вернувшись к себе через полчаса в сопровождении того же смотрителя, узрел ужасную картину. В его отсутствие попугая надоело сидеть на жердочке, он спрыгнул на стол и разорвал пополам царскую грамоту, а на царскую подпись, рядом с государственной печатью, ляпнул свою печать.

— Что... Что это такое? — прошептал ошарашенный майор.

Попугай прищурил глаза и сказал с ехидцей:

— Кавалер-р ор-рдена...

Дико взревел майор, раздался последний крик птицы, и комок перьев мягко шлепнулся о стену. Дрожащими руками схватил майор порванную грамоту и упал в кресло. Он прикладывал обрывки один к другому и бормотал сдавленным голосом:

— Пропало, пропало все... Орден святыя Анны... Господи...

Старший смотритель, понемногу пришедший в себя, кашлянул несколько раз в кулак — майор не слышал. Тогда смотритель подошел на цыпочках и, коснувшись его плеча, зашептал:

— Ваше благородие, гм... ваше благородие, не извольте огорчаться. Исправить можно-с...

— Что? Что ты говоришь? Исправить? Как же исправить? — майор уставил невидящие глаза на смотрителя.

— Только не извольте гневаться, ваше благородие... Есть у нас в остроге арестант Николка Польшин. Грамоте учен довольно, а суды попал, гм... за подделку бумаг денежных, вехселей, стало быть... А про эту бумагу, то есть про птицу вашу, царствие ей небесное, кроме меня да вашего благородия, никому не ведомо. Так ежели тому Николке приказать... И орден ваш цел будет-с, гм...

— Так-так-так,— проговорил майор, медленно соображая. В кабинете повисла тишина.

— Ладно,— решил, наконец, он.— Приведи Николку. Нет, не сейчас. Утром. Ну-у, только смотри!..

— Да господи, ваше благородие!.. Да я завсегда верой и правдой, вот святой истинный крест, как перед богом...

— Иди.

Пятясь, смотритель удалился, а майор хлопнулся на колени перед иконами, шепча:

— Господи, пронеси! Орден же, господи, святыя Анны... Десять лет непорочной службы, господи...

Поутру, заранее предвидя порку, Николка Польшин предстал перед начальством. Майор выпроводил смотрителя, закрыл дверь на ключ и поднял на арестанта свои оловянные глаза.

— Так ты прежде бумаги подделывал? — спросил он непривычно тихим голосом.

— Так точно, ваше благородие.

— Та-ак,— майор помолчал, потом взял со стола разорванный лист, сложил обрывки и протянул арестанту.— Бумагу

сию переписать можешь? Чтоб из буквы в букву? И печать, и... И подпись.

В конце бумаги, под грязным пятном Николка разобрал слово «Николай» и, бледнея, взглянул на майора. Желтое, оплывшее лицо начальника было как будто спокойно, но тяжелый взгляд давил арестанта.

— Не могу знать, ваше благородие. Давно то было, рука отвыкла...

— А ты, любезный, вспомни. На то, для памяти, жалую тебе штоф вина. Ну, а ежели не вспомнишь... тогда лучше бы тебе на свет не родиться. Слышишь?

— Так точно, ваше благородие.

— Шагай! — он провел Николку по коридору и пропустил в маленькую угловую комнату с зарешеченным окном.

— Гляди,— молвил он все тем же ровным голосом, от которого, однако, по спине у Николки бегали мурашки.— Тут тебе бумага гербовая, чернила, песочница. Ежели что надо, проси у старшего смотрителя. Боле ни с кем говорить не моги. Ну, с богом, любезный...

Вечером Ромка-цыган затопил печи в канцелярии и в майорских покоях, ткнул в дверь угловой комнаты — заперто. Пошел было с дровами на кухню, да караульный унтер назад вернул, открыл ключом угловую комнату и толкнул туда Ромку.

— Затопляй. Да не копайся долго.

На скамье за непокрытым столом, подперев ладонью широкий лоб, сидел Николка. Редкие русые волосы свешивались на лицо. Перед Николкой чистая бумага и нетронутый штоф вина. На Ромку не глянул, перед унтером не встал. Цыган не спеша стал ломать лучину.

— Шевелись живей, конокрад чертов! — торопил унтер. Ромка дул в топку до поту, дрова трещали, но гореть почему-то не хотели.

В коридоре послышался голос писаря:

— Эй, караульный! Куда ты делся, черт? Их благородие кличут, этап тут.

Унтер засопел, затоптался, потом угрозил Ромке на всякий случай кулаком и убежал. Цыган, подкладывая дрова, поглядывал через плечо на штоф и, наконец, не выдержал:

— Экая благодать у мужика перед носом, а он сидит, как на похоронах. И за что тебе такое удовольствие?

— Барину, что вчера привезли, подорожную в ссылку писать надо,— безучастно ответил Николка.

— Али тебе того барина жалко?

— Барина? Да вот только и радости, что одного лихоимца вроде как своей рукой в Сибирь спроважу. И за подписью своей — Николай. Бумага-то, вишь, от самого царя, а мне ее подделывать приказано.

— Тебе не впервой, чай,— сверкнул Ромка зубами.

Николка посмотрел на цыгана грустно.

— Не своей я волей подложные бумаги писал. Барин мой был вроде этого ссыльного, только хитрее, должно. Имение прокутил, а гонору много, да в карты играть требуется. А я еще при отце его грамоте учен был, в приказчики меня прочили. Вот и приказал мне однажды барин бумагу составить и подложную подпись на ней учинить. Не посмел я послушаться. С того и пошло. Мне целковый, а барин сотни в карты проигрывал. Однако, сколько веревочке ни виться, а концу быть. Сыскали нас, на суд потянули. Известно дело, у барина деньги да дружки-дворяне, с судьями за ручку. Так и сложил вину на меня, сам чистый остался. Сказал я правду на суде, да где уж нам супротив их законов... Нет, друг, не ссыльного барина я жалею — себя хороно. Их благородие майор все одно меня изведет, чтоб, значит, в подделке царского указа свидетелей не иметь. А мне бы через полгода срок на поселение выходить...

Николка замолчал. Поленья в печке ярко горели, но цыган не ушел. Он оглянулся на дверь и, тихо ступая, подошел к столу.

— А коли такое дело,— зашептал он,— какая тебе разница, одну бумагу писать, али две. Пиши, я ужю на волю передам, барину Забельскому, что прошлой зимой от нас на поселение вышел. Умный барин и смелый, и верить ему можно. В двадцать шестом годе острог и ссылку принял... Ты пиши. Как можем, поборемся... Приходит тут одна поселенка полы мыть, с ней переправлю.

— А что в бумаге той?..

Но Ромка кошачьим прыжком метнулся к печи и распахнул дверцу. И тут же вошел унтер.

— Растопил, господин унтер,— поднялся с колен Ромка.— Можно идти?..

Через четыре дня отставной подпоручик Гаврила Анфилов был отправлен дальше. В шапке у конвойного урядника лежала подорожная, и грозные началь-

ники пересыльных острогов, знать не знавшие арестанта Николку Полинина, с трепетом смотрели на орленую печать и подпись — «Николай».

Николку же майор велел привести в кабинет, долго крутил перед его носом аrapником, заставил перед иконой поклясться в молчании и приказал отвести в камеру. Николка, выдавший на своем веку чиновных лицемеров, знал, что этим дело не обойдется. И не ошибся, потому что майор сразу же призвал старшего смотрителя и, глядя ему в лоб, сказал:

— Ты поглядывай за этим, как его.. Понимаешь?

— Так точно, ваше благородие! — приложив руку к козырьку и кланяясь, отчеканил смотритель.

Майор как будто успокоился, с тем же удовольствием стал пороть арестантов и по вечерам мечтать об ордене. Так прошло около месяца.

И однажды, перед самым рождест-

вом, к майору, который собрался отдохнуть после обеда, постучал писарь и, избразив на сонной опухшей роже улыбку, доложил:

— Ваше благородие, пакет секретный из Петербурга. Должно, орден-с.

— А? Пакет? — встрепенулся майор. — Давай сюда, любезный!.. Вот оно, вот, из самого Санкт-Петербурга. «Майору Артемьеву!» Стало быть — мне!

Он аккуратно разрезал ножичком пакет и вынул бумагу.

— Владычица небесная! — глянул он на подпись. — Собственноручно государем императором! «...Ведомо стало нам...»

Майор уткнулся в бумагу. И вдруг улыбка сбежала с его лица, глаза округлились, отвисла челюсть. Он опустил бумагу на колени и устался в угол.

— Кхе... Так что дозвоьте нижайше проздравить ваше благородие с высочайшей наградой, — сказал за его спиной писарь.

— А?

— Дозвольте, говорю...

— Пош-шел вон! — страшным голо-
сом прошипел майор.

Писарь попятился, открыл спиной
дверь, тихонько прикрыл ее и прислу-
шался. В кабинете было тихо.

Весь этот день и весь следующий май-
ор не выходил из кабинета, не ел, не
требовал водки и на стук писаря и над-
зирателя неизменно орал: «Пошел вон!»
Он сидел в кресле, тупо смотрел в угол
и время от времени перечитывал бумагу.
Но в бумаге было все то же:

«Ведомо стало нам, что ты, находясь
на государственной службе, дерзнул
учинить подделку... и собственноручной
Нашей подписи... А посему повелеваем
тебе впредь к бумагам государственным
не касаться, положив сие на писаря. Со-
общнику же своему из арестантов ника-
кого притеснения, а паче того наказания
не чинить, ждать прибытия следственной
комиссии. Николай».

К вечеру второго дня призвал майор
старшего смотрителя.

— Говори, подлец, кому проболтал-
ся?

— Никак нет, ваше благородие, свя-
той истинный крест, как перед Христом.

— А этот?..

— И тоже не может быть, ваше благо-
родие, как я его с тое поры в карцере
держу, чтобы, боже упаси, сдуру чего
не сболтнул.

— В карцере? Ты его не бил?

— Никак нет. То есть, поучил самую
малость.

— Не бей! Корми лучше. Ежели с ним
что случится, головой ответишь!

— То есть, это как, ваше благородие?

— Пошел вон!

Смотритель выскочил в коридор.

— Писаря пришли! — крикнул майор
вдогонку.

Смотритель разбудил писаря.

— Тебя кличут. Да смотри там в
оба — вроде бы не в себе они. Водкой не

пахнут, а околесную несут — арестанта беречь велют...

Писарь осторожно влез в кабинет.

— Скажи, писарь,— не поворачиваясь, спросил майор,— что по закону полагается за подделку подписи?

— Так ведь это — смотря чья подпись,— ответил писарь, возведя глаза к потолку.— За мою подпись, например, одна цена, а за вашу другая.

— А за губернаторскую?

— Так опять же, смотря кому. Ежели простому смерду, так каторга навечно, дворянину же — в места не столь отдаленные.

— А за... царскую?

Писарь перевел глаза с потолка на майорову спину.

— А уж тут, надо полагать, повешенье и боле ничего.

— Что-о?!

— Повесят, говсрю, энтого сукиного сына и...

— Пошел вон, каналья!!!

Всю ночь майор ходил по кабинету. А на утро надел валяные сапоги, шапку да овчинный тулуп, вышел из своих покоев, прошагал через острожный двор. На выходе из острога ему отдал честь часовой. Майор остановился, посмотрел на него и сказал:

— Полагается повешение, али нет?

На что часовой испуганно рявкнул:

— Так точно, вашбродь!

— На-кось выкуси! — сказал майор и показал солдату кукиш.

Майор вышел за ворота и зашагал по Сибирскому тракту на восток.

Целый день старший смотритель искал начальника, бегал к попу, в кабак — майора нигде не было и никто его не видел. Только бывший дворянин, а ныне ссыльный Забельский долго и подробно расспрашивал смотрителя, а потом перекрестился и загадочно сказал:

— Написали пером, а вырубил топором. Не удалось большого тирана избить, хоть малого с шеи столкнули.

Еще через месяц прибыл новый начальник, какой-то заштатный поручик. Он орал на арестантов хриплым басом, но лютовать побаивался: черт его знает этот острог, из которого среди бела дня майоры пропадают. Через полгода Николая Польшинин вышел на поселение, а вскоре Ромка-цыган бежал и, как подозревали, не без николкиной помощи.

Ходили слухи, что бродяжки, бежавшие с Шилкинской каторги, видели майора где-то на Тоболе. Они отобрали у него тулуп, а за одно и деньги, кои еще были при нем, самого же не тронули:

— Поживи еще, ваше благородие, отведай нашей варнацкой жизни.

Так и затерялась майорская жизнь на горьких бродяжьих тропах.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЭКСЛИБРИСА

Может быть, вам случалось держать в руках книгу с экслибрисом — рисованным ярлычком с фамилией владельца библиотеки¹.

Сегодня экслибрисы не только украшают книги — книжные знаки еще и коллекционируют.

Как, скажем, почтовые марки. Я их не собираю. Но один экслибрис, подаренный мне его владельцем, я все-таки буду хранить. И меня не смущает отменная немногочисленность моей «коллекции», состоящей из... одного экземпляра. Этот книжный знак принадлежит Ивану Степановичу Одарченко, человеку, послужившему моделью для Воина-Освободителя в берлинском Трептов-парке.

Вот откуда на продолговатом листке книжного знака, нарисованного художником А. Платициным, знакомое изображение могучей фигуры советского воина, попирающего поверженную, разбитую свастику, фигуры, навечно ставшей символом нашей победы над фашистской Германией.

История этого экслибриса начинается в 1948 году, в День физкультурника, на берлинском стадионе. Именно тогда скульптор Е. В. Вучетич увидел на спортивных соревнованиях рядового Ивана Одарченко и предложил ему позировать для главного монумента комплекса памятника.

В Берлин рядовой Иван Одарченко попал так, как пришли в Германию тысячи и тысячи других русских Иванов. Дорога была трудной и долгой; за плечами остались пройденные с боями Венгрия, Чехословакия, Австрия с ее снежными Альпами. Гимнастерку бронебойщика Одарченко уже украшали медали «За отвагу», «За взятие Вены», «За победу над Германией».

Улицы и площади Берлина тогда стали ареной последних и самых ожесточенных боев второй мировой войны. Поэтому именно в Берлине воздвигнут один из замечательнейших памятников — некрополь в Трептов-парке над братскими могилами более 8000 участников берлинского сражения. В центре грандиозного мемориального комплекса, на кургане, окруженном вековыми платанами, высится статуя Воина-Освободителя. Ее пьедестал образует небольшой зал-мавзолей. В центре его книга с именами павших воинов. Монумент в Трептов-парке был открыт 8 мая 1949 года. И среди тех, кто в этот день возложил к подножью памятника венки, а после стоял в почетном карауле на кургане, над пятью братскими могилами пехотинцев, артиллеристов, танкистов, летчиков и моряков, — можно было увидеть и Ивана Одарченко.

И, конечно, многие из бесконечного потока людей, пришедших в Трептов-парк отдать дань благодарности советскому Воину-Освободителю, не раз вспоминали потом статую фигуру бойца в почетном карауле у монумента и его удивительное сходство с бронзовым Воином, завершившим свой тяжелый ратный труд.

¹ Об экслибрисе см. очерк Б. Чельшева «О книжном знаке» в № 5 за 1968 год.

А. ТОКМАКОВ

АЗЪ, БУКИ, ВЪДИ

то, еще в царские времена, начавших «долбить» латынь в классических гимназиях. Некоторые студенты-медики, юристы, филологи относятся к ней, как к тяжелой повинности. Кто-то из нерадивых предстает перед грозными очами экзаменаторов по два-три раза, прежде чем от нее избавится. А избавившись, облегченно вздыхает и говорит себе: «Чтобы я еще раз в жизни взялся за латынь? Никогда...» К чести нашего студенчества надо сказать, что таких ненавистников латыни немного; обычно это те, кто запускает изучение сложного языка.

И все же после вуза находится мало выпускников, которые продолжали бы заниматься латынью для себя, для собственного удовольствия (я здесь говорю о выпускниках-филологах). И причина этого лежит не только в том, что на латынь отпускается очень мало часов по вузовскому расписанию, а и в том, что многие взрослые, положительные и серьезные люди, с учеными степенями и званиями, ссылаются на строчку из «Евгения Онегина»: «Латынь из моды вышла ныне...»

Действительно ли латынь так безнадежно мертва?

Раскроем первый попавшийся

При словах «латынь», «латинский язык» у многих людей возникает ощущение скуки. Дескать, мертвый язык, пыльное достояние музейных архивов и предмет усердия пронафталиненных старичков-филологов, когда-

„АЗИН СОКОЛОМ ЛЕТАЛ...“

В уральский городок Чернушка на улицу Азина, дом 11, идут письма из белорусского города Полоцка. Идут они к старейшему уральскому композитору, заслуженному работнику культуры РСФСР Леониду Леонгардовичу Мелю. Немало песен родилось в этом домике с палисадником под окнами. А потом их автор встречался с ними на сплавных рейдах и колхозных полях, на сценах заводских клубов. Да и в письмах из Полоцка — та же встреча с песней...

Несколько лет назад Леонид Леонгардович с журналистом Петром Матвеевичем Жуковым заинтересовались судьбой легендарного героя гражданской войны Владимира Мартиновича Азина. И начался их песенный поиск. Первыми откликнулись бывшие азинские бойцы, люди, встречавшиеся с комдивом. Постепенно складывались строки:

По Уралу, по Прикамью
Азин соколом летал.
И на Волге
бил буржуев,
Колчака в Сибири гнал.

«Приходил ко мне на пароход в Елабуге красный командир товарищ Азин,— записала в 1919 году в свою тетрадь Н. К. Крупская, ехавшая на агитпароходе ВЦИК «Красная Звезда» вверх по Каме.— Был он... беспощаден к белым, к перебежчикам и отчаянно смел. Говорил он со мной, главным образом, о своей заботе о красноармейцах. Красноармейцы его любили. В этом году я получила письмо от одного красноармейца, бывшего с колчаковцами под его руководством. Какой горячей любовью к Азину дышит каждая строка его письма!»

Был в дивизии железной
Командиром и отцом

И на свадьбе
У солдата
Шел вприсядку за бойцом.
А начался бой суровый —
Азин снова впереди.
Ой, не зря же
у него был
Орден красный на груди.

Железная 28-я стрелковая дивизия Владимира Азина в 1919 году переправилась через Каму как раз в том месте, где теперь поднялась плотина Воткинской ГЭС. Отсюда путь лежал на Чернушку, Кунгур, Красноуфимск, Екатеринбург... Не только комдив, но и около двухсот его бойцов были награждены орденом Красного Знамени. Погиб Азин в бою с белоказаками на Дону 18 февраля 1920 года:

В жаркой битве пал сраженный
Полководец молодой...
Мчатся годы,
А в народе
Азин с нами, как живой.

Ноты и текст песни напечатала республиканская газета «Советская молодежь» в Риге. Потом вся страна услышала ее по радио.

«Ваше произведение,— пишет композитору из Москвы бывший комиссар 244-го полка азинской дивизии Иван Никитич Медведев,— как бы оживляет воспоминания о прошлом. Спасибо!..»

Долетела песня и до далекого Полоцка, где живут мать комдива Ева Ивановна и его сестра Ольга Мартиновна. Живут на улице, названной именем их сына и брата. От них и идут композитору в Чернушку письма.

А. НИКИТИН

номер газеты: «12 апреля — юбилейный массовый коммунистический субботник». Здесь, кроме первого и последнего слова, все латынь. **Апрель** — от **априкор** — пригреваю; теплый, греющий месяц после суровой зимы. **Юбилейный** — от латинского **юбилеус** — праздник, по случаю которого трубили в рог (**юбилус** — рог, **юбило** — трублю в рог). **Массовый** — от **масса** — гряда, ком, нечто цельное и большое; **коммунистический** — от **коммунис** — общий.

В той же газете часто встречаем: социализм, партия, революция, конституция, прогресс, радикальный, агрессия, девальвация, милитаризм и множество других латинских слов. Слово **социализм** происходит от латинского **социалис** — общественный; например, социали-

стическая собственность — это общественная собственность; **партия** — от слова **парс**, **партис** — часть, сторона: тот, кто состоит в нашей партии, тот на нашей стороне; **конституция** — от **конституцио** — установление, решение; **прогресс** — от **прогрессус** — продвижение вперед; **радикальный** — от **радикалис** — коренной; **агрессия** — от **агрессио** — нападение; **девальвация** — от **девальвацио** — обесценение, понижение в цене; **милитаризм** — от **милитарис** — военный. Таким образом, чтобы читать современную газету, надо знать древнюю латынь, пусть в небольшом объеме.

Возьмем и такой пример. Поступил человек после школы в институт. Все там для него ново, необычно и прежде всего вузовские термины: лекция,

аудитория, профессор, декан, ректор, стипендия... Теперь он уже не ученик, а студент, занимающийся не по четвертям года, а по семестрам — по полугодиям, в конце каждого из которых — сессия. Это тоже латинские слова: институтум значит установление, учреждение; лекцио — чтение; аудиториум — место для слушания; профессор — учитель, открыто излагающий свое учение; декан — буквально «десятник», то есть начальник над десятью; ректор — правитель, управляющий; стипендия — жалованье, оклад.

Почему в высшей школе так много латинских слов? Потому что в первых высших учебных заведениях в Европе, открывшихся в XII—XIII веках, все преподавание велось на латинском языке. Вплоть до XVIII

века латынь была международным языком науки. И до сих пор во многих странах ученые пишут свои труды на этом древнем языке. Маркс, Энгельс и Ленин отлично знали латынь, так как она, наряду с греческим, была языком античной культуры, имеющей всемирно-историческое значение.

Итак, что это за язык? Откуда он взялся? Кто на нем говорил?

Латинский язык возник в глубокой древности на территории Средней Италии, там, где теперь стоит город Рим. Эта местность называлась Латиум, а ее жители — латины. Позднее, когда появился Рим, латины стали называть себя римлянами (романи, от слова Рома—Рим). Первоначально это был маленький поселок, состоявший из хижин, крытых тростником и разбросанных по семи холмам, примыкавшим к реке Тибру. В его подчинении находилась территория длиной, примерно, в 30 километров и шириной в 20. Жителей со всех сторон окружали враждебные племена — самниты, оски, умбры, этруски, часто разорявшие город, защищенный лишь небольшой стеной.

Но к III веку до нашей эры римляне сделались господами всей Италии. Они покорили не только соседние с Римом племена, но даже греков, обосновавшихся было на юге Италии. Они мечтали о господстве над Средиземным морем. Главными врагами их здесь были пунийцы, жившие в городе Карфагене (в Северной Африке, там, где теперь Тунис), имевшие огромный флот, сильную сухопутную армию, колоссальные богатства, нажитые морской торговлей. Почти 120 лет шли войны между Римом и Карфагеном. Наконец, в 146 году до нашей эры Карфаген пал. В том же году римляне захватили и разграбили богатейший греческий город Коринф, потом покорили Галлию (теперешняя Франция), Германию и Британию, Египет и весь Ближний Восток. Возникла громадная империя с 60-миллионным населением, среди которого рабов было больше, чем свободных

граждан. И ни в одной древней стране с рабами не обращались так жестоко, как в Римской империи. Поэтому вскоре после упоения победами государство было потрясено восстаниями рабов. Громадные богатства, свезенные в Рим со всех концов Европы, Азии и Африки, привлекали жадное внимание, возбуждали зависть соседей, варварских племен Европы — германцев, кельтов и других. Рим раздирался внутренними противоречиями. В конце концов Римская империя рухнула (в 476 году нашей эры).

Германцы, несколько раз захватывавшие Рим, основали на его землях варварские королевства. Они не уничтожили местное население, а ужились с ним. Римляне, как более культурный народ, вскоре поглотили германцев, растворили их в своей среде. Началось образование нового народа — итальянского. А вне Италии, на землях Галлии, Испании, в придунайских областях, где римское влияние было когда-то наиболее сильным, стали формироваться другие народы — испанцы, португальцы, французы, румыны, возникшие из смеси римских поселенцев с коренным населением. Их языки впоследствии стали называться романскими. Они родственны между собой по корням слов и грамматическим особенностям, так как происходят от одного языка-отца — народного, разговорного латинского языка. На романских языках сейчас говорят 300 миллионов человек. Они распространены не только в Европе, но и в Америке. Мексика, Куба, Венесуэла, Боливия, Перу, Аргентина, Уругвай и другие страны Америки, кроме Бразилии, США и Канады, имеют в качестве государственного языка испанский. В Бразилии же — португальский. И тот и другой — романские языки, поздние разновидности латинского. Поэтому все американские страны, лежащие к югу от США, называются Латинской Америкой. Как видите, вряд ли правильно считать латинский язык мертвым. Скорее всего это язык, превратившийся в ряд других и продолжающий свое

существование в новых формах.

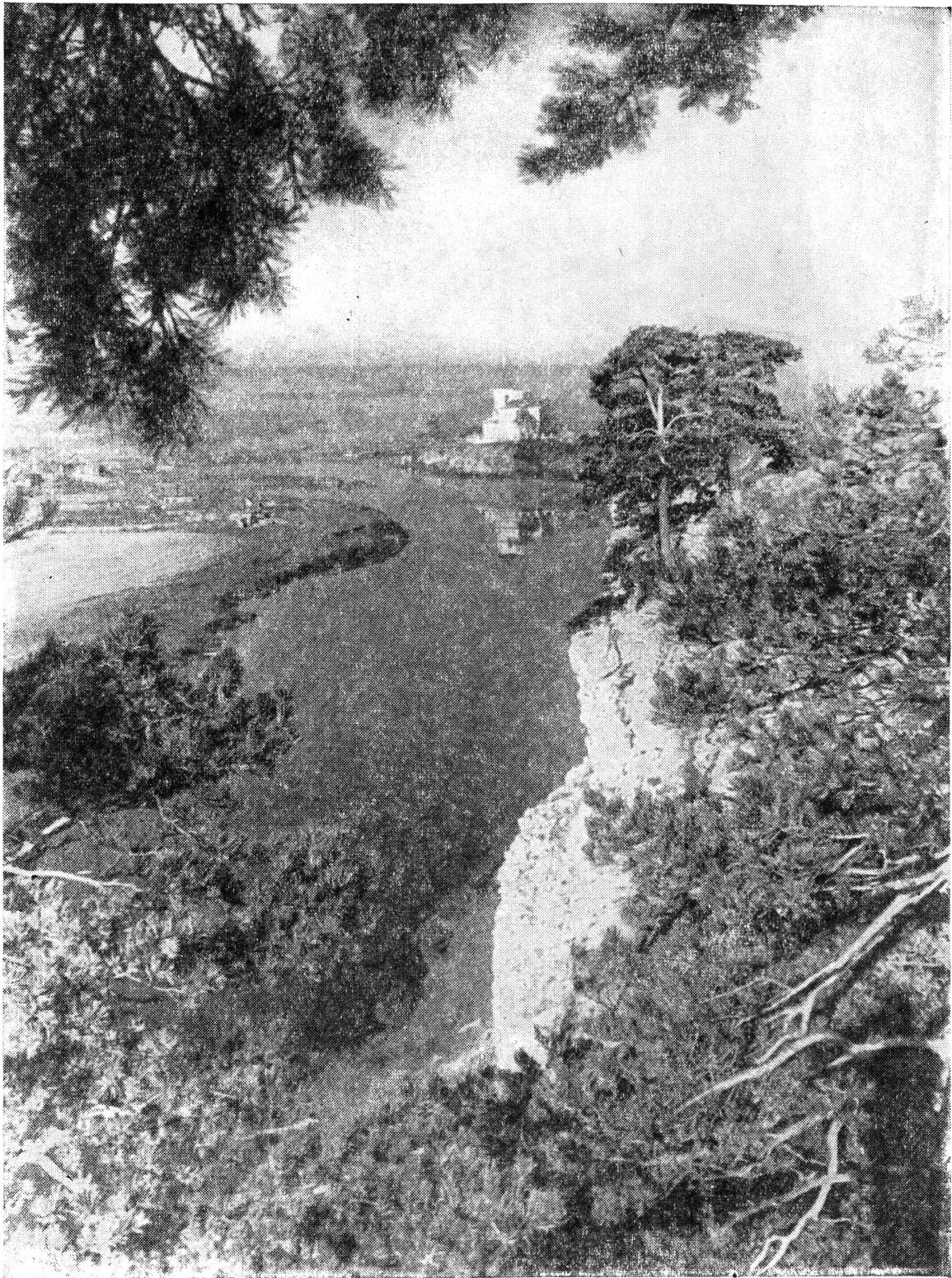
Древняя латынь оставила миру огромное художественное наследство. Оды и поэтические послания Горация, элегии и поэмы Овидия, пламенные речи Цицерона, мудрая философия Лукреция, острые эпиграммы Марциала и сатиры Ювенала до сих пор доставляют образованным людям всех стран большое эстетическое наслаждение и являются нормой и образцом для подражания. Даже великие поэты нового времени, например А. С. Пушкин, многому научились у классиков древней римской литературы. Вспомним «Памятник». Эпиграф к нему: Эксеги монументум — Я воздвиг памятник... Этими словами начинается одно из прославленных стихотворений Горация, обращенное к музе поэзии Мельпомене. Поэт говорит в нем о своих поэтических заслугах так: «Я воздвиг памятник долговечнее меди и царственным строением выше пирамид. Его не сможет разрушить ни едкий дождь, ни яростный ветер Аквилон, ни ряд бесчисленных годов, ни бег времени». Таков приблизительный прозаический перевод первых стихов. Как великолепно звучат они в подлиннике:

Эксеги, монумент, эре
перекниус
Регаликвэ ситу пирамид
альтиус
Квобд нон ймбэр эдэкс, нон
аквиль импотэнс
Посит дйруэр, ауг
иннумэрабилис
Аннорум сэриэс эг fuga
тэмпорум...

Пушкин, очарованный гордым величием Горациевых строк, создал поэтическое завещание, в котором предвидел свою грядущую бессмертную славу в потомстве всех народов. Конечно, пушкинский «Памятник» не был простым подражанием Горацию, он несет на себе печать своеобразия могучего русского гения. Но в то же время он является связующим звеном между поэзией древнего мира и поэзией нашего времени.

Вот и рассудите теперь сами: умерла ли латынь?

В. ЖИТНИКОВ

Река Чусовая.

Фото С. Слепынина

ОПЕРАЦИЯ

ВЕСТИ ИЗ ЧУСОВОГО

Приступил к работе штаб операции «Ч», созданный в городе Чусовом. Зона действия штаба — Чусовской район Пермской области, участок реки Чусовой от устья реки Койвы до поселка Верхне-Чусовские Городки.

Большие и ответственные задачи поставил перед собой штаб: взять под строгий повседневный контроль предприятия, которые загрязняют реку.

Так, металлургический завод сбрасывает в Чусовую и ее приток Усьву свыше 130 тысяч кубометров производственных сточных вод. Из них только половина проходит через очистные сооружения, количество вредных веществ в стоках превышает предельно допустимые санитарные нормы в 8—10 раз. Железнодорожный узел города сбрасывает в Чусовую стоки, содержащие фенолы и нефтепродукты. Городской штаб создает на металлургическом заводе, железнодорожной станции, сплавном отделении комбината «Чусовлес» и других предприятиях города постоянно действующие боевые группы-посты. Под огонь «Комсомольского прожектора» попадут все те, кто наносит ущерб водным богатствам Чусовой.

Каждый отряд туристов, отправляющийся в поход по родному краю, получает от городского штаба задание по обследованию Чусовой и ее притоков. Кроме того, намечено обследовать памятники природы в этих местах.

Особое внимание штаб решил обратить на защиту реки от засорения сплавляемой древесиной и на бережное отношение к лесу. В условиях Чусовского района это имеет важное значение. Комбинат «Чусовлес», объединяющий 17 леспромхозов, имеет годовой объем лесозаготовок свыше 5 млн. кубометров древесины, из них почти треть сплавляется. При этом за один сплавной сезон гибнет столько леса, сколько может вырасти на площади в 5 тысяч гектаров. Лиственной древесины тонет и остается на берегах больше половины того, что заготовлено к сплаву. По берегам Чусовой и ее притоков вырубается водоохранные и защитные леса (перерубы превышают в 1,5—2 раза плановую лесосеку).

Участникам массового рейда предстоит выявить — где, кто, в каких размерах наносит ущерб лесным богатствам, принять меры по защите зеленого друга, разработать предложения по бережному использованию и охране природных богатств Чусовского района.

По плану городского штаба намечено организовать постоянно действующую экспедицию «Охрана природы родного края», создать посты в приречных школах района, провести паспортизацию памятников природы и многое другое.

Следопыты уральского города, который носит имя своей реки, вышли в большой поход в защиту Чусовой и ее богатств.

ИЗЪЯТИЕ ИЗЪЯТИЕ

ШАНТАРСКИЕ ЭТЮДЫ

ДЫМОК

Встреча с Дымком произошла на острове Большой Шантар во время нашей трехнедельной экспедиции по Охотскому морю. Как-то утром, сидя в палатке и собираясь надевать сапоги, я почувствовал, что один из них стал тяжелее обычного. Заглянул и выяснил, что он до половины набит мелкими костями, рыбьими хвостами, головами и даже задавленными мышами. Вытряхивая неожиданный «клад», я извлек из сапога и его хозяина — крохотного серого зверька величиною с крысу. У зверька была длинная головка, маленькие прижатые ушки, хвост короткий и гладкий, а тело тонкое, как у ужа. Мы единодушно решили, что это ласка.

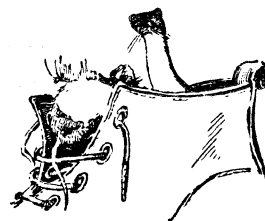
Наш новый знакомый оказался существом беспечным и вместе с тем трудолюбивым. Не обращая внимания на людей, Дымок, как мы назвали ласку за цвет ее шкурки, начал деловито и сосредоточенно перетаскивать свои продовольственные запасы под палатку. Дымок стал седьмым членом экипажа нашей шлюпки. Если он исчезал на стоянках, мы начинали искать его и находили то в спальном мешке, то в футляре из-под бинокля. А раз мы чуть не утопили Дымка в чайнике, куда он неизвестно зачем забрался.

У нашего седьмого члена экипажа была поистине плюшкинская страсть к накоплению. Он тащил в обувь, в шляпы, в пустые рукава и карманы наших курток и дождевиков все, что мог собрать за короткую летнюю ночь. Иногда, надевая на голову шляпу, я находил в ней несколько задавленных мышей, а опуская руку в карман пиджака, обнаруживал там полуживых лягушек или мелких птиц.

Когда мы готовились к переезду и укладывали вещи в шлюпку, Дымок суетился больше всех. Он носился от лагеря к лодке, перебежал нам дорогу, теряя при этом то мышью, то мелкую кость. В шлюпку он запрыгивал раньше нас и так ловко прятался среди вещей, что мы никак не могли его разыскать. Однако стоило причалить к берегу, как невесть откуда появлялся Дымок. Он воровато оглядывался по сторонам, поднимал трубою хвост и первым выскакивал на гальку, забавно удирая от набегавших морских волн. Отряхнувшись от попавших на него брызг, Дымок устремлялся в прибрежный лес. К вечеру он незаметно пробирался в лагерь и снова оказывался в чьей-нибудь шапке или куртке. неизменно с добычей или краденными продуктами.

Насколько неожиданной была встреча с Дымком, настолько внезапным оказалось и расставание с ним. В день отъезда с острова мы нигде не могли найти нашего пушистого шалуна. Не явился он и к отплытию. Не захотел расстаться с родным островом.

Так мы и уехали без Дымка.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Во время одной из шантарских экспедиций мне пришлось две недели прожить в одиночестве на большом острове Феклистова.

Выход из моей палатки был обращен в сторону морского берега, усыпанного крупной галькой. В минуты отдыха я любовался широким заливом, цвет которого менялся в зависимости от погоды: в бурю он был грозный, темный, в безветренную погоду — ласковый, лазурный.

Крупные морские птицы, облюбовавшие ближайшие утесы для гнезд, хлопотливо суетились на выступах, плавно слетали вниз и взмывали вверх, бесстрашно бросаясь потом оттуда в зеленоватые воды за добычей. Часто совсем близко от берега показывались круглые усатые морды лахтаков, или морских зайцев.

Как-то для научных целей я застрелил из мелкокалиберной винтовки крупного лахтака и с большим трудом втащил его на гальку. Мутно-зеленая с черными пятнами шкура лахтака лоснилась и блестела от воды, солнца и собственного жира. Ободранную тушу я оставил у воды, надеясь, что ночной прилив захватит ее и унесет в открытое море.

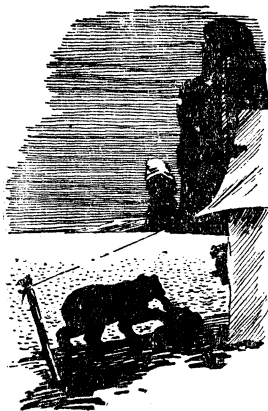
Глубокой ночью меня разбудил шум тяжелых шагов. Я выбрался из спального мешка и осторожно выглянул через прорезь палатки. Чернильная темнота сплошным покровом закрывала и берег, и море, и ближайшие скалы. Но вот глаза привыкли к темноте, и я разглядел огромного зверя, который возился у туши еще не унесенного морем лахтака.

Через несколько минут ветер разогнал тучи, и серебристый свет луны озарил волнующееся море, каменистую чешую береговой гальки и большого медведя, который лакомился морским зайцем. Поздний ужин так увлек ночного гостя, что он не обращал внимания ни на белевшую при свете луны палатку, ни на стоявшую у берега шлюпку, ни даже на музыку, доносившуюся из включенного радиоприемника.

Я был бессилен против опасного хищника со своей мелкокалиберной. И хотя ночной визитер пока ничем не угрожал мне, все же следовало как-то от него избавиться. Утолив аппетит, медведь мог заглянуть в гости и ко мне. Что же делать?

И тут я вспомнил, что в углу палатки у меня есть сухая береста. Нашупев в темноте пучок, я поджег его и бросил в косолапого. Следом за первым пучком полетели второй, третий.

Сперва медведь не обратил внимания на огненные свитки, но когда береста вокруг него ярко запылала, медведь забеспокоился. Затем он быстро схватил зубами шестипудового лахтака и без малейшего усилия поволок его по гальке прочь от палатки, лишь изредка удивленно оглядываясь на огонь.

ОСТРОВ МОРСКИХ ЗАЙЦЕВ

с каменными бойницами и амбразурами. Картину довершали острые пики, поднимавшиеся по сторонам. Кругом лежало неподвижное серое море.

Вскоре мы услышали таинственные протяжные звуки, будто выходящие из морской глубины. Мы продолжали усердно грести. Прошло еще полчаса, и нам показалось, что мы слышим рев большого стада коров.

— Что это? — с беспокойством спросил студент Кузнецов.

— Лахтаки ревут, — ответил Протасов, сидевший рядом с ним. —

Впереди лежище.

В полукилометре от острова рев лахтаков стал настолько громким, что, разговаривая друг с другом, мы повышали голос почти до крика.

— Прижимай к берегу! — скомандовал Протасов. Этот невысокий, подвижной человек был нашим проводником.

Огибая утес за утесом, мы искали удобное для причала место, пока не вошли в небольшой узкий залив. В конце его виднелся отлогий берег. Выскочив из шлюпки, мы направились к лежбищу.

Взобрались на зубчатую каменную грядку и увидели внизу море. Остров окаймляла полоса крупной гальки. Рядом поднимались отвесные базальтовые скалы, кое-где покрытые желтым лишайником.

Но самым удивительным был вид лежбища. Огромные лахтаки по два и более метра длиной лежали на берегу. Они теснились у скал, неуклюже переваливаясь грузными телами, похожими на гигантские капли. Их было множество — светло-коричневых, темно-коричневых, почти желтых и черных. Я подумал, что морскими зайцами они названы, видимо, в шутку. Хорош заяц весом в двести пятьдесят килограммов!

В бинокль мы ясно видели их тупые морды, зеленые глаза, большие редкие усы, пасть.

Все новые и новые звери выползали на берег, хотя там уже яблоку негде было упасть. Они неуклюже лезли через своих товарищей и ползли дальше, пока не упирались в подножие скал.

Самцы были много крупнее самок. Они-то и издавали этот страшный рев. Трубя, они поднимали вверх головы и поводили ими из стороны в сторону, широко раскрывая пасти.

— Стрельнуть бы! — прокричал мне в ухо Протасов.

— Стреляй. Только вверх.

Протасов выстрелил из карабина, и эхо многократно повторило звук. Произошло что-то необыкновенное. На мгновение воцарилась мертвая тишина, затем сотни тяжелых лоснящихся тел бросились в воду. Послышался оглушительный всплеск, море стало белым от пены и брызг. Скооро волнение улеглось, и мы увидели в воде круглые морды с добродушными глазами. Ляхтаки разглядывали нас.

Солнце уже клонилось к западу, когда я, проведя целый день в зарослях кедрового стланика, возвращался в свою палатку. Я быстро шагал вниз по склону горы среди сероствольных берез и приземистых лиственниц. Вскоре показался словый лес. И здесь, на границе лиственничника и ельника, я встретил преворного соболя.

Это был небольшой темно-коричневый зверек. Он выскочил из-под развесистого куста и ловко взобрался на изогнутую ветку старой лиственницы. Пробежав до конца ветки, он повернулся ко мне. Я увидел, что у соболя крохотные черные глаза и яркие белые зубки. Зверек сунул мордочку между переплетенных ветвей, и в его зубах оказалась мышь.

«Как же соболя так быстро поймал грызуна, да еще на дереве!» — с удивлением подумал я и невольно пожал плечами. Этого неосторожного движения было достаточно, чтобы спугнуть зверя. Не выпуская добычи, он скользнул вниз по стволу и скрылся.

Досадуя, что мне не удалось продолжить наблюдение, я подошел к дереву и внимательно осмотрел его. Ветка, по которой бежал соболя, простиралась невысоко над землей, я пригнул ее рукой. А, так вот в чем дело!

На острые сучья были наколоты совсем сухие или полувяленые мыши, землеройки, мелкие птицы. А в зелени мягких игл я нашел даже длинную сморщенную ящерицу.

Я решил, что это кладовая соболя. Но тут над моей головой послышался хриплый каркающий крик. Вздвогнув, я поднял голову. На вершине лиственницы сидела серая птица, чуть поменьше дрозда. По белым пятнам на черных крыльях и темной полосе, проходящей через глаза, я узнал сорокопуга.

Так, значит, это сорокопуг развесил тут свою добычу! Сейчас эти запасы обнаружил плутишка соболя и воровал их.

ДЕРЕВО- Кладовая

ДЕТОПИСЬ НЕ- ОБЫЧАЙ- НЫХ ЯВЛЕНИЙ

А в г у с т

Записи из метеорологических фондов говорят о том, что август на Урале может быть разным. В иной год он бывает чудесным летним месяцем, иногда даже знойным, а иногда отличается тоскливо промозглой погодой. Да еще и с сюрпризами.

Вот некоторые каверзы уральского августа.

17 августа 1914 года на Среднем Урале произошло ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ. В Кунгуре было пять толчков, продолжительностью около одной минуты. С наибольшей силой (6 баллов)

землетрясение проявилось в Билимбаевском заводе, где падали печные трубы и в домах образовались трещины.

Подземные толчки отмечались в Лысьве, Кизеле, Туринске, Красноуфимске, Кургане и Златоусте.

9 августа 1950 года в Кисертском районе Пермской области выпал необычно КРУПНЫЙ ГРАД, сопровождавшийся шквалом. Величина градин превышала крупное яйцо. Сильно побило подсолнух, кукурузу, ботву картофеля. Крупные градины пронизывали насквозь молодые капустные кочаны. В лесах обнаружено множество убитых градом птиц и масса древесных ветвей, устлавших почву сплошным зеленым ковром. Во многих домах с наветренной стороны были полностью выбиты стекла.

4 августа 1960 года в Кудымкарском районе Пермской области прошел очень СИЛЬНЫЙ ШКВАЛ. В лесу он вырывал с корнем деревья и повалил их столько, что образовалась просека шириной 700 метров. Ураганный ветер разрушил жилые строения и колхозные постройки в деревне Ершово и в трех других ближайших селениях. Со

многих домов сорвало крыши, по бревнам раскатало помещения животноводческих ферм, совсем рухнули старые избы. Черепицу и доски вихрь переносил в воздухе на расстояние 400—500 метров.

14—16 августа 1964 года всю территорию Северного и Среднего Урала и частично Южного Урала (северные районы Челябинской области) охватили ЗАМОРОЗКИ до минус 2—4 градусов. Заморозки сильно (на 40—70%) повредили на больших площадях кукурузу, картофель, томаты.

10 августа 1967 года в Челябинской и Курганской областях прошли СИЛЬНЫЕ ЛИВНИ. Местами в этот день выпало 45—88 миллиметров осадков, что соответствует месячной норме. Ливни сопровождались интенсивным градом и шквалистым ветром. Эти необычайные по силе явления нанесли серьезный ущерб сельскому хозяйству. На площадях, исчисляемых пятизначными цифрами, были значительно или полностью повалены посевы кукурузы, овса, вики.

Л. ФЕДОРОВ,
З. ХАЛЕВИЦКИЙ

Следы шквала 1960 года в деревне Ершово, Пермской области.

ШЕЯ И ГОЛОВА

Вздыхала шея и ворчала:
— Носить я голову устала.
Такая тяжесть не по мне.
А голова ей отвечала:
— Когда б я вдвое легче стала,
Тебе б трудней пришлось вдвойне.
Нет в мире правила вернее.
Запомни мудрые слова:
Чем больше весит голова,
Тем легче шее!

ОДНО ОПАСЕНИЕ

Кот Васька
Был тигровой масти
И всех серьезно уверял,
Что он совсем бы тигром стал.
Да вот одно его тревожит,
Как от собак он удерет:
Ведь тигр на столб залезть не сможет
И в подворотню не пройдет!

И. Ключиков

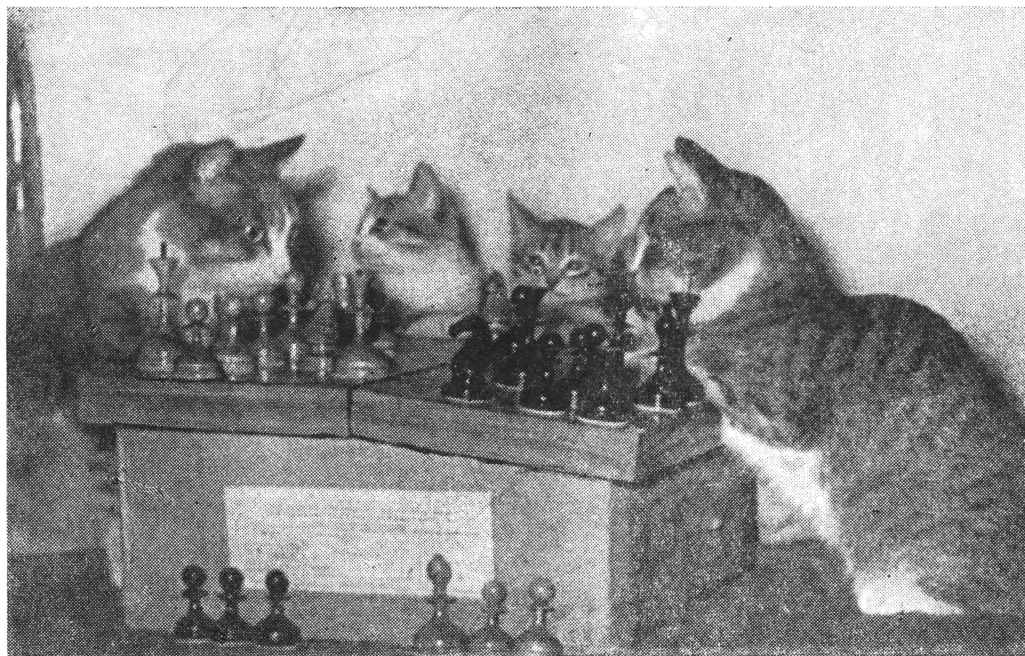
ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

Друг нуждается в нас лично,
В нашей дружеской руке...
Потому друзей обычно
Водим мы на поводке!

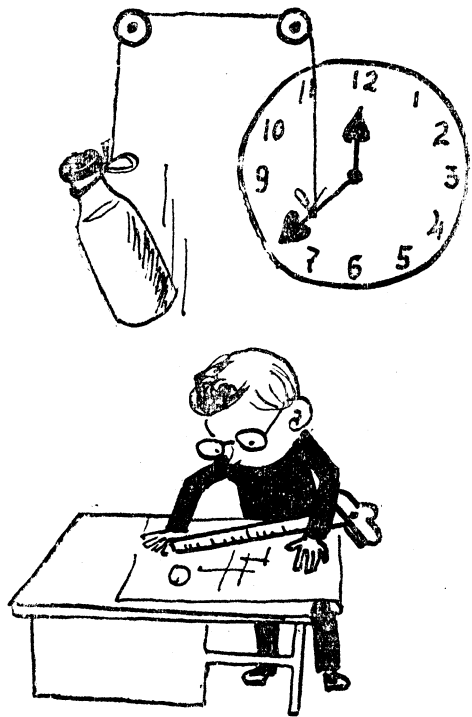
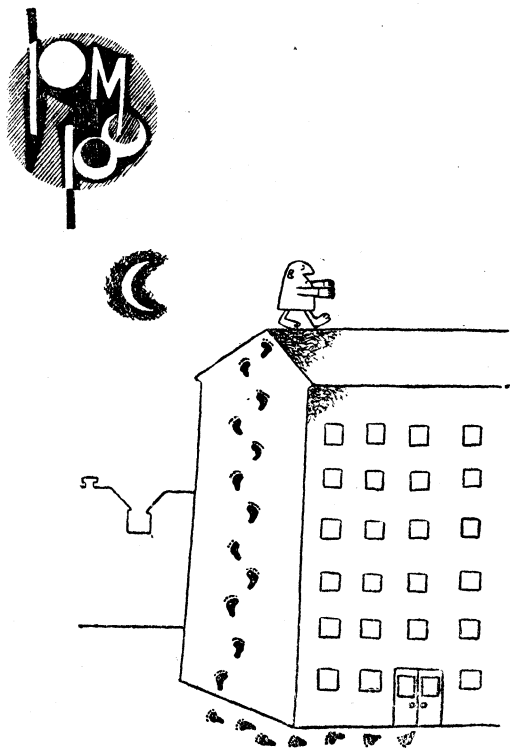
ЛЮБОВЬ К ПРИРОДЕ

Любят зайцы травку...
Лисы зайцев любят...
А медведь лисицу,
Коль случится грех.
Любит белка шишки,
А куница — белку...
Караси — сметану...
Я люблю их всех!

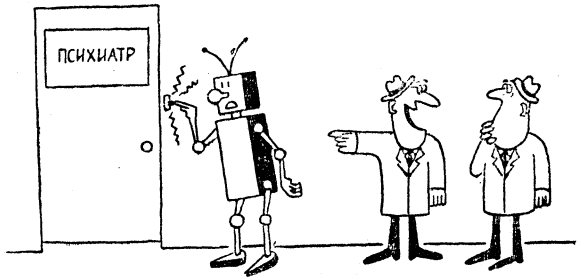
И. Тарабукин

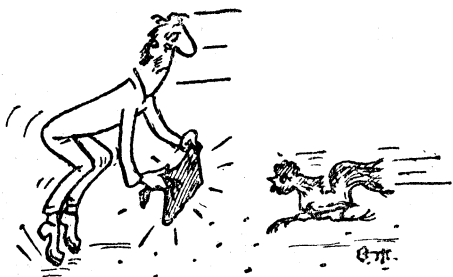
На первенство мира

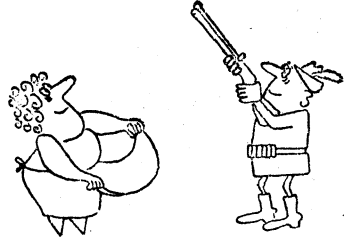
Завтрак изобретателя

— И ты, Брут!

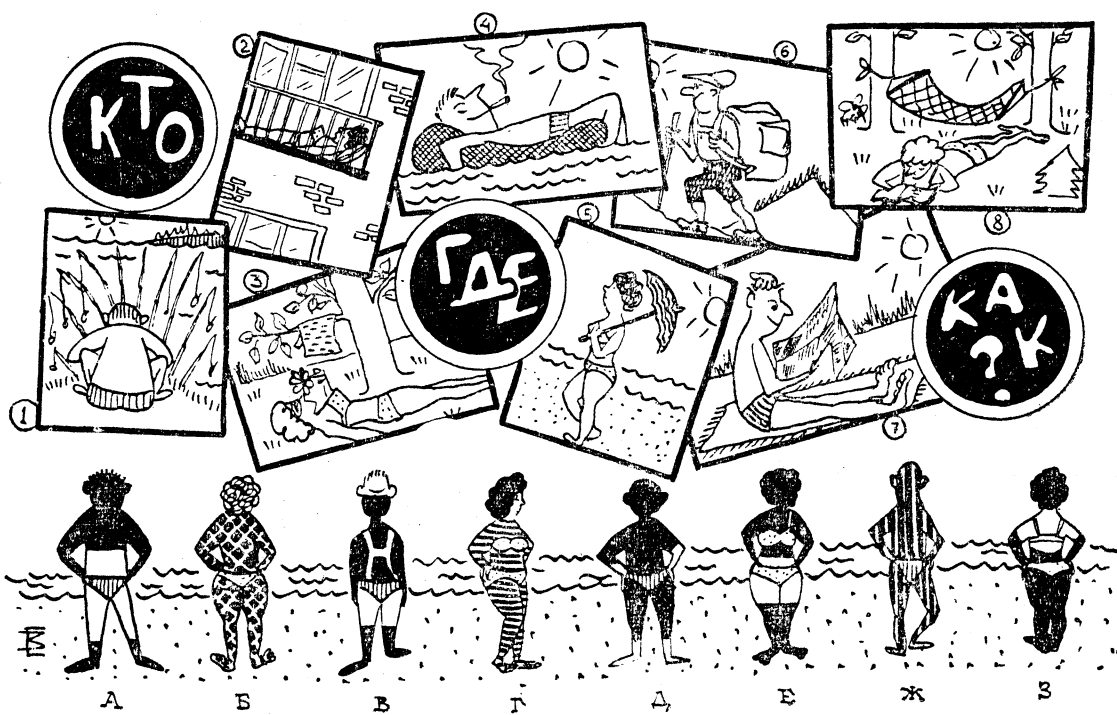

Тренировка начинающего тореадора.

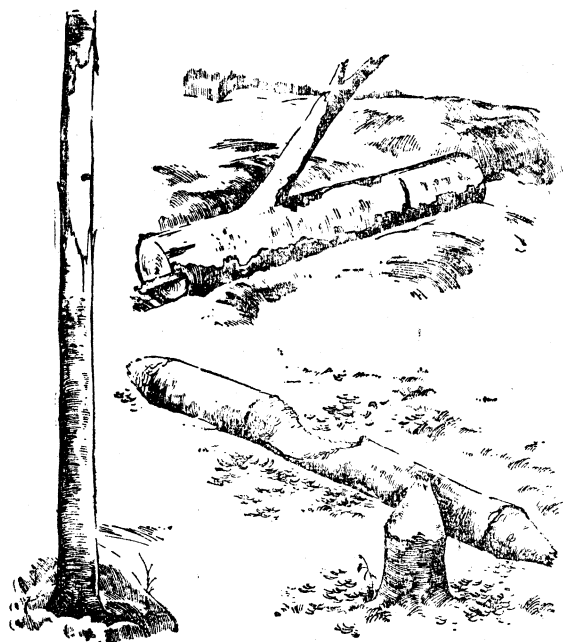
Рисунки А. Радвилавичуса, А. Грунина и В. Тесленко

НАЙДИ, УЗНАЙ, ПОДУМАЙ!

Кто, где, как загорал?

Рисунок В. Семенова

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ, ОПУБЛИКОВАННУЮ В № 7

1 — сибирский хариус; 2 — пескарь;
3 — чехонь; 4 — стерлядь; 5 — таймень;
6 — белуга; 7 — линь; 8 — пелядь (сырок).

Кто, по вашему мнению, обрызгал эти осины?

Рисунок А. Бойченко

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

Красивую памятную плакетку из мамонтовой кости вырезал мастер-косторез В. А. Русаев. Посвящена она столетию со дня открытия Дмитрием Ивановичем Менделеевым периодического закона химических элементов.

На лицевой стороне — барельеф ученого. На оборотной — Тобольский кремль и надпись: «В память столетия периодической системы Менделеева. 1969».

Памятная плакетка передана в музей-заповедник Тобольска — родины великого ученого.

В. КОРЫТОВА

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор
Э. Максимова

Корректор
В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353,
ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство.

Подписано к печати 16/VII 1969 г. Бумага 84×108^{1/8} —
2,62 бум. л. — 8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 10,48. НС 13219.
Тираж 132 000. Цена 30 коп. Заказ 328

Типография издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике
офсетной печати.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ВСЕ ОБНОВЛЯЕТСЯ В ПРИРОДЕ... 17
Б. Кауров. Стихи
ПЕРЕД НАВИГАЦИЕЙ 17
В. Сибирев. Стихи
ТЕПЛЫЙ ХЛЕБ 34
Т. Курелла. Рассказ
ПОГОНЯ В ТУМАНЕ 44
С. Снегов, В. Черносвитов.
Приключенческая повесть
ЦАРСКАЯ ПОДПИСЬ 62
В. Печенкин

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

- НЕ ВЕРЬ ТИШИНЕ 2
В. Турунтаев. Документальная повесть
ЛЕДОВАЯ ТРОПА 58
Л. Щипко
«АЗИН СОКОЛОМ ЛЕТАЛ...» 69
А. Никитин

КРАЕВЕДЕНИЕ

- УРАЛЕЦ — БИОГРАФ ЛЕНИНА 18
Б. Мецержаков
АМЕТИСТОВОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ 38
Ю. Соловьев
ОПЕРАЦИЯ «Ч» 72
ЛЕТОПИСЬ НЕОБЫЧАЙНЫХ ЯВЛЕНИЙ 76
Л. Федоров, З. Халевицкий

ДОРОГАМИ ПОИСКА

- АДРЕС: ФОНТАНКА, 62 14
Е. Костина. На приз нашего журнала
ПОЧТАЛЬОН «ИСКРЫ» 19
Б. Ярогов
ГДЕ ВЫ, ДРУЗЬЯ-КРЕМЛЕВЦЫ? 43
И. Геллер
ПИТОМЦЫ ГОРЬКОГО 56
В. Ябуров

НАУКА, ТЕХНИКА, ТРУД

- К ЛЮДЯМ НАШИ ДОРОГИ 20
Л. Румянцев
АЗ, БУКИ, ВЕДИ 68
В. Житников

ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ

- ШАНТАРСКИЕ ЭТЮДЫ 73
А. Нечаев

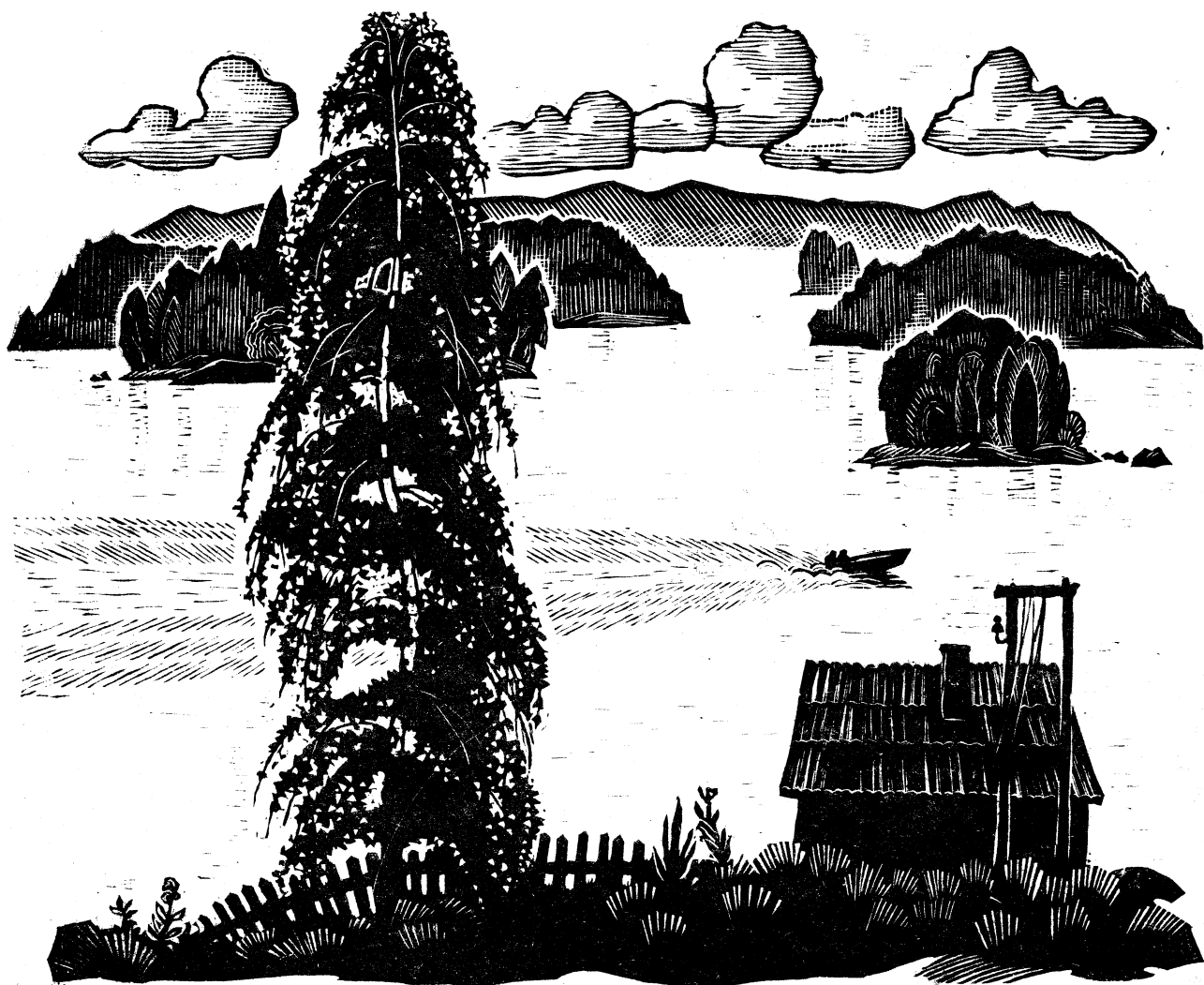
Обложка В. Воловича и С. Киприна

...Исполнилась давняя мечта Годфрея о заморских странах, о далеких путешествиях. В сопровождении чудаковатого учителя танцев Тартелета он поднимается на борт шхуны, и вот уже „Эсмеральда“ разрезает бесконечную гладь Тихого океана...

О неожиданном обороте, какой приняло это путешествие, рассказал Жюль Верн в своем романе „Школа Робинзонов“. Роман этот совершенно не известен нашему молодому читателю: вы не найдете его в библиотеках; не включен он и в собрание сочинений писателя, вышедшее в 1954–1957 годах.

Роман „Школа Робинзонов“ мы начнем публиковать в первых номерах 1970 года.

Н. ЧЕРКАСОВ (Челябинск)

ОЗЕРО УВИЛЬДЫ

30 Коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ